

Вестник
Самарского
Государственного
Технического
Университета

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
Издается с 2019 г.
Выходит 4 раза в год

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ПИ № ФС77-75250 от 7 марта 2019 г.

Август 2020

Серия

«ФИЛОСОФИЯ» № 2 (5), 2020

Учредитель – ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Главный редактор д-р филос. наук, проф. А.А. Шестаков (Самара, Россия)

Заместитель главного редактора д-р филос. наук, доц. В.Б. Малышев (Самара, Россия)

Ответственный секретарь к. филос. наук Р.О. Исаев (Самара, Россия)

Секретарь И.С. Панин (Самара, Россия)

Члены редакционного совета:

д-р филос. наук А.В. Голубев (Уральск, Республика Казахстан)

д-р филос. наук, проф. И.И. Докучаев (Санкт-Петербург, Россия)

д-р филос. наук, проф. В.В. Костецкий (Санкт-Петербург, Россия)

д-р филос. наук, проф. В.И. Кудашов (Красноярск, Россия)

д-р филос. наук, проф. А.Ф. Кудряшев (Уфа, Россия)

к. филос. наук, доц. В.И. Миськевич (Минск, Республика Беларусь)

д-р филос. наук, проф. В.П. Филатов (Москва, Россия)

д-р техн. наук, проф. Л.М. Фридман (Мехико, Мексика)

Редакционная коллегия серии:

д-р филос. наук, проф. А.А. Шестаков (главный редактор) (Самара, Россия)

д-р филос. наук, доц. Е.В. Бакшутова (Самара, Россия)

д-р филос. наук, проф. Б.Л. Губман (Тверь, Россия)

д-р филос. наук, доц. И.В. Дёмин (Самара, Россия)

д-р филос. наук, доц. В.Б. Малышев (Самара, Россия)

д-р филос. наук, доц. А.Ю. Нестеров (Самара, Россия)

д-р филос. наук, проф. В.А. Нехамкин (Москва, Россия)

д-р филос. наук, проф. Э.А. Тайсина (Казань, Россия)

д-р филос. наук, доц. В.Т. Фаритов (Ульяновск, Россия)

д-р филос. наук, проф. А.А. Хамидов (Алма-Ата, Республика Казахстан)

Ph.D., Prof. М. Чарноцкая (Варшава, Республика Польша)

Ph.D. М.В. Юсупова (Ньюкасл, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)

Ph.D., Prof. М. Накамура (Осака, Япония)

к. филос. наук, доц. М.Р. Дисько-Шуман (Минск, Республика Беларусь)

Vestnik of
Samara
State
Technical
University

SCIENTIFIC PUBLICATION
Published since 2019
Four issues a year

Registered in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and
Mass Communications (Roskomnadzor).
ПИ № ФС77-75250 of March 7, 2019

August 2020

Series:

«PHILOSOPHY» № 2 (5), 2020

Founder – Samara State Technical University

The editor-in-chief Dr. of Sciences, prof. A.A. Shestakov (Samara, Russia)

Deputy editor-in-chief Dr. of Sciences, Assoc. V.B. Malyshev (Samara, Russia)

Executive Secretary Ph.D. R.O. Isaev (Samara, Russia)

Secretary I.S. Panin (Samara, Russia)

Editorial Board Members:

Dr. of Sciences A.V. Golubev (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

Dr. of Sciences, prof. I.I. Dokuchaev (St. Petersburg, Russia)

Dr. of Sciences, prof. V.V. Kostetsky (St. Petersburg, Russia)

Dr. of Sciences, prof. V.I. Kudashov (Krasnoyarsk, Russia)

Dr. of Sciences, prof. A.F. Kudryashev (Ufa, Russia)

Candidate of Sciences, Assoc. V.I. Miskevich (Minsk, Republic of Belarus)

Dr. of Sciences, prof. V.P. Filatov (Moscow, Russia)

Dr. of Sciences, prof. L.M. Friedman (Mexico City, Mexico)

Editorial Board Series:

Dr. of Sciences, prof. A.A. Shestakov (Editor-in-chief) (Samara, Russia)

Dr. of Sciences, Assoc. E.V. Bakshutova (Samara, Russia)

Dr. of Sciences, prof. B.L. Gubman (Tver, Russia)

Dr. of Sciences, Assoc. I.V. Dyomin (Samara, Russia)

Dr. of Sciences, Assoc. V.B. Malyshev (Samara, Russia)

Dr. of Sciences, Assoc. A.Y. Nesterov (Samara, Russia)

Dr. of Sciences, prof. V.A. Nehamkin (Moscow, Russia)

Dr. of Sciences, prof. E.A. Taysina (Kazan Russia)

Dr. of Sciences, Assoc. V.T. Faritov (Ulyanovsk, Russia)

Dr. Sciences, prof. A.A. Khamidov (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

Ph.D., Prof. M. Czarnocka (Warsaw, Republic of Poland)

Ph.D., M.V. Yusupova (Newcastle, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

Ph.D., Prof. M. Nakamura (Osaka, Japan)

Candidate of Sciences, Assoc. M.R. Dysko-Shuman (Minsk, Republic of Belarus)

Научное издание
Вестник Самарского государственного технического университета
Серия «Философия» (№ 2 (5) – 2020)

Учредитель – ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет»
443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244, главный корпус
Редактор С.В. Фокина
Выпускающий редактор Е.С. Захарова
Компьютерная верстка И.О. Миняева

Адрес редакции и издателя:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный
технический университет»
443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

Телефон: +7 (846) 339-14-95
E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-75250 от 07.03.19
Подписано в печать 12.03.2020
Выход в свет .09.2020
Формат 70 × 108 1/16
Усл. печ. л.12,18. Уч.-изд. л. 12,14
Тираж 500 экз. Рег. № 163/20
Заказ № 208

Отпечатано в типографии
Самарского государственного
технического университета

Адрес типографии:
443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244
Корпус № 8

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Полнотекстовый доступ к статьям журнала осуществляется на сайте научной
электронной библиотеки <http://elibrary.ru>

**Подписной индекс в каталоге «Роспечать» –
ISSN 2658-7750**

© Авторы, 2020
© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2020

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

<i>Tajsin E.A.</i> Intercultural Communication as an Important Purpose of Modern Philosophy	6
<i>Баньковская Ю.Л.</i> Сетевой конфликт как фактор дестабилизации общества	35
<i>Даведенко С.В.</i> Эпидемия коронавируса как угроза благополучию человека через его самовострятие	43
<i>Цветкова И.В.</i> Трансформация категории «ответственность» в условиях постиндустриального общества	49
<i>Шевченко Е.Б.</i> Социокультурные изменения в контексте политической территориальности и геополитической интеграции.....	63

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Nakamura M.</i> Philosophy of Communication in Japanese Culture.....	68
<i>Костецкий В.В.</i> Апология гегелевской диссертации «об орбитах планет»	73
<i>Фаритов В.Т.</i> Ницше и христианство: апофатическая философия в свете кризиса европейской метафизики	85

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Нуруллин Р.А.</i> Наука без метафизики лишает человека смысла существования.....	98
<i>Юровицкий С.В.</i> Методологические основания онтогносеологии	106
<i>Аль-Зубайди С.Х.</i> Теория и эксперимент в биологии. Теоретическая биология как проблема современной биологии	113

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Корсаков С.Н.</i> Две историографии русской философии в советский период	130
--	-----

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

<i>Тюгашев Е.А.</i> Формы общественного сознания: опыт системной типологии.....	137
Наши авторы	150
Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник САМГТУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ».....	152

CONTENS

PHILOSOPHY AND MODERN WORLD

Тайсина Э.А. Межкультурная коммуникация как важная цель современной философии.....	
Bankovskaya Yu.L. Network Conflict as a Factor of Society Destabilization	35
Davedenko S.V. The Coronovirus Epidemic as a Threat to Human Well-Being, through its Self-Expression	43
Tsvetkova I.V. Transformation of the «Responsibility» Category in a Post-Industrial Society.....	49
Shevchenko E.B. Socio-Cultural Changes in the Context Political Territoriality and of Geopolitical Integration.....	63

FOREIGN PHILOSOPHY: HISTORY AND CONTEMPORARY

Накамура М. Философия коммуникации в японской культуре	68
Kostetckii V. Apology of the Hegelian Dissertation «On the Orbits of the Planets».....	73
Faritov V.T. Nietzsche and Christianity: Apophatic Philosophy in the Light of the Crisis of European Metaphysics	85

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Nurullin R.A. Science without Metaphysics Deprives a Person of the Meaning of Existence	98
Yurovitskii S.V. Methodological Grounds of Ontognoseology	106
Al-Zubadiy S. Kh. Theory and Experiment in Biology: Theoretical Biology as a Problem of Modern Biology.....	113

ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Korsakov S. N. Two Historiographies of Russian Philosophy in the Soviet Period.....	130
--	-----

TO HELP THE TEACHER

Tyugashev E.A. Forms of Social Consciousness: Experience in System Typology	137
--	-----

Наши авторы	150
-------------------	-----

Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник САМГТУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ».....	152
---	-----

УДК 130.3

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS AN IMPORTANT PURPOSE OF MODERN PHILOSOPHY*

*Emilia A. Tajsin*¹

Kazan State Power Engineering University, Kazan

E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

Abstract. *Neither for today's Russia, nor for the whole of the contemporary world is there, perhaps, a more important issue than the possibility of a civilized, peaceful dialogue between cultures, peoples, governments and individuals. Philosophical discourse, questioning and testing any judgment – since critical reflection is the main function of philosophy – is always ultimately directed to the common good, or it is not a philosophical discourse. Philosophical schools, societies and organizations, promoting the idea of universal dialogue, contribute to mitigating conflicts, solving problems associated with language and ideological barriers, strengthening professional and friendly ties and implementation, through joint efforts, of a decent, peaceful and fair world order.*

Keywords: *intercultural communication, International Society for Universal Dialogue, «Dialogue and Universalism» philosophical journal*

Introduction

*Philosophy is not important in itself.
But it is capable to show what is important and what is not.
H. Skolimowski*

Last year, the reading and acting public could certainly recall the event that happened thirty years ago: the opening of the border crossing corridor in the Wall between East and West Germany, its symbolic and real meaning and changes that followed not only in the European or Russian world, but also in global reality after November 9 when new rules for entry and exit from the GDR were announced. Hundreds and thousands of Germans from both sides rushed to the border. Eyewitnesses emphasize that there was a feeling of a national holiday.

In November 2019, a remarkable jubilee came associated with this event: thirty years passed since the International Society for Universal Dialogue, ISUD, the

*This material was partly published in «Dialogue and Universalism» Vol. XXIX, No. 2/2019, and partly in Proceedings of the international conference in Chelyabinsk (in Russian): Бытие человека: проблема единства во многообразии современного мира. – Челябинск: ЧелГУ, 2019.

¹ Taysina Emliya Anvarovna (Emily Tajsin), PhD, DSc in Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Mediacommunications Kazan State Power Engineering University.

cross-cultural philosophical organization, was born. It was created in 1989 in Poland as a response of scientists from different countries to a global challenge. ISUD was initiated and led by the Polish philosophy professor Janusz Kuczyński with the intensive support of UNESCO and the United Nations University. The main idea and driving force of ISUD was the promotion of intercultural dialogue as a means of cultivating the highest and richest human values in all spheres of life.

This is how a witness and participant recalls this event – Charles Brown, who was to become an ISUD President:

«In the spring of 1989 – I was a young philosopher seeking to establish a research record – wanting to contribute to the great enterprise of philosophical thinking. I came across a Call for Papers – an invitation to present a paper at the «International Symposium of Universalism». This was intriguing for both philosophical and political reasons ... I arrived in Warsaw after an overnight train-ride from Berlin. I was anxious to experience the political transformation that had stunned and inspired much of the world. A spirit of renewal was in the air and in the streets—a spirit of energy, creativity, and hope—a sense of a historical moment too young and too fresh to be completely understood...¹

This was a moment of optimism, big ideas, and hope for cultural renewal, C. Brown confirms – a moment of expectation of a more humane, peaceful, and just world through philosophical dialogue.

The «founding father» of ISUD Janusz Kuczyński saw his goal and described his philosophical vision in the following way. It is a means, or a process, of restoring genuine values, ideas and achievements of a multitude of traditions, cultures and philosophies, which globalist forms of universalism were drowning out in their projects of absorbing all cultural differences.

These restored values should be the subject of a transcultural philosophical dialogue on the part of the world community of philosophers. This «dialogic» interactive community will work to confirm the rationality of conducting discussions on ethical, scientific, social, political issues. Kuczyński argued that the emergence of a global ethos of dialogue would support a new form of human identity; it will be a new vision of ourselves, a new form of subjectivity, which he called «global moral subjectivity».

As for myself, I learned about the existence of the Universal Dialogue Society in the winter of 2012 from E.V. Demenchonok, a professor at the University of Georgia, who turned out to be the ex-president of the Society, and I am still grateful for this information. In the same year I took part in the ISUD Congress held in the sacred place for any philosopher – ancient Olympia. Not everything went smoothly then; at the General Assembly there were heated debates of the public with the acting administration; but in the end the Greeks Christopher Vasilopoulos and Panagiotis (Panos) Eliopoulos were elected President and Vice President. Congresses are held every two years. In 2016, the Society returned to Warsaw; and in

¹ Charles Brown. The Dialectics of Identity and Difference. Key address to the XIth World Congress of the International Society for Universal Dialogue.

2018, the Congress for the first time in its history took place in Latin America. In addition, the ISUD section was presented at the World Philosophical Congresses in Athens (2013) and Beijing (2018).

These cultural and historical events, being a manifestation and embodiment of globalization processes taking place in the world, gather hundreds of participants from Europe, Asia, the USA and, more recently, from Russia and Latin America. All our meetings are aimed at promoting the idea of intercultural philosophical and scientific, as well as sociopolitical contacts for the sake of discussing common problems existing in a controversial, conflicting, complex, uneasy world.

Solutions proposed by ISUD members are generally published in the pages of «Dialogue and Universalism» (D&U). This journal, which has become the main forum of the Society, has been published since 1973; Janusz Kuczyński was the founder and then editor of it for many years, and since 2015 Małgorzata Czarnocka, Professor of Polish Academy of Sciences, a well-known expert in the field of philosophy of science, has become Chief Editor of D&U.

ISUD: History and Modernity

Since 2004, ISUD has been one of 103 full members of the International Federation of Philosophical Societies (FISP), a non-governmental organization uniting various national and international philosophies and affiliated with the International Council on Philosophy and Humanity Studies (ICPHS) and UNESCO. The objectives of ISUD are largely consistent with the basic goals of FISP, ICPHS and UNESCO, namely: to promote philosophical education on a global scale and to raise awareness of the social and global problems that we face in order to break the deadlock in which humanity found itself at the beginning of the XXI century¹.

The 30-year anniversary is not just an informational occasion to consider the philosophical and scientific work of the scientists who are part of ISUD. The activities of the Society meet the realities of our time in full. The political and socio-economic contradictions that are shaking humanity today have the most dangerous tendency to exacerbate. Years and decades passed; youthful inspiration was followed by questions; perplexity; disappointment – and new determination, too. At the ISUD Congress held in July 2018 in the Peruvian capital of Lima, Charles Brown underlined in his Keynote speech: «Today, in 2018, the optimism of Janusz Kuczyński has withered. For many of us, it feels more like 1936 than 1989. Too many storms threaten our very lives today. Too many mad bulls have lost their way... trampling our institutions, eroding our optimism»².

Indeed, the deadly nature of modern warfare and the threat posed by modern types of weapons, and on the other hand, decades of domination (perhaps exaggerated) of ironic and literary talented, charming postmodern paradigmatics, convinc-

¹ Steven V. Hicks, *The American Journal of Economics and Sociology*, 2007, Vol. 66, No. 1.

² Charles Brown. «Resisting Nihilism since 1989. Keynote Address to the XIIth World Congress of the International Society for Universal Dialogue, Lima, Peru». *Dialogue and Universalism* No. 1/2019. 9 – 17. P. 13.

ingly refuting the ideas and values of the modernity era, that is The Enlightenment with its «naive» faith in reason, science, morality, justice, and progress, determine the basic social, spiritual, and intellectual traits of our time.

Our capacity for authentic public moral discourse, for shared and rational reflection on the genuine issues of humanity, once again fades, Charles Brown recons. We *feel* a sense of uncertainty, urgency, and anxiety over our futures, the futures of our children, and the future of our planet. This sense of uncertainty, urgency, and anxiety rises as we sense, on some *primal* level, that we have lost our ability to *collectively imagine* a better future. We sense that we have lost our ability for authentic public discourse on issues of meaning and value. Utopian dreams from our past now **yield** to the dystopian nightmares of popular culture.

This sense of urgency does not rise because we recognize the dangers of rising seas and temperatures, nor does it come from the reality of ubiquitous pollution, or the tragedy of mass extinction. Nor does it rise because we witness increasing militarism and the spread of economic inequality. This sense of urgency does not even develop from losing our faith in the institutions that have sustained us. The pervasive spread of market practices and market logic into ever-greater arenas of social life becomes a way of life, a way of seeing the world. A market economy has metastasized into a market society and a way of life. Market practices and market logic become the assumed model for all social practices and relations. We admire competition and forget about the primacy of cooperation. The result is that resources, commodities, market practices, unapologetic dynamics of power and violence, and technological ways of seeing the world now threaten to *become our world*.

«The result is a new form of a global subjectivity, not the one imagined by Janusz Kuczyński, but the misshapen offspring of a lifeworld colonized by market practice and logic, colonized by a technological re-framing of the world and the dynamics of power; the result is a form of subjectivity shaped and mis-shaped by chasing the idols of profit, efficiency, constant growth, and power».¹

It seems rather natural that opinion leaders – philosophers, scientists, influential and responsible journals and journalists – should give an assessment and point out ways to solve the most acute socio-economic and political problems. And this should be a cross-cultural, or transcultural intellectual activity. But philosophy is now facing the threat of becoming the servant of all new forms of the dynamics of power and violence.

It is remarkable however, that, against the background, widespread in the late twentieth and early XXI centuries, of original and fascinating postmodern ideas in various countries, ISUD proclaims a commitment to many educational ideals of the modernity era, since the «modernity project» remained unaccomplished. As a result of discussions about the nature of universalism, the ISUD Constitution consistently states:

¹ Charles Brown. «Resisting Nihilism since 1989. Keynote Address to the 12th World Congress of the International Society for Universal Dialogue, Lima, Peru». *Dialogue and Universalism* No. 1/2019. P. 14.

The main goal of the Society is to promote in theory and in practice the ideals of universality as the most effective means of gradually realizing a decent, peaceful and fair world order. To achieve this goal, ISUD members should conduct scientific work, regional and international conferences, as well as personal and collective work to learn and share important knowledge and experience. Article IV

This is probably idealism – not philosophical idealism in the usual sense of university lecturers, but romantic idealism, which inspired and encouraged the then young philosophers who created the Society for Universal Dialogue. The constitution has been amended from time to time; however, the mission itself remains unchanged and is understood accordingly.

Discussions will continue, including relations between man and society, different forms of social consciousness and being, science and education of citizens, philosophy and science, science and industry, science and capital, civilization and culture, common problems of social action and communication.

A separate question is the responsibility of the «class of intellectuals» to society.

Małgorzata Czarnocka, editor-in-chief of *Dialogue and Universalism*, analyzes, in No. 3 for 2012, the project of Nicholas Maxwell, a London professor¹, founder of the group *Friends of Wisdom*, which professor wrote about «evil», the dangers of science without civilization since 1976 (the book «*What is with science?*») and proposed a plan based on the possibility of transition from scientific knowledge to «wisdom». Maxwell's proposal to establish a world confederation of scientists standing above governments could lead to a totalitarian system, M. Czarnocka warns. On the whole, we are not entitled to put forward universal solutions for all of humanity.

Unlike traditional forms of universalism (= globalism), our philosophical vision begins with recognition and respect for a multitude of cultures and philosophical traditions. From the very beginning it was based on a spirit of dialogue that would cover the widest possible segment of humanity; we would not offer a definitive «dictionary», would exclude an «epistemic closure» and would not have claims to universal legislative power.

Human problems are essentially social and psychological.

«The notion of «universalism» seemed [to me] contrary to the prevailing ethos of pluralism within contemporary philosophy... Traditional universalism had been the target of widespread philosophical critique. It was common to hear that traditional universalism called for a single worldview for all that always ended in dogmatic views of truth, freedom, and justice—dogmatic views that were asserted to be final and complete. Traditional forms of universalism came to be seen as threats to swallow up all cultural differences—and if necessary, to do so by power or violence. The result of such a monologue expressed itself as colonialism, Euro-centrism, and other justifica-

¹ Małgorzata Czarnocka. On Nicholas Maxwell's project of transition from knowledge to wisdom. D&U 3/2012. 67 – 77.

tions of elitist power. And yet *this* call for papers seemed to suggest a *new form* of universalism—one that began and ended in dialogue—a new form of universalism that offered resistance to the temptation of premature epistemic closure and the corresponding attitude of universal legislative authority.»¹

The «apple of contention» between the positivist philosophy of facts and the humanistic discussion of values is an understanding of culture and responsibility, i.e. dispute about professional «skills» and citizen-sense. Should, say, a university graduate be a narrow specialist with a set of «competencies» – or a thinking, whole person? Is mastering specialized knowledge more important than the ability to cultivate a universal way of thinking and responsible collective action?

Generally speaking, these «questions» look like antinomy-problems for post-modern consciousness. For a man of Renaissance or Enlightenment, as also, I hope, for the man of the future, these are not genuine problems. However, there is no doubt that ideas and values should be constantly reflected upon, clarified and re-evaluated by each new generation.

Let us refer to the experience of the last Russian Philosophical Congress (2016). The famous Russian expert in the field of theory of knowledge and philosophy of culture, Professor M.I. Bilalov (Makhachkala) made a presentation on «Philosophy of truth in the polylogue of cognitive cultures». The report was devoted to the author's original approach to the philosophical understanding of the concept of truth, which M.I. Bilalov has been developing for many years. This is an *approach based on the communicative space of cognitive cultures (italicized by me.-E.T.)*. The highest values of humanity, first of all, the fundamental ideals of freedom, human rights and society, value rationality and democracy are the result of dialogue (and polylogue), according to M.I. Bilalov, and we fully agree with this².

Problems of intercultural philosophy

All ISUD congresses are devoted to the problems of man and society, the unity and differences of the cultural values of mankind, intercivilizational and intercultural communication. We mention here only the last three, held in Romania, Poland, and Perú. The following topics were discussed in the dialogue mode: «The human being as a species: its nature and functions» (the University of Craiova, Romania on 4-9 July, 2014); «Values and ideals: theory and practice» (11–16 July 2016, Warsaw, Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences); «Philosophy in an age of crisis: challenges and prospects» (July 10–15, 2018, the Pontifical Catholic University of Perú – Pontificia Universidad Católica del Perú, Lima, Perú). All the three congresses gathered hundreds of participants practically from all parts of the world.

¹ Charles Brown. The Dialectics of Identity and Difference. Key address to the XIth World Congress of the International Society for Universal Dialogue.

² M.I. Bilalov. Philosophy of truth in the polylogue of educational cultures. // Journal Club Intelros «Credo New» No. 4, 2016.

The X Congress held in Craiova was preceded by the following preamble: We cannot allow ourselves, our shrinking planet can no longer afford to ignore the premises of our human nature, physical, mental and spiritual. At the same time, we can no longer afford to ignore the philosophical, broadly conceived as the understanding of all human activities, approach to these momentous problems. The more science and technology dominate our lives, the more necessary it is to place their remarkable achievements in a humanistic context. Philosophy remains an indispensable tool in this endeavour. Our theme as it is understood and analyzed by the conference participants promises to illuminate at the very least the conditions for reasonable approaches to the problems of 21st century civilization.

The following themes were analyzed during the Congress: various world views which are based in myth and religion; the future of religion as an influence on human beliefs and values; the scientific explanation of reality; the problem with scientism; the interconnectedness and interdependence of all life; the continued exploitation of the earth by human beings; the role of morality on human behavior; virtue theory versus duty theory, i.e., theory based on principles or rules; animal instincts, such as the sex drive, which drives procreation; overpopulation; how to plan cities, towns and farmland for the future; the effect of the global economy on human life and values; and perhaps the most difficult issue of all, namely, human knowledge from a human perspective.

The problems discussed at the 10th IUSD World Congress anticipated the theme of the XXIV World Congress of Philosophy, which took place in the summer of 2018 in Beijing: «Learning to be human.»

The XI Congress held in Warsaw was welcomed by the FISP Secretary General, now the President of this World Federation, Luca Maria Scarantino:

«Dear Colleagues, It is a privilege to share with you, albeit in absentia, the joy of ISUD's return to Warsaw where it was founded 27 years ago, as well as an honor to address you at this 2016 World Congress of ISUD. In the present time, few efforts are more urgent and mandatory than the efforts to engage in dialogue, to reach mutual understanding, and to be guided by generosity in addressing each other's views. These efforts are at the core of our moral world, and they can hardly be conceived on any scale other than a universal one. On behalf of the scholarly community gathered in FISP, we, as philosophers, are therefore proud of ISUD's mission of expanding philosophical dialogue to an ever wider audience. May I ensure you that FISP fully supports your endeavor in pursuing this highly necessary and important task. A future opportunity to practice dialogue, openness, and mutual understanding may also be found at the upcoming World Congress of Philosophy, to be held in Beijing in August 2018. FISP is honored to extend to you all an invitation to join us there, and to make the presence of ISUD, of its network and its constitutive views, as visible and influential as possible. Thank you.»¹

¹ Luca Maria Scarantino. A message to the 11th Congress of ISUD. Milan, June 15th, 2016.

The following topics were discussed at the congress in Warsaw: 1. Dialogue on the Issues of the Contemporary World; 2. Philosophical Ideals for a More Decent Human World; 3. Cultures – Their Ideals and Values; 4. Ecophilosophy for the Human and More Than Human World; 5. Ideals and Values in Social and Political Life – from Theories to Praxis; 6) Ideals and Values in Religion and Myth; 7. Ideals and Values in Arts; 8. Values and Ideals of Science and Value of Science; 9. Human Values and Ideals. Their Role in Personal and Cultural Identities; 10. Moral Systems and Moral Practices.

The world we live in today faces many urgent issues that require sustained and productive cross-cultural dialogue. At the XII ISUD Congress in Lima, 2018, the following main goal was set: to promote dialogue on various vital philosophical issues in the modern world, to explore the role of philosophy in our complicated times and to involve more scientists in the work of the Latin American continent. Plenary reports were made by philosophers from Chile, Venezuela, and Perú. Colombians, Argentines, representatives of Ecuador, Brazil and other countries of the continent delivered lectures during the sessions.

The world in which we live today is indeed facing many pressing issues that require sustained and productive intercultural dialogue. The ideals of global peace and security remain elusive, and a sense of uncertainty permeates the dominant institutions of contemporary life. Traditional human values that underlie our social and political institutions are constantly transforming as a result of new developments in the field of information technology, digitalization, artificial intelligence, and the drive for economic efficiency. Although the globalization of trade and technology has brought people together as never before, our various attitudes, differing outlooks, habits and ideologies continue to separate us. As philosophers, we should neither lock ourselves in «ivory towers,» nor engage in «armchair» philosophy. We have to face the problems that define this moment in history. We, as philosophers, are obliged to work towards promoting intellectual insight, creative imagination, social responsibility and justice.

The following issues were addressed at the Congress in Lima:

1. Philosophic innovation in a Promethean era.
2. The ivory tower and social involvement.
3. Cross-cultural dialogue and the building of common humanity.
4. Learning to be human in an age of crisis and uncertainty.
5. The Digital Revolution and the post-human.
6. The benefits and threats of technicization and science.
7. The status and roles of knowledge in the contemporary world.
8. Religion, philosophy, and society.
9. Art and morality in the contemporary world.
10. Nationalism, populism and the challenge to universalism.
11. Globalization, anti-globalization or *glocalization*.
12. Cultural diversity and universal harmony
13. Cosmopolitanism and transnationalism
14. Ecology and environmental justice.
15. Gender issues in family, workplace, and cultural contexts.

The ISUD Congresses speak of the great contribution of members of society to the development of intercultural philosophy. However, this information could simply be gleaned from the program materials. So we turn to highlight the lectures and speeches held at these congresses in the years since Olympia.

The journal «*Dialogue and Universalism*» (D&U) appeared earlier than the Society for Universal Dialogue; however, since 1989, it has remained the unchanged ISUD forum, and the majority of editorials to the D&U issues, introducing programmatic ideas and arguments, were written by Chief Editor Prof. Małgorzata Czarnocka.

The journal publishes, among other papers, articles by philosophers and scientists who are not members of the Society.

As I have already written in the pages of «*Philosophical Sciences*» and «*Russian Philosophical Society Bulletin*», as well as lectured at the VII Congress of the Russian Philosophical Society held in Ufa in 2016, «*Dialogue and Universalism*» is a peer-reviewed interdisciplinary journal that combines the activities of philosophers and specialists from many other areas. It is published in English at the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences with the support of the Polish Ministry of Science and Higher Education and the Polish branch of the European Society of Culture SEC (Société Européenne de Culture)¹.

After the ISUD Congresses I attended, held first in Greece, 2012, and after that, in Romania, Poland and Lima, the journal published in English many articles on the role of intercultural philosophy in society, the essence of communication in private and public spheres, the importance of philosophy, science, art and religion for the existence of mankind as a whole.

By the way, the question of «English-speaking», adopted in most international journals, is interesting for our theme. It is no secret that the transition from language to language, through which international communication is carried out, is a problem in itself. In the practice of translating texts, one encounters difficulties due to the fact that languages are different in structures and the characteristic features of one of them may be absent in the other (and vice versa). It is not easy to correctly understand the content of the original utterance or text, then to transfer it as fully and accurately as possible to the recipient who is a carrier of another language using the means of the target language. It is responsible and fascinating at the same time. Significant difficulties are associated with the transition to English, for example, from Russian, Arabic or Japanese. Thus, Professor Kuniko Miyanaga (Tokyo-Vienna) explains the Japanese case in the following way.

¹ D&U is available in pdf-format, it is referenced or indexed in such international databases as • The Philosopher's Index; • Philosophy Documentation Center; • EBSCO Discover; • Erratic Impact's Philosophy Research Base; • Expanded Academic ASAP; • Philosophy Research Index; • Central and Eastern European Online Library (CEEOL); • Google Scholar; • PhilPapers; • ProQuest Summon; • WorldCat Local; • SCOPUS.

What is most disturbing to the local groups today is the analytical nature of English and its multi-value oriented culture, which epistemologically individuates its members. Learning English, they learn to see the same one thing from different angles. In analyses, the given hierarchy of values of the group is no longer absolute but becomes a choice. This is a democratic process. English, in its analytical style, separates facts from values... Speaking English, the speaker can relate to facts external to the social hierarchy of values. This is challenging to any value establishment. It was not a coincidence that modern English developed an analytical style. It evolved along with the development of science and democracy from the Copernican Turn, through the industrial revolution and to modern democracy in Civil Society¹.

Regarding the Arabic language, one can recall the Key lecture of the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Ph.D., Acting Chairman of the RPhO A.V. Smirnov, «The Proposition and Predication: On the Logical Foundations of the Differences between Western and Arab-Muslim Intellectual and Spiritual Traditions» at the VII Russian Philosophical Congress in Ufa. He stressed that the formula on which (European) logic is based, 'S is P', «is self-evident only in the space of Indo-European languages and the corresponding logic of thinking». The study of subject-predicate construction in its relation to the flow of events (with main milestones: basic intuition, predication logic, metaphysical implications) on the material of non-Western cultures will likely open up new logic and allow us to restructure our understanding of thinking and its relationship with reality, the speaker said.

«The Arabic language demonstrates an alternative formula for the connection between the subject and the predicate, which, in light of the conceptualization of this relationship in the Arabic linguistic tradition, has been proposed to be designated as 'S support P' (the formula 'S is P' is impossible in natural Arabic). This nuclear predication formula corresponds to the basic intuition of percolation. The corresponding subject-predicate logic is called process logic»².

Much has been said about the cultural and spiritual differences between Arabic and Anglo-Saxon culture, and about the divergence of languages. For example, at the international philosophical conference held in 2009 at Cairo National University, Dr. Mai Joussef Kholeef, President of Dept of Arabic Language, opening the conference expressed a fair idea: it is easy to talk about the globalization of science, but it is difficult to talk about the globalization of culture. The nation disappears – the culture dissolves. Professor of linguistics Dr Emed Abd Al Latif in his report «*On communication gaps*» stated the following.

¹ Kuniko Miyana. Globalization, Culture and Society: What Role Does Language Play? An Example from English Education in Japan. D&U 4/2012, c. 8.

² The full text of the Key lecture of A.V. Smirnov is published in the *Philosophical Journal*, 2016, No. 1, p. 5-24.

«The methods of argumentation are different «in the east and west». Arab dialogue is not a standoff; it is not all contradictory. Western discourse is completely negative. Westerners think the Arab dialogue is masking something. Arab ideologues consider Western methods to be demeaning. Meanwhile, the Arabic discourse aims at unity.»

We continue. In 2013, the first issue of D&U was devoted to the problems of culture, communication and cognition in general. The article «Philosophy at the crossroads: Building bridges between media, communication and cognition» was written by Marek Hetmański and Marcin Trybulec on behalf of the editors. And in issue 3/2013, an article by Janusz Kuczyński «Dialogue and the Human Being as *Homo Creator*» was published. And it seems that this was his last work.

The question of the relationship between representatives of different cultures and languages, as well as the problems of understanding disparate historical and cultural contexts, constitute the second area of interest for the authors of the journal. Finally, the third group of articles is engaged in solving the problems of the pragmatic measurement of language and communication. The publications contained in the D&U «Culture, Communication and Cognition» issue approach the aforementioned problems from the point of view of a number of theoretical perspectives. Interlacing the various threads of thought that come from areas where philosophical research meets the theory of writing and the theory of communication, and the media, the journal seeks to demonstrate how fruitful interdisciplinary cooperation can be.

Russian philosophers Elina Minnullina and Zhanna Vavilova interpret the problems of communication in theory and practice. Their articles «Communicative Grounds of Philosophical Reflection» and «The Subject in Dialogue: A Visual Semiotic Perspective» appeared in issue 2/2014. Bulgarian philosopher Anna Ivanova published a work on intercultural communication in the sense of the possibility of understanding Others, already in issue 2/2015. Jean Campbell (USA) made a study on the ways and means of expressing values. Another article by Elina Minnullina about the meaning of objective knowledge in communicative practice was also published here. In general, 2015 was addressed to the materials of the 10th anniversary ISUD Congress held in Craiova.

Returning to the works of Russian scientists, the D&U issue 3/2014 was devoted, in particular, to the international conference held in Kazan, «Towards the XXIII World Philosophical Congress: Philosophy as Inquiry and Way of life». The host was Kazan State Power Engineering University, the department of philosophy. This World Congress itself, as is known, took place in summer of the same year at that significant place for philosophy, in Athens, where the International Society for Universal Dialogue was represented with a meeting of its section there.

Even if you just list the most significant journal articles of recent years, you'll have a very impressive list.

D&U 1/2016. Theme: Human Being's Identity. Papers are published, written by Prof. Manjulika Ghosh from Delhi, India «Human Transcendence, Nature and Society» and Rev. Marie Pauline Eboh (Port Hartcourt, Nigeria): «The Woman Being: Its Nature and Functions». Issue number 2/2016 is dedicated to Marek Siemek, Polish philosopher, friend of Janusz Kuczyński. And starting from the fourth issue, the journal begins publishing materials from the XIth ISUD World Congress «Values and Ideals. Theory and Praxis». The Editorial provides the background for these concerns:

ISUD's socially oriented mission promotes philosophical dialogue as a means toward building a more decent human world... ISUD believes that philosophical dialogue may help illuminate and free human minds imprisoned by the ideologies of mass culture or simply weighed down by the mundane chores of life. These numerous destructive factors are accompanied by the more and more frequent breaks of communication—between nations, religious communities, and within previously stable social groups. At the same time, the problem of cultural diversity and the need to cultivate dialogical relations between nationalities and cultures is too often set aside... The state of the world today calls for a robust inter-cultural dialogue to develop and explore a more authentic understanding of human needs and aspirations. Critical and creative rational thinking is an opportunity for humankind to resist the lies and illusions of ideological manipulations that serve as instruments of enslavement and oppression. ISUD's vision of philosophy as an expression of human rationality offers a chance to free people's awareness, to open their minds, and to extend their possibilities of thinking and acting».¹

Keynote addresses at the Warsaw Congress were made by John Rensenbrink, «On Co-Evolution», and Michael Mitias, on «The Possibility of Inter-religious Dialogue: Structural and Formal Conditions». Mitias' originally explicated concept of «Friendship» is further discussed in the journal: c.f. Ruth Abby treating on friendship as a central moral value, Nesip Fikri Alycan brooding on the moral crisis, Ben Mulvey arguing about «friendship» with robots (D&U 2/2018).

It should be noted that at the Warsaw Congress, as many years before, prizes for the best works were awarded, established by the sole sponsor of ISUD: the Jens Jacobsen Trust, who also had been a friend of Janusz Kuczyński. Prizewinners were chosen through official competition, as a result of a double «blind» review. Here we will name only some of the authors and their articles: Robert Elliott Allinson «Integrative Dialogue as a Path to Universalism: The Case of Buber and Zhuangzi»; Andrew Fiala «Transformative Pacifism in Theory and Practice: Gandhi, Buber, and the Dream of a Great and Lasting Peace»; Dilipkumar Mohanta «Interreligious Dialogue and Vivekanand's Vedantic Model of Pluralism»; Keqian Xu «Confucian Philosophy of Zhongdaology and Its Practical Significance in Resolving Conflicts», and Jonathan Chima-

¹ Malgorzata Czarnocka, *Dialogue and Universalism* Editor-in-Chief; Charles Brown, ISUD Chair. D&U 4/2016, p. 5-6.

conam «The Value of Dialogic Thinking in Building a Dignified Peace: The Perspective of Postcolonial Africa Sub-Saharan Africa».

Publications of materials of the XI Congress continued in the issue number 1/2017; now the accent was put on a multilateral dialogue dedicated to the problems of the contemporary world. The following important and interesting articles can be specially highlighted: Jonathan Keir «Metaethical Consensus as a Condition for Intercultural Dialogue»; Columbus N. Ogbujah «Ideals and Values: Pivots to Meaningful Intercultural Dialogue»; Victor J. Krebs, the site coordinator for the XII Congress in Peru: «Poison and Remedy. Some Notes on the Perils and Potentials of the Digital Media».

Russian philosophers also wrote about the problems of culture; for example, the article «Methodological Ludism as a Cognition-Denying Paradigm» written by Evgeniy Bubnov stands out with originality. Philosophers from Nigeria also contributed to the development of the concepts of ethics and morality: Temisanren Ebi-juwa who wrote about Culture, Identity and Human Values in Africa; and Elizabeth Okeke with the article «A Mechanism for the Sustainable Cultural Integration of Personal and Societal Values and Ideals in the Era of Globalization». Bulgarian and Polish philosophers develop problems of social and political values; Vihren Bouzov writes about security as a political and social value; Tadeusz Buksiński about «Metagoods», metavalues and metanorms in politics.

Further on: in issue 3/2017, articles by the famous Polish philosopher, specialist in the field of philosophy of science and philosophical anthropology Małgorzata Czarnocka «The Ideal and Praxis of Science» and also «Theoretical and Post-Theoretical Philosophy» by Russian philosopher Vladimir Przhilenskiy were published. This topic has been developed by V.I. Przhilenskiy for some time. As early as in D&U 3/2014, his intriguing text «Suspicion and Method: Towards a Post-Theoretical Lifeworld» appeared, treating exactly, as its title suggests, on a new stage in philosophy of science. The works of A.R. Karimov and E.A. Tajsina, published in various editions of D&U, are also dedicated to the problems of philosophy of science and general gnoseological questions. Kazan philosopher A.R. Karimov is developing «epistemology of virtues», new for the Russian tradition in the theory of knowledge. The author's interpretation of the key intellectual virtues — love of knowledge, openness of mind, intellectual humility, intellectual zeal and intellectual courage, intellectual autonomy — allowed to set a new direction of research, namely, the *intellectual ethos* of knowledge.

«The Archaic Perception of Death—an Integrated Mode» (D&U 1/2015) is the title of the paper of another Russian philosopher Andrey Matsyna; he is also the author of the text «The Metaphysics of Overcoming—Ontological Foundations», published later, in issue 4/2017. A similar *grave* theme is being developed by Yuri Serdyukov, in his work «Near-death experience and subjective immortality of Man» which appeared in issue 2/2014.

Published in issue 2/2018, «Dialogue» is, literally, the dialogue of Herbert Pietschmann and Hisaki Hashi in the interdisciplinary discourse on the epistemology of quantum physics, or «natural philosophy» and natural science. It causes genuine interest: these are conflicting poles, the authors believe, only for metaphysical thinking.

«It is time that ... natural science and philosophy became aware of their mutual dependence, above all in the fields of cerebral research and anthropology... This interdependence may be denied in practice, if pure pragmatism prevails, because natural science achieves enough practical success without any reference to philosophy! But if people negate their *aporon* nature and confine themselves to one side only in any dialectic issue, then I fear a development which may contribute to the benefit of a few but not to the blessing of mankind.»¹

In this very issue the paper by the Russian philosopher Sergei Nizhnikov, treating on Moral Policy is published; another article by the same author presenting his report made at the Congress in Romania, was published in D&U 1/2015. It was called «Spiritual Cognition and Morality».

Speaking in general, many Russian philosophers participated in the work of the ISUD Congresses: the already mentioned Vladimir Przhilenskiy and Elina Minnullina, Andrey Matsyna and Evgeny Bubnov, Tatjana Shatunova, German Melikhov, Artur Karimov, Elena Tashlinskaya, Renat Apkin, Elena Yakovleva, Marina Zaichenko, Svetlana Nagumanova. Even more of my compatriots, besides those mentioned here, published their works in the pages of the *Dialogue and Universalism* in different years: Alexey Fatenkov, Mikhail Pronin, Natan Solodukho, Alexey Gurianov, Mikhail Schelkunov, Igor Gasparov, Tatyana Leshkevich, Mustafa Bilalov, Mikhail Prokhorov, Alsu Valeeva, Mikhail Mikhailov, Grigory Paramonov, Timur Halitov, Shamil Burnayev, Irina Solovey, Elena Bolotnikova and other authors.

Issue No. 3/2018 is dedicated to the 200th anniversary of Karl Marx. It published, for example, the article by my compatriots A.I. Matsyna in collaboration with professor AB Nevelev.² In addition to this issue, many well-known experts in the field of Marxist theory published their articles in our journal: Mihály Vajda — «Godlessness», Wolfdietrich Schmied-Kowarzik — «The Enduring Validity of the Critique of Political Economy» (D&U 2/16) and others.

Finally, issue 1/2019 begins to print the materials of the latest ISUD Congress: «Philosophy in an Age of Crisis: Challenges and Prospects». First comes ISUD President Charles Brown's Keynote lecture «Confronting Nihilism»; after it, the articles written by Plenary lecturers, ex-ISUD Presidents Steven Hicks «National-

¹ Herbert Pietschmann, Hisaki Hashi. Natural Philosophy and Natural Science: Tangent and Emergence—between Conflicting Poles in the Interdisciplinary Discourse. A Dialogue on the Epistemology of Quantum Physics / D&U 2/2018, p. 199.

² Andrey I. Matsyna, Anatoly B. Nevelev. The Problem of Overcoming in the Creative Legacy of Karl Marx / D&U 3/2018, p. 233-245.

ism, Globalism and Challenges to Universal Dialogue» and Andrew Fiala «On Thinking globally and Acting locally: resurgent nationalism and the dialectic of cosmopolitan localism». The materials of the philosophers from Nigeria Columbus Ogbujah «Nationalism, Populism and the Challenge to the Ethics of Universalism» and Olatunji Oyeshile - Omotayo Oladebo «Beyond Capitalism and Marxism: Towards a New Theory of African Development» are of great importance, as well as the publication of the ISUD Secretary Jean Campbell, «Freedom, Self-Determination, and Automation: Considering Political Impulses in the Age of Digitalization».

The materials of the XIIth Congress will be published in the next issues of «*Dialogue and Universalism*». After the congresses, a lively dialogue continues on the pages of our Russian journals. For example, after the Xth Congress, in Chelyabinsk city, the works of philosophers from India, Greece and Portugal were published: Sandeep Gupta «Unity in diversity» and the Indian thought»¹; Debamitra Dey «Mīmāṃsā theory of illusion founding other system's texts»²; Panos Eliopoulos «The relation between nature and man in the imperial stoicism and in zen Buddhism»³; Ana Nolasco «Art across culture: Diaspora and mobility in the work of Mónica Miranda».⁴

Our journal also publishes works on the history of philosophy, and of its connection with contemporaneity, such as, for example, a paper by Nil Avcı «Inquiry into the Forms of Intersubjectivity in Kant's Practical Philosophy with a View to the Cosmopolitan Idea».

The greatest attention is drawn to the texts of the eminent German philosopher Gernot Böhme – «Self-Cultivation according to Immanuel Kant», Romanian philosophers Adriana Neacșu «Virtue and Vice in Plotinus' Enneads» and «Between Heaven and Earth: the Human Being in Porphyry's Conception», of Gabriela Tănăsescu «Individualism and Responsibility in the Rationalist Ethics: the Actuality of Spinoza's Ethics», Chinese philosophers Keqian Xu «Confucian Philosophy of Zhongdaology and Its Practical Significance in Resolving Conflicts» and Hu Jihua «The Connection between the Early German Romanticism's and Plato's Ideas about Humanist Education», American philosophers Martha Beck «Plato's Dialogues: Creating Friendship Bonds for 2400 Years», Hope Fitz «A Comparison of Ancient Greek and Ancient Indian Philosophy by Comparative Philosophers Is Necessary for the Understanding of the Roots of Philosophical Thought», Noell Birondo «Aristotelian Eudaimonism and Patriotism» and Ruth Burch «On Jean-Jacques Rousseau's Ideal of Natural Education».

¹ Being of Human: the problem of unity in the diversity of the modern world. // Materials of the Intern. scientific conf. - Ed. 2 add. - Chelyabinsk: Cicero. 2015. - P. 12-26.

² Ibid., p. 79-86.

³ Ibid., p. 87-100.

⁴ Ibid., p. 79-86.

We can also find articles of Polish philosophers Danilo Facca «Some Remarks on Aristotle's Concept of Form and Its Possible Interpretation in the Light of Contemporary Thought» and «The Labyrinth: Revisited and Reinhabited. Interpreting the Minoan Myth as a Metaphor for Contemporary Culture» written by a Bogna J. Gladden-Obidzińska; «The Hegelian Phenomenological Exposition of the Problem of Social Identity: A Theoretical Framework for Managing Difference in Multi-Ethnic Societies» is written by Daniel Adekeye from Nigeria; a Russian philosopher German Melikhov is treating on Ludwig Wittgenstein: «Philosophizing as the Gesture of Keeping Silent». Here of course also come works by Greek philosophers: Anna Aravantinou «Reverence towards the Divine, according Hesiod», Spyros Panagopoulos «Man as a Superior Quality of the Rest of Creation: Human Being and Natural Environment in Gregory of Nyssa», Archontissa Kokotsaki «Passions of the Soul and the Humanistic Society in the Theories of Plutarch, Aristotle, the Stoics, Boethius».

In different issues of «*Dialogue and Universalism*» we can find papers on J. Locke, R. Descartes, F. Nietzsche, E. Husserl, J. Derrida, M. Merleau-Ponty, M. Foucault, L. Althusser, H. Arendt, K. Barad, M. Nussbaum, and a great variety of others.

Certainly there is no possibility to analyze in detail all the materials concerning the nature and essence of the universal dialogue. Let us dwell specifically on only a few of them.

Elina Minnullina, «Communicative grounds of philosophical reflection»: lectured at the Xth ISUD Congress in Craiova, published in D&U 2/2014, p. 189–192.

The gifted Russian philosopher examines the contemporary turn to ontologization of language. «Communicative transformation of metaphysics» has changed the classical subject/object dichotomy and replaced it with intersubjectivity; communicative rationality became the attractor of philosophical interest, bringing about new concepts: being-in-the-speech and communicative reflection. The author explores the communicative nature of reflection, identifying its main features. The integrative category of critical reflection is communicative rationality considered to be a language competence. (P. 189).

The success of communicative action depends on whether a communicator aims to accept («Yes») or reject («No») the validity of the claim. Both participants of the speech act must adhere to a selected line of «validity claim», which line, firstly, can be quite primitive, and secondly, can be accepted in the society due to traditions, and unable to reflect the personal attitudes of communicators. Thus, the communicative action, based on the argument, can be only conventional. In this case the participants act cannot avoid the risk of facing the repressive character of accepted communicative norms. (P. 190).

The author argues that philosophical reflection as open-ended dialogue always including critical self-understanding can be identified with postconventional theo-

retical discourse, in which the subject-object dichotomy is replaced with intersubjectivity. The subject, or else the agent of the cognitive process is a communicative community itself. «Subjectivity as the isolated mind cannot be an agent of philosophical reflection as it should provide answers to general questions; it is possible only in intersubjective enterprises» – but not losing human traits, or, «beyond the existential anthropological dimension». (p. 190). Russian epistemologist Vladimir N. Porus suggests a partial solution of this problem, that is, to conceptualize communicative interaction in terms of communicative rationality and the communicative space. «The notion of communicative rationality opens an attractive prospect: rationality is that what emerges in communication, and not what precedes it»¹. Indeed, cognitive act is a communicative act, and we agree to it; but understanding, reached in the horizon of intersubjectivity, is not just the unity of being-in-the-speech experience – it has a semantic correlation as well: correlation between empirical facts and a fragment of practice, or reality interpreted in this or that way by the communicative community. According to Kurt Hübner, and we accepted it, intersubjectivity corresponds to rationality identified as the general validity of rules of justification.

On the other hand, the author underlines, while rationality is always communicative, not being able of existing *per se*, then what is communicative is not always rational. Communicative rationality implies a minimal level of understanding and consensus necessary for understanding in speech acts. «The communicative forms of irrationality cannot be explained, and conceptual understanding is replaced by empathy, insight, intuition, etc.» (p. 190).

E. Minnullina affirms that semantic intersubjectivity is being formed in a communicative correlation of the life world, speech acts and participants' experience of the objective. Interesting terms are introduced into discussion: The communicative *horizontal* vector of intersubjectivity is transforming into the *vertical* vector, namely, the experience of the lifeworld in the process of reflecting and dealing with things. Intersubjectivity does not exclude the world of entities; on the contrary, they are always present in its inquiry. «The lifeworld is a discursive loading of intersubjectivity, and the world of entities is what is experienced conjointly in intersubjectivity». (P. 191).

It is also argued in this paper that the nature of intersubjectivity is of linguistic origin, and the semantic intersubjectivity «must not be subordinated to the empirical, logical, operational and regulatory intersubjectivity; on the contrary, it should be a subordinating concept for them. This brings us to the idea that the topos of intersubjectivity is a communicative space-time continuum as an existential mode of the inquiry of being». (P. 191).

¹ Quoted from: Porus, 2009, 20). Porus, Vladimir N. 2009. Communicative Rationality: Epistemological Approach. Rational Communication as the Problem of Epistemology. Moscow: IFRAN, 11–25, p. 20.

The underpinning idea of acquiring «a transcendental tone» through the context of communication is that implicit agreements or disagreements among the members of the communicative community – or «metamessages», as Debora Tanen would put it – determine the nature of everyday practices. In his way the sphere of rationality is transferred to the discourse. «Claims to express thoughts and the recognition of their significance provide understanding and consensus; they represent a form of communicative rationality. This dialogical interaction is a ground of the inquiry of the lifeworld, entities and self. Thus, philosophical reflection should be considered as a post-conventional theoretical discourse, non-ended dialogue and critical self-understanding». (P. 192).

Columbus N. Ogbujah «Ideals and Values: Pivots to Meaningful Intercultural Dialogue»: material lectured at the ISUD Congress in Warsaw, published in D&U 1/2017, p. 67–82.

Humankind's natural disposition for social engagement makes the acquisition of interrelationships imperative including the spectrum of interactions between peoples. Intercultural dialogue is impossible and would have been aimless without some ideals and values acknowledged by all socium. Life without ideals and values would utterly be brash and garbled like the cacophony of a «broken record», this author argues. Nevertheless, we find ourselves adrift in a world that distrusts virtually every absolute value or ideal that could provide a linchpin for a cohesive response to myriad global problems. The term «ideal» is understood as a model of perfection or beauty or excellence. But it can also mean something «existing only as an idea,» as is typified in the metaphysical concept «ideal being». (P. 67).

In social interactions, however, ideals are seen as models, norms or standards which serve to evaluate individual or collective actions; they are benchmarks for eliciting acceptable behaviour from individuals and groups of multicultural backgrounds. Norms are standards of behaviour accepted within a given culture. But in today's multicultural world, norms are cross-cultural or trans-cultural. To ascribe a cross-cultural or trans-cultural quality to a norm is to admit that such a norm has an objective value for people living in different cultures; it is to admit that there is a yardstick against which individuals and groups in a multicultural society can independently measure the validity of their actions.

Values, on the other hand, are general preferences concerning an individual's or group's right action, reflecting a person's sense of what is right or wrong, good or bad, important or unimportant, etc. Values are a «motivational construct»; they refer to the desirable goals people strive to attain, and guide action.

From these it is clear, the philosopher writes, that values, like ideals, serve as standards or criteria for human action. At the same time certain values are structured around human physiology, such as the desire to avoid physical pain, and they are considered objective. Others which are sociologically established vary across persons and cultures, and in this sense they are subjective.

This subjectivity, which in postmodern era has unfortunately been construed as a license to moral relativism, should rather be understood in the sense of distinctness: people from different social backgrounds have distinct values relative to their historical experiences.

But given that human nature is the same across times and cultures, some of these distinct values, especially those pertaining to the right to life, freedom of religion, etc., could ossify into an acceptable objective system. Hence objective values are not merely physiologically determined, but are sociologically acknowledged as those which are significant across different strata of divergent societies. They are general guiding principles, super-ordinate to individual perceptions and cultures and are the basis of the common human heritage.

This explanation of the deep universality of trans-cultural relations and links is, from our point of view, very convincing.

C. Ogbujah writes further about the essence and content of tolerance as a problem. (P. 69-70). Indeed, recently the concepts of intercultural and cross-cultural dialogue are becoming more and more widespread and are widely discussed. Globalization has opened up trends for a broader view of an interconnected and interdependent world. Thus, the terms «intercultural dialogue», «interculturality» and «cross-culturality» became symbols of human unity as a result of globalization. The term «culture» signifies the whole complex of ideas which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society.» Culture entails a set of beliefs and primary values which influence attitudes and behaviour. It encompasses a complex network of social practices and ideas. As something useful and practiced within specific human groups, culture has a unique structure, and in this sense, is relative.

Consequently, cultural relativity can be construed to mean that the validity of cultural ingredients is determined not by any objective criteria, but by the cultural system of which they are a part; that is, what is good, true and praiseworthy in a cultural context may not be good, true and praiseworthy in another. Such a relativist view has the tendency to obfuscate all further understandings of culture, and as a result, vitiate any attempt at intercultural dialogue. (P. 70).

However, such a fallacy could be avoided by distinguishing between moral diversity, moral relativity, and moral relativism: while moral diversity acknowledges the fact that different cultures have different values and ethical precepts; moral relativity accepts the differences, but suggests that these differences are consequent upon all the variables available in specific cultural settings; and moral relativism goes further to claim that such differences must be accepted for what they are and/or that there is no available means to resolve the differences. In essence, the uniqueness of structures which has given rise to cultural diversity and relativity is an empirical fact that must be accepted. Evidently, the specific differences which

may not be immediately intelligible across cultures may nonetheless become intelligible when taken in the context of the cultural system of which they are a part».¹

However, C. Ogbujah underlines, the claim that the differences must be accepted in their own terms which, to say the least, obliterates every effort at resolving mutually shared problems, is the error of cultural relativism. The simple fact that cultural relativity exists does not demand the value judgment that cultural relativism should be adopted as norm. (P. 70).

Intercultural dialogue is a dialogue between two or more cultures in which their differences and similarities, openness and delimitation are put forth for discussion. In this dialogue, the relationship between cultures is neither directed towards a complete homogenization nor a complete separation or exclusion, and can be possible only if the parties involved acknowledge, in fact or in principle, the existence of differing and common grounds. Parties to the dialogue, having sprung from diverse settings, are likely to have differing opinions regarding what is good or bad, important or unimportant, appropriate or inappropriate, etc., having different worldviews. At first they do not fully appreciate each other's standpoint; but they are linked together on the basis of the framework of their collective motif: to engender a dialogue characterized by respect and mutual understanding. It is this quest for respect and mutual understanding between peoples of differing cultures that seem to locate intercultural dialogue «beyond mere tolerance of the Other.»

Further this article addresses an important methodological and ideological issue.

The concept of intercultural dialogue has to be distinguished from multiculturalism which is premised on the acceptance of a lack of hierarchical structure within the committee of cultures. As a cultural-anthropological term, it is an ideology that respects and accommodates individual cultures within the macrocosm of cultures, since cultures cannot easily be objectively ranked without necessarily objectifying the value system of a given culture. In other words, multiculturalism is a monolithic system that respects the divergent values of cultures and, thus, is another form of cultural relativism.

The term «multiculturalism» should not be confused with the simple recognition of the diversity of cultural values. This is perhaps, the postmodernist cultural orientation which sways from universalism to particularism, maintaining that since we live in different worlds which are culturally constructed, there are no universal claims to knowledge or value, and, in consequence, no meaningful dialogue across cultures is possible.

The idea of culture homogenization involves the claims (1) that individual/dissenting views about reality are unimportant and must be discarded, and (2) that there is a foundational universal principle to which all cultures must subscribe. Intercultural dialogue, therefore, is a hermeneutic attempt at understanding the oth-

¹ Quoted from: Richard Evanoff, USA / Japan. «Philosophy and Intercultural Studies». SKEPSIS, 2010, vol. XX, 1, p. 19.

er using a cross-cultural framework. It is a departure from multiculturalism since it offers a more humane and dignified approach to the management of cultural diversity; it accords equivalent measures of dignity to all cultures. The objective is to reach a commonly shared «transcultural» consensus in order to suppress all forms of supra-cultural situations that are not commonly accepted. (P. 72).

It is perhaps safe to admit that in intercultural dialogue, one must approach the horizon of significance of the other culture in full consciousness of one's own horizon of significance. And if the dialogue is pursued in an honest and open way, we may arrive at least, at an overlapping of horizons, which will invariably give rise to cross-cultural mutuality.

Yes; but how can there emerge an overlapping of horizons? How can we ever achieve cultural mutuality, the author asks?

It is these questions that lead us to the problem of tolerance in the project of intercultural dialogue.

Tolerance entails one's willingness to accept behaviour and beliefs that are different from one's own, although one might not agree with or approve of them. The very condition of tolerance seems to create two unsavoury situations, namely, (1) since tolerance emerges from a set of circumstances that elicit disapproval, or dislike especially of the dominant group, it has the tendency of patronizing the minority by marking the subject of tolerance as undesirable or marginal, and (2) since value systems create cultures for the most part, the quest for tolerance is often taken to consist in admitting that no culturally based value system can be objectively superior to any other such value system, thereby leading to cultural relativism.

With regard to the first situation, tolerance is used as a condescending tool to accommodate minority views, and to constantly press adherents of dissenting values to restructure and assimilate into the mainstream cultural values.

Tolerance, in this sort of scenario, has the tendency to strangulate diversity, encourage assimilation, and thus obfuscate intercultural dialogue. As regards the second scenario, the application of tolerance seems to be possible only when there is an acceptance of lack of objectivity among competing cultural values. Every cultural value, having its own internal logic, is respected for its worth, and as such, there is embedded in the idea of tolerance a strong apathy for ranking culturally different values according to some objective significance. Further, the view of tolerance as entailing one's freedom to adhere to one's own convictions and accepting that others adhere to theirs without hindrance tends to promote more of cultural relativism than intercultural dialogue. If people are simply prohibited from critiquing other cultural values in order not to be accused of imperialistically imposing their value systems on others, all it means is that every cultural value must be placed on the same footing with others irrespective of whether they go against natural law and/or prohibit fundamental human rights or not. What it means is that I can disagree with you on your cultural value, but I must admit that what I disagree about is a valid way of life that can only be evaluated within your own cultural system.

Hence, I must refrain from making value judgments... For example, from the point of view of such tolerance, the position should be as follows: the people of Calabar in Nigeria kill their twins; but I cannot judge them, because the reason for this can be found from within their culture. All I can say is that from my cultural point of view, killing twins is wrong; my own people cherish the twins as special fertility blessings. It is obvious that such critique is useful, as it is considering a controversial issue as if it were just a matter of cultural taste¹.

Therefore, the simple requirement of tolerance towards any culture in a relativistic sense is not only a cover-up for those who lack the willpower to resist evil, but also an attempt to refute the claim that violations of fundamental human rights are objectively wrong. (P. 75).

Let us consider now, beside the important article on intercultural dialogue overviewed above with respect to as broad categories as «culture» and «tolerance», a research made by Manjulika Ghosh «Toward A Critique of Nationalism as a Theory of the Nation-State». It was lectured at the XIIth ISUD Congress in Lima, published in D&U 1/2019, (p. 57–67). This will be another concrete example of constructive intercultural dialogue.

M. Ghosh stresses that nationalism is a term that is difficult for even an insightful understanding. It was used (and is used) to describe a diverse combination of phenomena and is understood differently in social theories and political ideologies. Scientists, theorists and political elites consider nationalism «a notoriously complex concept».

In one sense, nationalism concerns national identity which claims that it may properly be a part of someone's identity. This sense of nationalism means being Indian, being English, etc. «A second proposition about nationalism claims that the duties we owe to our fellow nationals are different from and more extensive than what we owe to human beings as such». We are ethically bound to first give weight to the duties to our fellow nationals. A third conception of nationalism is political, namely, to render the boundaries of the nation congruent with those of its governance unit. «The state emerges as the nation – the nation-state».

Hannah Arendt refers to this as the «nation's conquest of the state.»² She is an unbending critique of the fusion of the nation and the state. According to her, the state is:

[A]n open society, ruling over a territory where its power protects and makes the law. As a legal institution, the state knows only citizens no matter of what nationality; the legal order is open to all who happen to live on its territory.³

A people become a nation when «it takes cognizance of itself according to its history»; as such it is attached to the soil which is the product of past labour and

¹ Rendered from: Meilhammer, E. in: 2007. «Tolerance and Truth in Intercultural Dialogue: Some Reflections.» In: Publications of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society – New Series, vol. 3: Cultures, Conflict-Analysis-Dialogue. Kanzian, C., E. Runggaldier (Eds.). Ontos Verlag, 250.

² Arendt, H. 1951. *The Origins of Totalitarianism*. New York: Harcourt Brace, 230.

³ Arendt, H. 1946. «The Nation». In *The Review of Politics* ' 8.1,139.

where history has left its traces. It represents the 'milieu' into which man is born, a *closed* society to which one belongs by right of birth. The combination of the state and the nation could have been beneficial, had it resulted in political equality and social plurality. Politics, then, could play the main role in national life. But that didn't happen. For Arendt, the fusion of the state and the nation becomes «fatal». As the nation becomes «the backbone of the state», the resulting nationalism creates the confusion between human right in general with national rights.

It is of note that on the Indian sub-continent, quite a time before Arendt's reflections on nationalism, Rabindranath Tagore, in a number of his essays and letters, expressed his deep aversion to nationalism as an adjunct to the nation-state.¹ Tagore's terms for nation-state are «governed by nation» and also, «political nation». (P. 59). According to Ashis Nandy, a Tagore scholar, Tagore was a patriot and not a nationalist. By nationalism he even understood imperialism.²

Tagore's criticism of nationalism is developed in terms of such opposites as *organized* and *mechanical* on the one hand and *creative*, *spiritual* and *human* on the other. These are the contrary categories which Tagore seeks to harmonize. His definition of a nation is: the political and economic union of a people organized for the mechanical purpose of material aggrandizement and necessarily aggressive and imperialist in character.³

Tagore's anti-nationalism aims at restraining the power of the state from assuming totalitarian control over society. For Tagore, an essential prerequisite for any desirable social improvement is to prepare *public opinion* in its favour. This brings to mind Arendt's belief that social changes can be brought about by the free speech and actions of people.

Tagore's outspoken stand against nationalism is well-known and it gives an obvious sense of irony that his songs are sung as national songs and anthems in India and Bangladesh.

Tagore's denunciation of nation and nationalism is prophetic in character. It is true that his assertions are often more cultured by metaphor than by analysis. Yet, his conclusions are assumed to be true in proportion to the vehemence with which they are asserted. Anti-state attitude implies the primacy of civil society. Tagore did not doubt the desirability of a person creating his own history, and not being influenced by forces dictated by the state or influential persons.

The connotation of the term «nationalism» has changed a good deal since 1916. Tagore could not argue on ethnic cultures, ethnic cleansing or about linguis-

¹ Tagore, R. 1917. *Nationalism*, London: Macmillan. Tagore.1964. «Nation Ki?» in Bengali script. In *Rabindra Rachanavali (Complete Works of Tagore)*, Vol.3, Visva-Bharati, 515-519; etc.

² Nandy, A. 2006. «Nationalism: Genuine and Spurious: Mourning Two Early Post-National Strains». *Economic and Political Weekly*, XLI, 32, August 12, 3501.

³ Tagore, R. (1917).1991. *Nationalism*. Delhi: Rupa & Co.51.

tic or religious communities or national myths, stories and narratives. Still his commitments to anti-statism and concern for civil society make him a contemporary thinker. His accentuating the universal values confirms it.

Manjulika Ghosh stresses that «the assertive nationalism which marks our time» is not confined to the «West»: in India, too, competing nationalist sentiments have arisen. (P. 60).

Tagore cannot solve these problems. But we can share and apply his foresighted intuitions to help us do so. (P. 61).

In the present world scenario, both people in power and ordinary citizens are expected to pay attention to what Tagore and Arendt were saying about nationalism emanating from the idea of the nation state. (P. 62).

The specific difficulty of determining belonging not to «nationality», but to a «nation» is that neither language which can be learned nor culture which can be adopted suffice; it is only the adoption of certain populist ideas such as race, ethnicity that counts. Even such popular, elusive myths as the «greatness» of a nation, the urge for the maintenance of «national» character are spread and widely used.

Such «nationalistic xenophobia» leads to the intensification of the «own» and the «other», «national» and the «aliens», the «citizens» and the «migrants» leading to ethnic disharmony, colour bias, hatred and suspicion of persons, in spite of former living as neighbours for decades. The inclusive nature of a nation-state is based on exclusion; the nation-state endangers the modern figure of the foreigner – the «alien» with psycho-political resonances, the author argues.

The fact is that many of the foreigners have been «here» for generations in a country that historically showcased a mosaic of nationalities. On the other hand, the «porous borders encourage illegal migration, smuggling and infiltration of terrorists endangering national security».

The new mood in Europe has promoted right-wing political attitude and the winning of the far-right parties. A refusal to perceive in these phenomena echoes of the Nazi-past would require a remarkable blindness to recent history. One should ponder how far the emigrants are responsible for the economic slump, Manjulika Ghosh writes. «In affluent countries of the West, scarcity or loss of jobs may be attributed to large-scale mechanization and technisation of labour and allowing business men to outsource their business to third world countries to cut the cost of labour. The great speed of globalization is also responsible for the slump after the initial euphoria of economic progress» (P. 63).

It is a paradox, but the most «ardent globalizers» now challenge both immigration and outsourcing. Indeed, third-world persons with skills are needed and welcomed in rich highly-industrial countries. Doctors, nurses, engineers, computer and IT experts, as well as many other skilled professionals «are welcome in their new abode and are not scoffed at as economic migrants». At the other end of the scale of immigration poorly skilled groups abide, «who undertake the menial tasks that

affluent First-World citizens no longer wish to do for themselves» –sweepers, cleaners, house maids, gardeners, construction labourers, waiters and so on. (P. 64).

Whatever the truth may be, it is the protectionist policy of the nation-state that has aggravated the «terribly sensitive issue» of the migrant. There are vast swaths of displaced persons who are rendered superfluous, uprooted, stateless refugees. Many affluent nations have turned cold to human misery, suffering and death from wars, terrorism and poverty, political persecution, environment degradation. This has created an «existential crisis» for millions of people on earth, people, who were once protected under law, the philosopher observes.

Manjulika Ghosh gives an example of the recent crisis in South Asia: the pursuit of the Rohingyas, the «boatmen». Paradoxically again, they are left in horrible troubles by the progressive, pro-democratic, Nobel Peace Prize winner Aung San Su Kyi, «champion of freedom and human rights» – and she is backed by the Theravada Buddhists and Myanmar nationalists. The story runs as follows.

The Rohingyas are not recognized by Myanmar's 1982 Citizenship Law, and therefore, they have no citizenship. Over one million Rohingyas live in Myanmar and an equal number live in exile in Bangladesh, Indonesia, Malaysia, Thailand, Sri Lanka. Su Kyi «is in the grips of populism as she maintains a partition stand of refuting any genocide tendencies». She plays into the popular sentiment of the «climate of fear» to conveniently labeling Rohingyas as «Islamic Jihadists». (P. 65).

Manjulika Gosh expressed also the following idea to the Lima Congress.

The nation-state holds out a mass appeal for ethnicity. The continuing power of myths, symbols and memories of ethnic closeness has been largely responsible for the destruction of order and stability within states and the inauguration of conflict and anarchy in international life. Germans invoked the divisive idea of ethnic purity, designed to exclude the Jews; Serbian nationality was mobilized to destroy the ability of a territorially based state to tolerate diversity. The nationalist discourse is driven by the state's desire to superimpose one kind of allegiance over the mosaic of communitarian particularisms. Those who resist have to be assimilated or purged. (P. 65).

Nationalism is regarded as the most important event of modernity, the Indian philosopher points out, and the nation-state is hardly disintegrating. The questions rise, how to tame the excesses of nationalism based on a theory of the nation-state? «How to stop the erosion of the universalist tendencies associated with the institution of state when they are undermined by the particularist assumptions of the nation?»

In the past this caused the rise of extremism. Today, it will exacerbate the emergence of an underclass, poverty across the globe, millions of brutalized, stigmatized, persecuted, sick and homeless people without political protection and social belonging. It is time for everyone with human sensibilities, whose consciousness has not been stifled to ponder over the question whether there is a necessary

contradiction between particular attachments and universal commitments. «Are the national ideal and the human ideal at variance with each other?»

Of course national pride does exist; «but societies can have their pride, not in being the greatest, or the wealthiest, but in being the most just, the best organized and in possessing the best moral constitution.»¹ Alongside fostering one's national ideals we should remain committed to other human values, Prof. Ghosh underlines. It compares well with the Biblical saying/statement: *He who doesn't love his brother, whom he has seen, how can he love God whom he has not seen?*

The topics raised in the texts of the last two works were previously familiar to me from discussions with Kazan architecture historian Niaz Khalitov. His main goal was the maximum possible preservation of Tatar temple and palace architecture and theoretical understanding of its spatial and spiritual-organizing laws. It is clear that neither the Khan Kazan, nor the city rebuilt in the XVII-XIX centuries can be saved; the question arose: how to determine the intrinsic value of several buildings and ignore the rest?

The solution was found in the study of the classical dialectic of the individual, the particular and the universal: those buildings and constructions are subject to restoration and conservation as architectural monuments in which national peculiarities of decor and planning simultaneously manifest the universal values of human culture in general. Other buildings can be saved as a combination of components of the urban or rural environment, necessary for the relief exposition of the palace, homestead or temple; if it is not preserved, which happens very often and quite explicable, an architectural monument at best becomes a museum rather than a living testimony of an era.

By the way, in Soviet history there was such a culture formula: «national in form, socialist in content». Read: original, skillful, intricate and unique in form – and generally significant in content. Times are changing, but this cognitive model may well continue to serve knowledge and communication.

How are we to distinguish patriotism from nationalism and chauvinism, cultural relativism from dogmatism, sophistry, and eclecticism – from genuine intersubjective unity and intercultural dialogue?

In the similar way. The uniqueness of cultures, nationalities and nations does not deny, but implies the unity of humanity. This is the deepest basis of the possibility of universal dialogue.

Conclusion

Philosophy can serve and serves very seriously an important task of establishing and facilitating intercultural communication. By its very nature, starting with the dialogues of the *Seven Sages* and Plato, philosophy is aimed at debate and discussion,

¹ Quoted from: Giddens, A.(Ed.) *Durkheim on Politics and the State*. 204.

comprehensive joint discussion of the most important questions of being and knowledge, science, ethics, aesthetics, mythology and religion, social and political issues. Ideological disagreements of philosophers do not and should not lead to the transformation of analysis into biased rhetoric, and polemics into war. Philosophical discussions, even the hottest ones, differ from national and religious wars in the fact that no philosopher killed any other philosopher for a different worldview.

A collective member of the Federation of International Philosophical Societies (FISP), the International Society for Universal Dialogue, held its first World Congress in 1993. Prior to this, a number of international symposiums were successfully held in Berlin, London and Montreal. ISUD congresses are held in different cities, states and on different continents: in Poland, Finland, Canada, USA, Japan and other countries. The latest four were held, as already mentioned, in Olympia-Elide (2012), Craiova (2014), Warsaw (2016) and Lima (2018). The next ISUD Congress will be held in Graz, Austria. And in spite of everything, we still feel that the possibility of a better world is real. Two years ago, Janusz Kuczyński passed away. But his life's work still goes ahead. We continue to believe in a global moral subjectivity, which Janusz Kuczyński dreamed of.

Our Society unites in its ranks many scientists, mainly philosophers, from various countries and continents. The goal of the Society is to evoke and revitalize the global consciousness – that is, the existential awareness that all peoples of the world belong to the same species, the human species, and, accordingly, have the same fundamental stock of needs, aspirations and abilities. It should be recognized that these needs, aspirations and opportunities cannot be adequately realized under selfish competition, violence and exploitation, but only in conditions of peace, cooperation and freedom. And, in addition to this, it is necessary to recognize responsibility to other species and for the preservation and restoration of the health and beauty of all ecosystems on the planet. (ISUD Constitution, Article IV).

As Charles Brown said to the Warsaw Congress, «We sense that the prospect of an emerging global moral subjectivity is still alive».

References

1. Allinson, Robert Elliott — Integrative Dialogue as a Path to Universalism: The Case of Buber and Zhuangzi / D&U 4/2016, p. 87 – 104.
2. Bilalov, M.I. — Philosophy of truth in the polylogue of educational cultures / Journal Club Intelros «Credo New» No. 4, 2016. /In Russian/
3. Brown, Charles. Keynote Address to the 11th World Congress of the International Society for Universal Dialogue, Warsaw, Poland 2016 r.
4. Brown, Charles — Resisting Nihilism since 1989. Keynote Address to the 12th World Congress of the International Society for Universal Dialogue, Lima, Peru / «Dialogue and Universalism» (further: D&U) 1/2019.
5. Bubnov, Evgeniy — Methodological Ludism as a Cognition-Denying Paradigm / D&U 2/2017, p. 57 – 66.

6. Campbell, Jean — Freedom, Self-Determination and Automation: Considering Political Impulses in the Age of Digitalization / D&U 1/2019, p. 147 – 158. Same author: What Does the Global Perspective Mean? / D&U 1/2017, p. 43 – 54.
7. Cimaconam, Jonathan — The Value of Dialogic Thinking in Building a Dignified Peace: The Perspective of Postcolonial Africa Sub-Saharan Africa / D&U 4/2016, p. 105 – 117.
8. Czarnočka, Małgorzata — On Nicholas Maxwell's Project of Transition from Knowledge to Wisdom / D&U 3/2012, p. 67 – 77.
9. Eboh, Marie Pauline — The Woman Being: Its Nature and Functions / D&U 1/2016, p. 7 – 17.
10. Eliopoulos, Panos — The Epicurean Views on the Human Soul in Lucretius' De Rerum Natura / D&U 1/2015 p. 30 – 37. Same author: The Stoic Cosmopolitanism as a Way of Life / D&U 3/2014, p. 30 – 35.
11. Fiala, Andrew — On Thinking Globally and Acting Locally: Resurgent Nationalism and the Dialectic of Cosmopolitan Localism / D&U 1/2019, p. 37 – 66. Same author: Transformative Pacifism in Theory and Practice: Gandhi, Buber, and the Dream of a Great and Lasting Peace / D&U 4/2016, p. 143 – 148.
12. Ghosh, Manjulika — Human Transcendence, Nature and Society / D&U 1/2016, p. 91 – 98. Same author: Toward A Critique of Nationalism as a Theory of the Nation-State / D&U 1/2019, p. 57 – 66.
13. Hicks, Steven V. — Nationalism, Globalism, and the Challenges to Universal Dialogue / D&U 1/2019, p. 17 – 36.
14. Karimov, A.R. — Virtue Epistemology as Answer to Skeptical Challenge / D&U 2/2015, p. 203 – 212.
15. Keir, Jonathan — Metaethical Consensus as a Condition for Intercultural Dialogue / D&U 1/2017, p. 23 – 32.
16. Krebs, Victor — Poison and Remedy. Some Notes on the Perils and Potentials of the Digital Media // D&U 1/2017, p. 83 – 89.
17. Kuczyński, Janusz — «Dialogue and the Human Being as Homo Creator» / D&U 3/2013, p. 63 – 82.
18. Matsyna, Andrey — The Metaphysics of Overcoming—Ontological Foundations / D&U 4/2017, p. 53 – 72. Same author: The Archaic Perception of Death—an Integrated Mode / D&U 1/2015, p. 68 – 77.
19. Minnullina, Elina — Communicative Grounds of Philosophical Reflection / D&U 2/2014, p. 189-192.
20. Mitias, Michael — Possibility of Inter-Religious Dialogue: Structural and Formal Conditions / D&U 4/2016, p. 25 – 47.
21. Miyanaga, Kuniko. — Globalization, Culture and Society: What Role Does Language Play? An Example from English Education in Japan / D&U 4/2012, p. 7 – 16.
22. Nizhnikov, Sergey —Spiritual Cognition and Morality / D&U 1/2015, p. 171 – 178.
23. Ogbujah, Columbus — Nationalism, Populism and the Challenge to the Ethics of Universalism // D&U 1/2019, p. 67 – 84. Same author: «Ideals and Values: Pivots to Meaningful Intercultural Dialogue» / D&U 1/2017, p. 67 – 82.
24. Olatunji A. Oyeshile, Omotayo Oladebo — Beyond Capitalism and Marxism: Towards a New Theory of African Development / D&U 1/2019, p. 217 – 232.

25. Pietschmann, Herbert, Hisaki Hashi — Natural Philosophy and Natural Science: Tangent and Emergence—between Conflicting Poles in the Interdisciplinary Discourse. A Dialogue on the Epistemology of Quantum Physics / D&U 2/2018, p. 177 – 200.
26. Przhilenskiy, Vladimir — Theoretical and Post-Theoretical Philosophy / D&U 3/2017, p. 125 – 138. Same author: Suspicion and Method: Towards the Post-Theoretical Lifeworld / D&U 3/2014, p. 24 – 29.
27. Resenbrink, John — On Co-Evolution / D&U 4/2016, p. 21 – 24.
28. Serdyukov, Yuri — Near-death experience and subjective immortality of Man / D&U 2/2014, p. 97 – 104.
29. Scarantino, Luca Maria. A message to the 11th Congress of ISUD. Milan, June 15th, 2016. Fédération Internationale des Sociétés de Philosophie International Federation of Philosophical Societies www.fisp.org
30. Smirnov, A.V. — Proposition and Predication: On the Logical Foundations of the Differences between Western and Arab-Muslim Intellectual and Spiritual Traditions / Philosophical Journal, 2016, No. 1, p. 5 – 24.
31. Tajsin, Emily — The Seven Sages on the Issues of Universal Dialogue: A Message to the Contemporary World / D&U 1/2017, p. 33 – 42.
32. Xu, Keqian — Confucian Philosophy of Zhongdaology and Its Practical Significance in Resolving Conflicts / D&U 4/2016, p. 187 – 200.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ВАЖНАЯ ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Э.А. Тайсина¹

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Республика Татарстан

E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

***Аннотация.** Ни для современной России, ни для всего современного мира, пожалуй, нет более важной проблемы, чем возможность цивилизованного, мирного диалога между культурами, народами, правительствами и отдельными людьми. Философский дискурс, опрос и проверка любого суждения – поскольку критическое размышление является главной функцией философии – всегда в конечном счете направлено на общее благо или это не философский дискурс. Философские школы, общества и организации, продвигающие идею всеобщего диалога, способствуют смягчению конфликтов, решению проблем, связанных с языковыми и идеологическими барьерами, укреплению профессиональных и дружеских связей и реализации совместными усилиями достойного, мирного и справедливого мирового порядка.*

***Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, Международное общество универсального диалога, философский журнал «Диалог и универсализм».*

¹ ТАЙСИНА Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета.

СЕТЕВОЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Ю.Л. Баньковская¹

*Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск,
Республика Беларусь
e-mail: ulia_bank@tut.by*

***Аннотация.** В работе рассматривается специфика функционирования сетевых конфликтов в современном обществе, качественно изменяющих сферу социального взаимодействия субъектов. Социальные противоречия выступают фактором социального риска, приводящего к непредсказуемым последствиям в существовании и развитии реальности. Необходимость их исследования обусловлена глобальным воздействием сетевых конфликтов на процессы трансформации общества и значимостью выработки механизмов социальной регуляции.*

***Ключевые слова:** сетевой конфликт, сетевые структуры, сеть, противоречие, дестабилизация, взаимодействие.*

Развитие и распространение сетевых процессов является одной из наиболее значимых тенденций современного функционирования социальных систем, чья трансформация нередко осуществляется на основании сетевых принципов и закономерностей. Динамика развертывания сетевых процессов может содействовать как стабильному функционированию системы, ее гармоничному развитию и модификации, так и служить фактором и причиной ее дестабилизации. К числу актуальных задач исследования процессов, происходящих в мире, относится выявление специфики функционирования конфликтов, происходящих в сетях. Развитие информационно-коммуникационных технологий и быстрое распространение информации делают конфликты все более глобальными.

Сетевизация общества не только характеризует и изменяет сложившиеся формы взаимодействия людей друг с другом, но и создает другое пространство их жизнедеятельности, чьим неотъемлемым атрибутом становятся социальные риски. Они затрагивают сущностные стороны межличностных взаимоотношений, проявляясь во всех сферах общества. Они влияют на специфику существования системы, формируя новые виды социальных взаимосвязей. «Основные функции и процессы в современном обществе в основном организованы в сети. Сети составляют новую социальную морфологию нашего об-

¹ БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета.

щества, и распространение сетевой логики модифицирует операции и результаты в процессах производства, опыта, власти и культуры» [1, с. 500].

В современном мире сетевые структуры распространяются на все сферы жизнедеятельности человека, затрагивают институты власти, распределения ресурсов, социальность. Взаимодействие сетевых структур основано на наличии разнообразных связей и отношений между ее элементами, которые задают множество функциональных возможностей для существования социальной системы. Данное множество может содействовать как ее изменению и развитию, так и продуцирует различные противоречия, способствующие ее гибели. Следовательно, необходимо выработать такие средства и способы трансформации исходной модели взаимодействия элементов, которые были бы нацелены на активизацию процессов, направленных на преобразование и стабилизацию социальной системы. Устойчивость и стабильность общества становится все более зависимой от действий и намерений других государств. Все большими возможностями для навязывания своей воли и потребностей на международной арене, создающими угрозу для стабильного существования социальной системы, обладают сетевые структуры гангстеров, наркоторговцев, террористов. Несмотря на тот факт, что они предполагают наличие влиятельных лидеров, данные структуры сегментарны, децентрализованы. Взаимодействие сетевых элементов выстраивается на основании большого числа интенсивных взаимосвязей.

Элементами сетевой структуры являются отдельные люди или акторы. Нередко они объединяются между собой в клики. В рамках одной сетевой структуры может возникнуть множество кликов. «Это крепко спаянные небольшие группки друзей, которые могут поручиться друг за друга. В клике каждая точка (человек) связан с каждой другой точкой» [2, с. 161]. Они создаются на основании наличия общих признаков, таких как единые социальные нормы и ценности, образование и ряд других факторов, приводящих к возникновению тесных личных контактов. Клики воздействуют на формирование внутреннего мира человека, его убеждения и потребности, способствуют поддержанию социальных связей между отдельными представителями разных общностей. С одной стороны, они могут стать определенным социальным механизмом, оказывающим давление на своих членов, вырабатывая у них единое видение ситуации. С другой стороны, клики создают условия для поддержания целостности сетевой структуры.

Взаимосвязанные между собой акторы объединяются в узлы и влияют друг на друга и систему в целом. А. Марин и Б. Веллман рассматривают сеть как «ряд социально релевантных узлов, связанных одним или более типом отношений. Узлы, или участники сети, являются единицами, которые связаны отношениями, патерны которых мы изучаем. Эти единицы – обычно люди или организации, но и в принципе любые единицы, которые могут быть связаны с другими единицами» [3, с. 11].

Конституирующим признаком, характеризующим сетевые структуры, является наличие у них внутренних ресурсов самоорганизации социальной системы. Неформальные взаимоотношения участников социальных сетей, возможность одновременного взаимодействия специалистов различного профиля содействуют решению важных задач современного общества, таких как борьба с терроризмом, разрешение и урегулирование конфликтов. «Применение сетевых принципов в деятельности общественных объединений отражает общую тенденцию внедрения сетевых практик в различные сферы и во многом обусловливается их внутренним динамизмом, готовностью к апробации новых организационных и управленческих схем для достижения стоящих целей, позволяет расширить степень участия общественных объединений в процессе выработки и принятия решений по общественно-значимым вопросам» [4, с. 4–5].

Для процесса сетевого взаимодействия присущи как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, сеть повышает качество и эффективность деятельности субъектов хозяйствования, является технологическим инструментом, способствующим увеличению доступности информации. Сетевые структуры содействуют возникновению новых форм организации, развитию креативности личности, созданию диалогового сотрудничества, разрешению проблемных ситуаций, урегулированию или смягчению остроты противоречий, обмену информацией или ресурсами. С другой стороны, отсутствие единых ценностно-нормативных стандартов функционирования сети, ее изменчивость и непостоянство приводит к появлению множества противоречий. Так, например, отсутствие сетевых границ, отсутствие возможности взаимодействовать с элементами других сетей может иметь разные последствия для функционирования системы. Данные факторы как способствуют ее обогащению посредством включения новых ресурсов, так и становятся источником противоречий, манипуляции и деструктивного воздействия. Среди негативных аспектов существования сетевых структур можно обозначить утрату индивидуальности, традиционных ценностей, социальных структур, повышение роли сетевых символов. «Мы из обычных людей, из людей иерархических, со своим отношением к насилию, праву, к возможному и невозможному, к морали и нравственности превращаемся в сегменты глобальной паутины» [5, с. 34]. Личностные характеристики акторов, такие как коммуникабельность, стремление к принадлежности к определенной группе и ряд иных черт, их социальные роли оказывают непосредственное воздействие на специфику выстраиваемых ими сетей. Выявление данных качеств значимо для изучения их проявления в сети, осуществления прогнозов их воздействия на сетевую систему.

Конфликты в сетях представляют собой угрозу для стабильного функционирования общества, являются фактором социального риска. Преступления,

осуществляемые в рамках информационного пространства, становятся одними из лидеров по прибыльности, наряду с наркоторговлей и незаконным оборотом оружия. Их негативным последствием является дезорганизация информационных систем, причиняющая не только имущественный ущерб, но и нередко становящаяся фактором нарушения социальной безопасности, создавая угрозу гибели людей.

Конфликтность задается следующими особенностями сетей. Во-первых, физическая дистанцированность создает иллюзию отсутствия правил, что может привести к неправильному восприятию проблемы и эскалации противоречий. Во-вторых, сенсорная редуцированность, отсутствие возможности создания целостного образа из-за использования визуальной информации приводит к ухудшению взаимопонимания. В-третьих, анонимность сетевых акторов формирует у них ощущение отсутствия ответственности за последствия конфликта. В-четвертых, возникновение иллюзии понимания поступков и действий акторов вследствие создания искаженного представления и неправильного восприятия предоставляемой информации. В-пятых, отсутствие санкций за нарушение ценностей и норм приводит к невозможности осуществления контроля над развитием конфликтной ситуации. В-шестых, сокращение временного интервала при передаче информации создает, с одной стороны, возможности для контролирования скорости общения и формирования дополнительных возможностей для обдумывания проблемы, с другой стороны, приводит к возникновению иллюзии контроля над ситуацией.

Сети изменяют традиционное восприятие пространства и времени, формируя особое представление о данных феноменах. На пространство не воздействуют географические или физические характеристики. Его черты определяются только текущим расположением узлов. В отличие от иерархических структур, для которых расширение границ приводит к их разрушению, сетевые структуры могут раздвигать либо сужать свои пространственные границы посредством включения или исчезновения новых элементов и узлов. Ослабление территориальной привязанности к пространству и формирование и усиление экстерриториальных связей между людьми обуславливает увеличение значимости исследования сетевых процессов общества. М. Кастельс считал, что «пространство есть кристаллизованное время... Это материальная опора социальных практик разделения времени» [6, с. 385]. Исследователь ввел новую концепцию темпоральности, получившую название вневременного времени. Он полагал, что для современного общества присуще смещение акцента с измерения времени на манипулирование с ним. Реальные временные характеристики утрачивают свое значение, возможна трансформация их последовательности или одновременность. М. Кастельс полагал, что «отношение ко времени определяется использованием информации и коммуникационных технологий в неослабевающей попытке упразднить время, от-

рица последовательность: с одной стороны, сжимая время (как в мгновенных глобальных финансовых транзакциях или обобщенной деятельности многозадачности, вмещающей больше деятельности в данное время); с другой стороны, смешивая в случайном порядке последовательность социальных практик, включая прошлое, настоящее и будущее» [7, с. 53]. Упразднение в сети темпоральных и пространственных границ приводит к тому, что актер оказывается вовлеченным благодаря транслируемой информации в конфликты, которые непосредственно не затрагивают его интересы. Появляется возможность выдвигать суждения о событиях, не касающихся его жизнедеятельности. Подобная ситуация приводит к разрастанию конфликта вследствие присоединения к нему все новых элементов. Публичность создает эффект погруженности в возникшую конфликтную ситуацию, содействует возникновению цепной реакции, вовлекающей в зону конфликтного противоборства большое количество людей.

Анонимность сетевого взаимодействия порождает безответственность субъекта за предоставляемую им информацию. Данное обстоятельство приводит к обострению конфликтов, ибо отсутствует личностная заинтересованность в разрешении сложившихся противоречий, происходит нивелирование ответственности человека за дальнейшее функционирование системы. Существует возможность манипулирования сознанием множества людей, формирования у них определенного видения проблемной ситуации. «В виртуальном мире личность одевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры, высвобождает творческое «я» [8, с. 175].

Сетевой конфликт в меньшей мере контролируем и предсказуем. Причиной данной ситуации выступает отсутствие единых формально разработанных норм и превалирование горизонтальных связей над вертикальными. Деперсонализация взаимодействий сетевых элементов, с одной стороны, содействует снижению уровня остроты противоречий и уменьшению количества деструктивных факторов вследствие отсутствия в большинстве случаев личностной заинтересованности. С другой стороны, возможно расширение области противоборства, включение новых элементов, психологическое воздействие на поведение участников и развязывание новых противоречий.

Востребованность в сетевом управлении начинает превалировать, во-первых, при возникновении сложных проблем, разрешение которых требует анализа множества аспектов и не может быть осуществлено только отдельно взятым субъектом или небольшой социальной группой. Во-вторых, в ситуациях, связанных с риском и неопределенностью при принятии решений. Сетевое управление предоставляет возможность распределить ответственность за принимаемые решения между представителями разных социальных групп или обществом в целом. В-третьих, при возникновении глобального доступа к интернет-ресурсам и при увеличении скорости распространения информа-

ции. Данные факторы приводят к необходимости постоянного изменения задач управленческой деятельности, содействуют созданию возможностей для совершенствования модели управления, развитию ее потенциала к трансформации при изменении ценностно-нормативных приоритетов и ресурсных потребностей общества.

Сети способны быстро реагировать на изменения, происходящие в обществе, оперативно обнаруживать новые проблемы, предлагать альтернативные варианты к разрешению сложившейся ситуации, план реализации принятых решений. Наиболее эффективным способом снижения степени воздействия дестабилизирующих факторов на систему является систематическое изменение сети взаимодействий между ее структурными элементами. Конфликт содействует их переструктурированию между сетевыми структурами, формированию новых устойчивых форм их функционирования, соответствующих изменившимся условиям. Таким образом, благодаря конфликту возможна адаптация сетевых структур к измененным условиям существования, переход на качественно новый уровень развития. Любая рассогласованность приводит к необходимости социальных изменений, преобразованиям в их функционировании. Рефлексивный механизм подготовки и принятия решений является необходимым звеном для решения любых проблем. В этом заключается его универсальность. Его формирование является необходимым условием трансформации ситуации социального риска. Вопросы минимизации негативных последствий развития конфликта разрабатываются учеными разных областей знания.

Сетевые структуры содействуют предотвращению и снижению степени остроты конфликтов. Данному обстоятельству способствуют следующие факторы. Во-первых, взаимодействие сетевых структур не ограничивается лишь некоторой определенной областью. Они вовлечены в широкий социальный контекст. По этой причине возможно привлечение конфликтующих сторон к обсуждению некоторой проблемы, выходящей за рамки наличных противоречий. Данное вовлечение способствует созданию общности интересов и появлению единства во взглядах, обуславливает создание кооперативных взаимоотношений. Во-вторых, стремление сетевых структур к доминированию, захвату лидерских позиций, приводит к децентрализации власти, возможности ее перераспределения и изменения наличных ресурсов. В-третьих, специфика сетевого управления заключается в том, что взаимодействующие между собой субъекты могут одновременно принимать участие в обсуждении множества самых разных проблем. Данное обстоятельство дает возможность расширить область знания по проблемной ситуации, сопоставить различные точки зрения по обсуждаемым вопросам.

Открытость социальной системы, ее готовность к сетевым преобразованиям, выработке новых социальных норм и ценностей, трансформации уже

имеющихся, являются значимым фактором сетевизации общества. Сетевое взаимодействие способствует созданию дополнительных возможностей для решения общих задач посредством быстрой информационной доступности и постоянной обновляемости материалов совместной деятельности, ее междисциплинарного характера, стимулирования активности субъектов на творческий поиск. Оно содействует расширению кросскультурной коммуникации, лучшему пониманию и осознанию межкультурных ценностей. Сетевое взаимодействие обеспечивает равные возможности для информационного обмена всем субъектам взаимодействия, направлено на обмен опытом, мнениями, разработками, ресурсами. Виртуальное сотрудничество формирует такие качества личности, как медиаграмотность и гибкость мышления.

На основании изложенного можно сделать выводы о том, что, во-первых, сетевые структуры трансформируют социальную реальность, приводят к появлению новых форм социального взаимодействия людей в обществе. Во-вторых, любая сетевая система содержит в себе внутренние механизмы, которые могут быть направлены как на ее стабилизацию и поддержание устойчивости своего функционирования, так и на разрушение. Конфликт неизбежно приводит к изменению уже сложившихся отношений между элементами. Исследование природы противоречий в сетевых структурах практически востребовано в связи с наличием возможности быстрого разрастания конфликта, его деструктивного воздействия на все сферы жизнедеятельности общества. В-третьих, в современном мире происходит усложнение системы управления, вследствие ее опоры на технические средства. Изменение способов взаимодействия элементов в системе служит основанием для ее структурной трансформации, появлению новых элементов или уничтожению уже сложившихся устойчивых связей между ними.

Список литературы

1. Castels M. The rise of the Network Society / M. Castels. – 2nd ed. – UK.: Wiley-Blackwell, 2010. – 624 p.
2. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
3. Martin A., Wellman B. Social Network Analysis: An Introduction / A. Martin, B. Wellman // Handbook of Social Network Analysis / ed. by P. Carrington, J. Scott. – London: Sage, 2011. – P. 11–25.
4. Заббаров А.Г. Сетевые структуры общественных объединений в современном политическом процессе: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / А.Г. Заббаров. – Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2011. – 21 с.
5. Дугин А. Сетевое общество и его враги / А. Дугин // Профиль. – 28.01.2008. – № 3(559). – С. 34.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
7. Кастельс М. Власть коммуникаций / М. Кастельс. – М.: ГУ-ВШЭ, 2017. – 592 с.
8. Трофимова, Г.Н. Особенности негативных тенденций в массовой коммуникации / Г.Н. Трофимова // Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика: материалы X междунар. конгресса междунар. общества по прикладной социоллингвистике; редколл.: Н.В. Уфимцева [и др.]. – М.: Институт языкознания РАН, 2013. – С. 174–176.

NETWORK CONFLICT AS A FACTOR OF SOCIETY DESTABILIZATION

*Yu.L. Bankovskaya*¹

Belarusian state agrarian technical University, Minsk, Belarus

e-mail: ulia_bank@tut.by

Annotation. *The research deals with the specifics of network conflicts functioning in modern society, which qualitatively change the sphere of subjects' social interaction. Social contradictions are a factor of social risk that leads to unpredictable consequences in the existence and development of reality. The need for their research is due to the global impact of network conflicts on the processes of society transformation and the importance of social regulation developing mechanisms.*

Keywords: *network conflict, network structures, network, contradiction, destabilization, interaction.*

¹ BANKOVSKAYA Yulia Leonidovna, Associate Professor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Belarusian State Agrarian Technical University.

ЭПИДЕМИЯ КОРОНОВИРУСА КАК УГРОЗА БЛАГОПОЛУЧИЮ ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ЕГО САМОВОСТРИЯТИЕ

С.В. Даведенко¹

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия
E-mail: davsv@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается восприятие коронавируса как угрозы человеческому благополучию. На основе проанализированных подходов установлено, что проблема благополучия личности имеет теоретическую актуальность в плане уточнения содержания понятия. В работе проанализировано восприятие коронавируса россиянами.

Ключевые слова: благополучие, коронавирус, эпидемия, пандемия, восприятие.

В философии сформировались различные подходы к определению благополучия, включающие субъективное восприятие счастья, объективные параметры социального и психологического благополучия, а также субъективное переживание счастья, связанное с морально-нравственными, бытийно-смысловыми переживаниями. Рассмотрим современные научные представления о феномене «психологическое благополучие» на основе философских подходов:

- гедонистического (Н. Брэдбёрн и Э. Динер),
- эвдемонистического (А. Вотермен, А.А. Кроник),
- гуманистического (К. Рифф, Р. Райан, Э. Дисси),
- психофизиологического (К. Фредерик, А.В. Воронина),
- ценностно-смыслового (П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова) [5, с. 77].

С середины прошлого века понятия счастья, благополучия, удовлетворенности включены в предмет научного изучения. Психологические взгляды на эти понятия основаны на взаимном влиянии позитивных и негативных аффектов, эмоций. Значительную роль в исследовании психологического благополучия играли когнитивные психологи, особенно такие, как Д. Канеман, Р. Стернберг и П. Бальтес. Они внесли значимый вклад в изучение формирования познавательных качеств личности, таких как мудрость, креативность и интеллектуальность. Также нельзя отрицать влияние на позитивную психологию когнитивной психотерапии, особенно А. Эллиса. Эллис впервые сформулировал принципы рациональной жизни в современном обществе [6, с. 83].

¹ДАВЕДЕНКО Светлана Викторовна, аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» 47.06.01 Философия, этика и религиоведение, профиль «Онтология и теория познания»

С.А. Водяха отмечает, что основными проблемами исследования психологического благополучия являются следующие.

1. Исследование достоинств характера личности – идентификация личностных качеств и достоинств личности.
2. Исследование оптимизма и надежды.
3. Исследование положительных эмоций.
4. Исследование осмысленности жизни.
5. Исследование стратегий самореализации.
6. Исследование позитивных межличностных отношений.
7. Исследование духовных потребностей и способов их удовлетворения.
8. Исследование самодетерминации личности.
9. Исследование одаренности и креативности.
10. Исследование стратегий достижения оптимального функционирования [1, с. 7].

Первоначально исследования психологического благополучия были посвящены субъективной удовлетворенности жизнью и эмоциональному благополучию. Затем активно стали рассматриваться экзистенциальные аспекты полноценного функционирования личности и ее психологического благополучия. Проблема психологического благополучия в начале XXI в. стала одной из наиболее привлекательных тем исследования психологов, нейрологов, экономистов и других смежных специалистов.

М. Селигман считает, что основной проблемой позитивной психологии является предотвращение и профилактика негативных проявлений. Проблемы профилактики депрессии, токсикомании, тяжелых форм юношеской шизофрении обсуждались на конгрессе Американской психологической ассоциации в Сан-Франциско в 1998 г. Формирование психологического благополучия будет способствовать коррекции негативной эмоциональности и ее причин [3, с. 8].

М. Селигман обнаружил, что у каждого человека существуют следующие позитивные черты характера, служащие буфером против психического заболевания: храбрость, вера в свое будущее, оптимизм, навыки партнерства, добросовестность, надежда, честность, настойчивость, способность к мотивационному потоку и способность проникать в суть происходящего.

Одним из наиболее важных предикторов психологического благополучия является оптимизм. М. Селигман, дискутируя с А. Беком и другими когнитивными психологами, предложил революционное понятие «выученный оптимизм». Выученный оптимизм предотвращает депрессию и у детей, и у взрослых, снижая ее уровень примерно наполовину на протяжении 2-х лет.

М. Селигман выделил три недостатка в теории подлинного счастья. Первой ошибкой теории является то, что доминирующим концептом в понимании «счастья» становится хорошее приподнятое настроение. Положительные эмоции являются практически единственным индикатором счастья. В то же

время, «счастье» не всегда выражается в безудержной восторженности, ажитации и экзальтированном поведении [3, с. 10].

Вторым недостатком теории подлинного счастья является то, что понятие «удовлетворенность жизнью» занимает излишне привилегированное положение среди других измерений психологического благополучия. Поэтому люди с преобладанием негативных аффектов попадают в разряд несчастных. Хотя нередко грустные люди находят более глубокий смысл в жизни, нежели многие веселые люди. Удовлетворенность жизнью также связана с тем, насколько осмысленно существование человека, насколько он вовлечен в свою работу или отношения с людьми, которых любит [4, с. 77].

Третьим недостатком теории подлинного счастья является то, что положительные эмоции, мотивационная вовлеченность и осмысленность жизни не являются исчерпывающим перечнем элементов психологического благополучия. Это происходит потому, что содержание этих элементов трактуется индивидом в зависимости от поставленных ими целей, от личностных стандартов и ценностей.

Анализируя недостатки данной теории, М. Селигман разработал теорию психологического благополучия. Эта теория исходит из того, что человек свободно выбирает из пяти элементов благополучия, основываясь на уровне своей личной культуры и возможностей реализации определенной программы поведения в том социуме, в котором он функционирует. Каждый элемент психологического благополучия имеет три свойства:

- проективность – способствует формированию благополучия.
- самодостаточность – люди стремятся овладеть определенным компонентом благополучия совсем не для того, чтобы получить все остальные элементы.
- эксклюзивность – каждый элемент определяется и измеряется независимо от других элементов [3, с. 11].

Опираясь на проведенный анализ сложившихся философских подходов психологическое благополучие следует рассматривать как комплексное, интегральное явление, синтезирующее физические, психические, социальные, нравственно-смысловые аспекты. В целом, в научной литературе существуют различные подходы к определению психологического благополучия личности. На самовосприятие человеком собственного благополучия оказывают влияние различные факторы как внешнего, так и внутреннего порядка. В современный период является перспективным изучение различных аспектов психологического благополучия личности, трансформация самого понимания благополучия в условиях цифрового общества, разработка методик для выявления показателей психологического благополучия.

Значительное влияние на восприятие человеком собственного благополучия в современный период оказывает угроза распространения вируса. По данным на 26 марта 2020 г. количество зараженных коронавирусом в мире

составило более 496,7 тысячи человек, более 81,4 тысячи из них были инфицированы на территории Китая, около 74,4 тысячи человек – в Италии, более 69 тысяч – в США, около 56,2 тысячи – в Испании. Количество умерших составляет почти 22,3 тысячи человек. Наибольшие потери зафиксированы в Италии – 7,5 тысячи погибших. В Испании умерли более 4 тысяч инфицированных, в Китае – около 3,3 тысячи, в Иране – более 2,2 тысячи, во Франции – более 1,3 тысячи, в США – более тысячи человек [2].

Согласно данным В. Яковлева, россияне видят в пандемии коронавируса угрозу своему здоровью, позитивно оценивают меры, принятые правительством на уровне страны, однако пока не спешат сами следовать медицинским рекомендациям для предотвращения заражений. Такие выводы можно сделать из данных ряда опросов, с помощью которых российские социологи попытались оценить реакцию на распространение коронавируса в РФ [7].

Абсолютное большинство россиян были хорошо информированы о вспышке вызванной коронавирусом болезни, происшедшей в начале 2020 г. в Китае, свидетельствуют данные опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Эксперты ВЦИОМа оценивали осведомленность россиян дважды – в начале февраля и середине марта. В марте доля знающих о вирусе составила 82 % – чуть более чем за месяц она выросла на 14 процентных пунктов. В целом же на момент исследования почти все наши соотечественники слышали о вирусе в той или иной степени (99 %).

В марте выросло и число тех, кто опасается заболеть сам или переживает за здоровье своих родственников. Доля таковых достигла 70 % – она увеличилась на 18 процентных пунктов с начала февраля. Напротив, доля тех, кто уверен, что ни с ним, ни с его близкими этого не случится, сократилась с 28 % до 16 %.

Более половины россиян (61 %) в той или иной степени уверены, что российские медицинские и эпидемиологические службы смогут защитить население России от распространения коронавируса в случае реальной угрозы, хотя треть настроена более скептически (32 %). Доля тех, кто считает вероятность заражения высокой, практически не изменилась и составила 10 % против 8 % в начале февраля. Власти принимают достаточные меры для предотвращения распространения коронавируса в России, считает каждый второй россиянин (56 %). Такое мнение чаще распространено среди старшего поколения 45–59 лет (56 %) и 60+ лет (63 %) [7].

При этом сами россияне не спешат оградить себя от инфекции, хотя и считают, что от заболевания, вызванного коронавирусом, можно защититься (64 %). Какие-либо профилактические меры в связи с распространением коронавируса принимали, по данным ФОМ, только 18 % населения, остальные же никак не изменили свое поведение в быту. Чуть выше доля принявших меры – среди старшего поколения, в возрасте от 40 до 60 лет таковых оказалось 23 %, а среди тех, кому за 60, – 20 %.

Оценивая данные опросов о коронавирусе, В. Яковлев приходит к выводу, что, хотя респонденты чаще стали говорить о чувстве страха, связанном с заболеванием, далеко не во всех случаях их растущие опасения приводят к конкретным действиям. Достоверно о поведении россиян можно судить только по тому, насколько повысился спрос на лекарственные препараты и средства индивидуальной защиты в аптеках [7].

Если ориентироваться на данные Высшей школы экономики, здоровье в России стабильно маркируется массовым сознанием как базовая ценность. Для большинства людей всех возрастных групп оно ценно так же, как и семья, и существенно больше, чем материальное благополучие, работа, образование. Вместе с тем основная масса россиян на практике относится к собственному здоровью весьма небрежно. Многие люди не приучены к стилю жизни и поведению, которые обеспечивают предупреждение заболеваний, подвержены влиянию отрицательных социальных норм и традиций. В результате многие предпочитают лечиться самостоятельно, часто без применения лекарств, используя средства народной медицины и отказываясь от квалифицированной медицинской помощи. Так, по данным опроса ФОМ, до трети россиян могут не обращаться к врачу в случае заболевания, а до половины – не делают ни себе, ни близким прививки от гриппа.

Восприятие коронавируса на уровне обывателя, которого он не коснулся напрямую, пока недостаточно серьезное, что отражается в рассылаемых сообщениях о вирусе, фейковых новостях. Многими людьми коронавирус рассматривается не как угроза их здоровью и жизни, а как угроза их благополучию, что подразумевает необходимость изменения планов, отказа от поездок, посещения общественных мест и другое. Идеалом человеческого существования становится «беспроблемность», а психологическое благополучие человека связывается с приспособительными формами поведения. Сама «приспособительная» идея имела свои основания в социальных представлениях того времени, касающихся идеалов человеческого существования.

Человеческому сознанию свойственно отторгать негативные сценарии развития событий. Еще в меньшей степени мы склонны примерять эти сценарии непосредственно на себя и на своих близких. Это особенно характерно для стран и даже целых континентов, которые на протяжении нескольких поколений жили в условиях мира и отсутствия явных угроз личной безопасности. Отсюда многочисленные проявления легкомысленного отношения к пандемии на ее начальных стадиях, особенно в странах Европы, демонстративная неготовность и нежелание следовать рекомендациям и даже прямым распоряжениям со стороны властей.

В целом, необходимо констатировать, что коронавирус продемонстрировал призрачность существующего человеческого благополучия. Распространение вируса уравнило все страны, заставив переосмыслить собственные

принципы существования. При этом многие люди, которых вирус и его последствия не затронули непосредственно, легкомысленно воспринимают эту угрозу, надеясь, что она их не затронет.

Список литературы

1. Водяха С.А. Проблема психологического благополучия в начале XXI в. / С.А. Водяха // Психологическое благополучие современного человека: материалы Международной заочной научно-практической конференции (11 апреля 2018 г.) / отв. ред. С. А. Водяха. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т [б. и.], 2018. – Т. 1. – С. 6–22.
2. Коронавирус COVID-19. Мониторинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2020/02/04/koronavirus-2019-ncov-monitoring/>
3. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб: Питер, 2000. – 992 с.
4. Лактионова Е.Б., Матюшина М.Г. Теоретический анализ подходов к исследованию проблемы позитивного функционирования личности: счастье, психологическое благополучие, субъективное благополучие / Е.Б. Лактионова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. – 2018. – Т. 26. – С. 77–88.
5. Манукян В.Р. Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий / В.Р. Манукян, Е.Г. Трошихина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2016. – Вып. 2(26). – С. 77–85.
6. Павлоцкая Я.И. Психологическое благополучие и социально-психологические характеристики личности. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2016. – 168 с.
7. Яковлев В. Коронавирус в глазах смотрящего. Что россияне думают о пандемии этого заболевания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4302242>.

THE CORONAVIRUS EPIDEMIC AS A THREAT TO HUMAN WELL-BEING, THROUGH ITS SELF-EXPRESSION

*S.V. Davedenko*¹

Samara State Technical University, Samara, Russia

E-mail: davsv@inbox.ru

Annotation. *The article considers the perception of coronavirus as a threat to human well-being. Based on the analyzed approaches, it was found that the problem of personal well-being has theoretical relevance in terms of clarifying the content of the concept. The paper analyzes the perception of coronavirus by Russians.*

Keywords: *well-being, coronavirus, epidemic, pandemic, perception.*

¹ DAVEDENKO Svetlana Viktorovna, post-graduate student of Samara State Technical University.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

И.В. Цветкова¹

ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

***Аннотация.** Рассмотрены факторы, которые оказывают влияние на изменение содержания категории «ответственность» в постиндустриальном обществе. Развитие техники и технологий увеличивают возможности индивидов в преобразовании условий жизни. Тенденции развития общества под влиянием научно-технического прогресса проанализированы в работах российских и зарубежных ученых. Формирование постиндустриального общества повышает роль коллективных субъектов, принимающих активное участие в инновационных преобразованиях. Развитие производительных сил общества увеличивает зону рисков. В этих условиях возрастает значение индивидуальной ответственности, а также появляются предпосылки для становления коллективной ответственности. Коллективная ответственность предполагает становление новых форм взаимодействия в корпорациях. В статье проанализированы особенности рефлексивной ответственности. Они проявляются в организации действий по выявлению заинтересованных сторон, в активном обсуждении возможных последствий. Рефлексивная ответственность основывается на коммуникативной рациональности.*

***Ключевые слова:** постиндустриальное общество, индивидуальная ответственность, коллективная ответственность, рефлексивная ответственность, социальные риски, прогнозирование, моделирование.*

I. Введение

Начиная с 70-х гг. XX в. происходит глубокое преобразование технологического и экономического базиса развитых стран. Эти изменения оказывают большое влияние на все стороны жизни людей, общественное сознание, образ жизни и культуру.

Преобразования всех сторон жизни приобрели революционный характер, что нашло выражение в понятиях «научно-техническая революция», «информационная революция». Под влиянием глобализации глубокие изменения охватили все страны мира.

Социально-экономические и технологические преобразования нашли отражение в социально-философских теориях, которые создают образ будущего. Современное общество определяют как «информационное» (М. Кастельс)

¹ ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета

«постиндустриальное» (Д. Белл), «общество второго модерна» (Э. Гидденс), «постсовременное общество» (М. Бодрийяр).

Во второй половине XX в. в индустриальных странах мира произошли технологические и экономические сдвиги, которые привели к формированию новой стадии в развитии мировой цивилизации. Стремительное развитие микроэлектроники привело к информационно-технологической революции. Образ жизни, основанный на материальном производстве, постепенно сменяется новым производственным укладом. Его базисом выступают информация или знание. В связи с этим новый социальный порядок получил множество вариантов названий: «информационное общество», «постиндустриальное общество», «сетевое общество» и т.д. Различные термины объединяет то, что все они подчеркивают значение информационных потоков для нового типа технологического и социального устройства.

Понятие «постиндустриальное общество» является наиболее широким, так как оно подчеркивает глубину качественных преобразований производства и социальных взаимоотношений. В русле современной стадии развития постиндустриальной теории выделяют особую стадию – информационное общество.

В современных социальных и гуманитарных науках процессы формирования информационного общества являются предметом острых дискуссий. Сложность и неоднозначность проблем общественного развития привлекает к ним внимание широкого круга исследователей: философов, социологов, инженерно-технических специалистов, экономистов. Интерес к теориям постиндустриального общества обусловлен противоречивыми тенденциями становления новых форм социальных отношений. Он также вызван масштабами преобразования, охватывающими все сферы человеческой деятельности.

Современное общество философы и ученые рассматривают как общество риска. Подобное определение обозначает, что в условиях техногенной цивилизации возрастает угроза стабильности и безопасности под влиянием факторов неопределенности. В теории У. Бека риск рассматривается как результат действия механизмов модернизации [1, с. 3]. Процессы инновационного преобразования порождают не только новые услуги и товары, стремительные темпы преобразования общества увеличивают факторы риска. Понятие риска характеризует противоречие, возникающее между ценностью каких-либо благ, производимых обществом, и вероятностью достижения положительного эффекта. На базе этого противоречия возникает ситуация неопределенности как при выборе средств для достижения целей, так и в результате потребления. Общество стремится уменьшить фактор неопределенности, создавая систему контроля и безопасности.

Под влиянием процессов модернизации, глобализации современное российское общество также испытывает влияние множества факторов риска.

По мнению О.Н. Яницкого, российский социум преобразуется в общество всеобщего риска. Возникает реальная угроза того, что факторы неопределенности, которые сопровождают производство различных благ, вытеснят их полезный эффект [12].

Теории риска объединяет критическое отношение к изменениям современного общества, которые происходят под влиянием технологических, экономических, политических и социокультурных факторов.

Понятие «общество риска» характеризует особый этап социальной системы, который формируется под влиянием множества интенсивных преобразований, порождающих нестабильность и неопределенность. Это приводит к кризису традиционных механизмов социального контроля, снижению эффективности форм регулирования. В результате этого базисом социальной солидарности индивидов выступают противодействие риску и стремление к безопасности.

В условиях постиндустриального развития общества ответственность становится социальной силой, которая способна противостоять злоупотреблению современной техникой. Ответственное отношение к технике может снизить ее негативное влияние на природу и общество.

Становление постиндустриального общества оказывает значительное влияние на образ жизни людей, их поведение и систему ценностей. Меняется представление о социальном контроле и ответственности. Традиционная концепция ответственности распространяется на действия отдельного индивида и охватывает их последствия для социального окружения. В основе концепции ответственности находится мотивация поступка. Традиционная концепция ответственности основывается на возможности субъекта оценивать свои действия, а также контролировать факторы для предотвращения нежелательных последствий. В качестве субъектов ответственности выступают отдельные индивиды, которые руководствуются нормами морали и нравственности, представлениями о долге.

Целью статьи является философский анализ категории «ответственность» с учетом тех преобразований, которые происходят в обществе под влиянием развития постиндустриального общества и становления его информационной стадии.

II. Результаты исследования

С целью изучения статуса ответственности в техногенной цивилизации философы, учёные, инженеры обратились к изучению процессов ее трансформации. В современном обществе ответственность рассматривается в качестве универсального критерия действий отдельных индивидов и социальных общностей. Рамки данной категории распространяются на методы воздействия, прогнозирование и моделирование будущего. Повышение актуально-

сти категории «ответственность» свидетельствует об осознании неопределенности последствий, вызванных стремительными преобразованиями социума.

Стремительные преобразования, которые претерпевает общество, представлены, в частности, в концепции волнового развития Элвина Тоффлера [11]. Новая цивилизация несет с собой новые способы взаимодействия с природой, основанные на возобновляемых источниках энергии. Новые технологии производства исключают фабричные сборочные конвейеры, которые превращали рабочих в придатки машин. Широкое использование робототехники повышает производительность труда, кардинально изменяет его условия. Э. Тоффлер считал, что все основные функции по взаимодействию человека с социальными структурами будут осуществляться при помощи «электронного коттеджа». Изменения в технологиях оказывают влияние на семейные отношения, способы передачи знаний, освоение образов культуры.

Инновационное преобразование цивилизации ведет человечество за пределы стандартизации, синхронизации и централизации. Однако инновационные преобразования, как выяснилось в дальнейшем, происходят неравномерно. Распространение нововведений сочетается с традиционным укладом жизни и производства. Глубокие преобразования социальной структуры должны привести к тому, что функции социального контроля должны осуществляться с использованием информационных систем. Однако их внедрение приводит к тому, что функции их обслуживания усиливают бюрократическую систему, поскольку основываются на рутинных операциях копирования информации, перенесения их из одних форм в другие [5].

В техногенной цивилизации изменяются представления о нравственных требованиях к человеку. Происходит преобразование критериев оценки взаимодействия индивида и общества. Это связано с возрастанием масштабов зависимости поведения человека от технико-технологической оснащенности, что снижает чувство сопричастности и ответственности индивида. Отдельному человеку трудно определить степень своей ответственности, когда результаты его деятельности определяются взаимодействием с другими индивидами, глобальными техногенными и социальными структурами.

Возрастание значение техники и технологий в современном обществе нашло отражение в концепции предотвращающей ответственности, разработанной во второй половине XX в. Эта теория привлекает внимание расширение масштаба преобразований как в пространстве, так и во времени. Г. Йонас [6, с. 58], Х. Ленк [7] считают, что прежние концепции ответственности не учитывают стремительное развитие техники, технологий, а также их связь с глобальным развитием, развитием массового потребления.

В концепции «нового индустриального общества» Дж. Гэлбрэйт проанализировал изменения, которые произошли в США в послевоенные годы. Это нашло отражение в научно-техническом прогрессе в сфере материального

производства, где широкое применение получила более сложная техника. Данные процессы повысили роль государства в качестве субъекта инновационного развития. Поддерживая промышленные инновации, государство способствует ускорению процессов их внедрения. Благодаря крупным вложениям в развитие технологий и подготовку специалистов, которые управляют этими организациями, возрастает необходимость создания крупных научно-промышленных организаций.

Все перечисленные изменения связаны с глубокой интеграцией развития техники, технологий и науки. Гэлбрейт определяет технику как практическое применение научных знаний, которое основывается на их систематизации и постоянном совершенствовании [4]. Это связано с масштабами подготовительной стадии, которая включает применение научных знаний к разработке новой продукции, технологий. Усложнение техники повышает требования к качеству рабочей силы, возрастает необходимость обучения персонала для эффективного использования сложных технических устройств. Продвижение новой продукции на рынок сопровождается системой организационно-управленческих решений, которые обеспечивают конкурентные преимущества.

Однако стремление к планированию и контролю сложных процессов, как ни парадоксально, является фактором нестабильности. Согласно Э. Гидденсу, современное общество порождает ситуации рисков в связи со стремлением к целям, которые с неизбежностью ведут к рискам. Современная цивилизация стремится к обретению тотального контроля, господству над природой и к управлению историческими процессами. Э. Гидденс [3, с. 40] различает понятия «опасность» и «риск». Риск базируется на осознании степени опасности, рациональном расчете возможных последствий.

Ответственность выступает средством снижения рисков в условиях стремительной трансформации социальных институтов. На прежних этапах развития общества ответственность рассматривалась в рамках рационального поведения индивида, которое регулируется доброй волей и здравым смыслом. При характеристике ответственного поведения исходили из представления о том, что индивид способен полностью контролировать свои действия и предвидеть их последствия.

В условиях современного общества проблема ответственности охватывает масштабы человеческого существования в настоящем, она также включает аспекты выживания человечества в будущем. Расширение пространственных и временных границ ответственного поведения предполагает рассмотрение субъекта, способного контролировать последствия. Создатели технических устройств, которые приносят ущерб природе, здоровью людей, несут ответственность за причиняемый ущерб.

Согласно Д. Беллу, в постиндустриальном обществе индустриальный сектор утрачивает ведущую роль под влиянием технологизации [2]. Данная

тенденция проявляется в возрастании значения научных знаний, в ускорении процессов производства и обмена информацией. Темпы роста научных знаний, их практического применения выступают критериями развития материального базиса. Таким образом, постиндустриальное производство не устраняет человека в качестве субъекта, а лишь меняет его функции.

Становление постиндустриального общества является эволюционным процессом, под его воздействием индустриальный мир обогащается дополнительными чертами и свойствами. В частности, усиливается воздействие производства на окружающую среду. В отличие от прежних исторических этапов, воздействие на природу становится непрерывным. Усиливаются взаимосвязи между различными сферами общественной жизни. Совершенствование знаний осуществляется благодаря применению новых технологий моделирования и системного анализа. В этих условиях основным ресурсом становится информация, которая применяется в целях управления и прогнозирования экономических и социальных процессов.

Однако в современных условиях разработка, внедрение, эксплуатация техники связана с коллективными решениями и действиями. Это приводит к стиранию четких границ индивидуальной ответственности, при этом ее значение для эффективного регулирования отношений не утрачивается.

Даже в условиях господства глобальных структур действия отдельного человека могут оказывать влияние на общество. На высоком уровне развития технологий управление техникой все же осуществляется конкретными людьми, которые должны принимать обоснованные и рациональные решения.

В современной философии и науке разработкой концепции коллективной ответственности занимаются Г. Йонас, Х. Ленк, Г. Андерс, Г. Рополь. Данные исследователи исходят из того, что традиционные представления об индивидуальной ответственности не способны охватить современные реалии научно-технического прогресса.

Основанием для представлений об индивидуальной ответственности является уважение достоинства человека. Автономное бытие личности формирует осознание границ ее свободы, следовательно, ответственности. С позиций ответственного поведения индивида большое значение имеет оценка результата с позиций идеи блага, а также нравственных законов. В центре внимания находятся последствия поступков человека. Это придает индивидуальной ответственности ретроспективный характер, сфера ее действия ограничивается настоящим. Моральные установки на подчинение личных интересов общественным, любви к ближнему ориентированы на саморегуляцию поведения индивида в конкурентных жизненных обстоятельствах. Индивидуальная ответственность распространяется в пределах локальных пространственных и временных структур. В них отсутствует проблема оценки последствий

проступков, а также их атрибуции. Мера ответственности личности определяет степень ее свободы.

Под влиянием научно-технического прогресса меняется не только технологическая оснащенность различных видов деятельности, но также характер взаимодействия между людьми. Деятельность человека в условиях современного общества – это коллективная практика, включающая множество опосредованных взаимодействий.

Начиная с разработки проектов технических устройств, заканчивая ситуациями их эксплуатации, действия отдельных людей определяются различными социальными структурами. Функционирование техники обеспечивают совместные усилия специалистов из разных профессиональных сфер: инженеров, проектировщиков, экономистов, экологов, психологов и т.д. С усложнением технологических и социальных взаимосвязей происходит «размывание» границ ответственности конкретного человека. Современному человеку сложно представить все возможные последствия, которые возникают под влиянием технологической оснащенности его деятельности. В результате разрушается связь между нравственными чувствами и представлениями о последствиях, которая является основанием ответственного поведения человека в традиционном обществе.

Корпоративные организации с их разветвленным и сложным устройством поглощают автономную личность, несущую ответственность за конечный результат своей деятельности. К. Ясперс характерной чертой современной эпохи считал анонимность действий, размывание индивидуального действия [13]. Это порождает представление о безответственности, поскольку трудно выделить индивидов, которые отвечают за последствия.

В постиндустриальном обществе коллективное применение сложных технических устройств расширяет масштабы воздействия на природу, социальные связи. Они выходят за пределы локальных, региональных границ и приобретают глобальный характер. Современные технологии оказывают влияние не только на настоящее, они открывают перспективы управления ближайшим и отдаленным будущим. Возникает широкая зона неопределенности в предсказании и управлении возможными последствиями, она охватывает как пространственные, так и временные характеристики.

Согласно Тоффлеру, инновационные преобразования цивилизации сочетают динамику различных процессов: многократного ускорения передачи информации, что характерно для деловой сферы, и неторопливого, размеренного ритма жизни в электронном коттедже [11].

Концепция волнового развития дает возможность предсказать определенные контуры будущего общества. Его экономический базис определяется достижениями в области электроники, информационных технологий, технологий освоения космоса, использования глубин океана и биоиндустрии. Ка-

питал и труд как основа индустриального общества на новой стадии общественного развития уступают место производству информации и знаний.

Технологии индустриальной стадии способствовали развитию массового производства. Это было мощным фактором единообразия в других сферах общественной жизни: в культуре, образовании, способах потребления. Технологический базис производства Третьей волны дает возможность практически воплотить принципы дифференциации и плюрализма в различных сферах общественной жизни. Многообразие интересов, мнений, вкусов и социальных позиций создают предпосылки для децентрализации управления. На смену иерархичным структурам управления Второй волны приходят гибкие сетевые сообщества, которые возникают для выполнения определенных функций и не требуют управления из центра. Характерной чертой постиндустриального общества является отсутствие центральной структуры, которая организует социальную жизнь.

Децентрализация находит проявление во всех сферах общества: в экономике, политике, в социальном управлении. Применение новых технологий делает различные производственные предприятия более компактными. Сокращение ручного труда, применение робототехники, автоматизированных производств приводит к уменьшению количества работников, изменению их функций. В этих условиях повышаются требования к образованию работников, управляющих сложной техникой, возрастает значение их психологических, личностных качеств.

По мнению Н. Лумана, современное общество рассматривает угрозы стабильности в категориях рисков. При этом представления о рисках дифференцировано в зависимости от положения социальных групп. Значительную роль в этом играет информация, которой располагают различные социальные слои для управления ситуациями неопределенности [8].

Отличительной чертой рисков в современном обществе является их двузначность. Она характеризует полярное противостояние интересов. Если для одной группы определенные явления рассматриваются как благо, то для другой стороны могут представлять опасность и быть фактором риска. Для современного общества характерны общности, возникающие на базе негативной солидарности. Они объединяют людей с различными социальными статусами, с противоположными интересами и ценностями. В условиях нестабильности, несмотря на глубокие различия, они вынуждены поддерживать друг друга.

Таким образом, при регулировании отношений в условиях современного общества концепция индивидуальной ответственности сталкивается с рядом трудностей. Они вызваны тем, что индивидуальная ответственность имеет четкие локальные границы, поэтому она не распространяется на деятельность, использующую сложные технические устройства. Последствия дей-

ствий, отдаленные как в пространстве, так и во времени, которые возникают в технологически оснащенном обществе, не могут быть урегулированы при помощи представлений об индивидуальной ответственности. Данная концепция не предназначена для управления сложными интегративными связями, которые возникают в ситуациях неопределенности.

В конце XX в. коллективная ответственность стала предметом обсуждения в научных и деловых кругах, это было связано с изучением последствий функционирования транснациональных корпораций. Данные организации стали рассматриваться в качестве субъектов коллективной ответственности. Основанием для проявления подобной формы ответственности является коллективная сознательность, выступающая признаком обязательств перед обществом.

Осознание кризиса современной цивилизации стало побудительным мотивом для создания императива коллективной ответственности. Согласно Г. Йонасу, его формулировка звучит так: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинной человеческой жизни на Земле» [6, с. 58]. Данный принцип относится к моделям коллективных действий, организованных на различном уровне. Новый императив ориентирует деятельность на модель предотвращающей ответственности, которая стремится предотвратить негативные последствия. Традиционная концепция ответственности базировалась на чувстве вины за действия, имевшие место в прошлом. Таким образом, коллективная ответственность предполагает рациональное предвидение отдаленных последствий практического применения технических устройств и технологий.

Концепции коллективной ответственности направлены на регулирование научно-технического развития с учетом гуманистических принципов. В условиях усложнения социальных взаимосвязей идея коллективной ответственности позволяет разрешать противоречия, с которыми не может справиться концепция индивидуальной ответственности. В частности, к ним относится проблема распределения ответственности в коллективных действиях. В центре внимания новой парадигмы также находится проблема оценки действий в ситуациях неопределенности в рамках долгосрочных перспектив.

Согласно Питеру Френчу, корпорации являются полноценными социальными субъектами, обладающими правами и обязанностями. Это позволяет оценивать деятельность корпорации на основе критериев, которые применяются по отношению к личности. Если рассматривать личность как субъекта целенаправленной деятельности, способной учитывать интересы общества, то подобная трактовка вполне подходит к анализу организаций в контексте взаимодействия с социумом. Возможность предвидеть последствия своих действий выступает значимой характеристикой рационального поведения субъекта. У коллективных субъектов принятие решений основывается на системе

их согласования внутри корпорации. На этом основании, согласно П. Френчу, корпорации можно рассматривать в качестве субъектов, которые несут ответственность за свои действия [14].

Корпоративная структура принятия решений осуществляется на основе механизма, который регулирует отношения между отдельными элементами. Уровни распределения ответственности внутри коллектива осуществляется на основе организационной структуры компании. Она формирует правила признания принимаемых решений, встроенных в корпоративную политику. Таким образом, речь идет об ответственности за коллективные решения, а не за поступки отдельных индивидов.

Понятие коллективной ответственности является дискуссионным. Высказывается точка зрения, что данная категория противоречит принципу моральной автономности субъекта, которая дает возможность выбора. Идея коллективной ответственности противоречит признанию различий между личностями; этот принцип выступает основанием для реализации свободы индивида.

Идея коллективной ответственности становится предметом критики, поскольку не опирается на традиционные социально-психологические регуляторы, в частности, чувство вины, угрызения совести. Отсутствие этих переживаний в механизмах коллективной ответственности рассматривается как стимул к безответственному поведению. Это дает основание для утверждения, что индивидуальная ответственность утрачивает свое значение в рамках коллективной ответственности.

Критика концепции коллективной ответственности связана также с тем, что она вступает в противоречие с принципами справедливости. Членам коллектива вменяется ответственность действия организации вне зависимости от степени их участия.

Под влиянием необходимости разработки концепции коллективной ответственности, которая не отменяет индивидуальную ответственность, были выделены ее разновидности. К. Годпастер и Дж. Мьютьюз считают, что ответственность за совершенные действия является наиболее простым и типичным способом социального контроля [15]. Ответственность, предполагающая следование правилам, интегрирована в систему ролевых функций. Эта модель поведения ориентирована на следование социально одобряемым образцам. Принятие решения – это наиболее сложный вид ответственности, который характеризует индивида как социального субъекта. Данное поведение опирается на рациональность и уважение окружающих. По мнению К. Годпастера и Дж. Мьютьюза, данные характеристики могут быть перенесены на оценку действий корпораций. Это дает основание утверждать, что корпорации могут рассматриваться в качестве субъектов коллективной ответственности.

Х. Ленк проанализировал проблему распределения ответственности в коллективах. Мыслитель доказывает, что коллективная ответственность не

отменяет ответственность конкретных индивидов. Напротив, она вменяет дополнительные обязательства каждому члену коллектива. Х. Ленк называет эту характеристику «совместной или соучастной ответственностью». Участники коллектива разделяют эту ответственность в зависимости от круга полномочий, функциональных обязанностей [7].

Б. Стахл разрабатывает концепцию рефлексивной ответственности, которая, по его мнению, соответствует реалиям информационного общества [16]. Идея рефлексивной ответственности состоит в том, приписывание ответственности является выражением ответственности. Для этого важно определить ядро ответственности приписывания. Есть три характеристики, которые разделяют большинство приписываний: открытость, близость к действию и телеологическая основа.

Открытость означает тот факт, что приписывания ответственности не являются закрытыми и непредсказуемыми, но, как любые социальные конструкции, они открыты для изменений. Это означает, что процесс приписывания должен включать заинтересованных лиц и что результат приписывания всегда открыт для критики. Этот справедливо для наиболее формализованной из приписок ответственности, юридической ответственности, когда внешние заинтересованные стороны могут выступать в качестве экспертов или свидетелей в суде. Кроме того, невозможно предсказать все результаты действий, хотя во многих случаях можно догадаться, какими они будут.

Второй характеристикой рефлексивной ответственности является мотивация к действию. Это означает, что приписывания ответственности всегда несет изменение способов осуществления действий. Возложение на кого-то ответственности означает, что этот человек изменит свой образ жизни и отношение к деятельности. Это тесно связано с целями ответственности, а именно сделать жизнь лучше для тех, кто вовлечен в нее.

Третья характеристика – это постановка целей. Телеологическая ориентация имеет два аспекта: консеквенциализм и «улучшение жизни». Консеквенциализм базируется на идее о том, что моральное поведение способствует увеличению блага, приводит к хорошим последствиям. Ориентация поведения на улучшение жизни приводит к совершенствованию социальных условий. Такое улучшение возможно только в том случае, если есть представление о желательном состоянии общества. Приписывание ответственности основано на стремлении достичь какого-то социального результата, который связан не с намерениями субъекта, а с реальными последствиями его действий. Основанием для приписывания ответственности выступает консеквенциалистская позиция, даже если последствия действий трудно определить. Рефлексивная ответственность принимает эти три характеристики (открытость, побуждения к действию и телеология) и применяет их к ситуации приписывания ответственности.

Приписывание ответственности связано с открытым обсуждением, оценкой последствий и возможностей улучшения условий жизни. Б. Стахл отмечает, что есть несколько способов реализации рефлексивной ответственности [16].

Они основываются на признании равного достоинства всех людей, что открывает возможность открытого обсуждения последствий действий, которые затрагивают интересы различных сторон. Таким образом, рефлексивная ответственность возможна в условиях открытой коммуникации, равного участия в обсуждении нововведений всеми заинтересованными участниками.

Рефлексивная ответственность будет выглядеть совершенно иначе, чем тот тип ответственности, с которым мы обычно имеем дело в коммерческих организациях. На начальном этапе необходимо выявить все заинтересованные стороны, чтобы в дальнейшем обсудить все аспекты приписывания ответственности. Рефлексивная ответственность начинается до того, как установлены отношения между субъектом и реальным или предполагаемым объектом. Субъекты должны иметь четкое представление о том, что они контролируют, какие санкции будут использоваться, чтобы достичь общей цели. Поэтому вполне возможно, что субъекты будут определяться для конкретных целей. Обсуждение будет включать в себя аспекты, которые являются проблематичными с традиционной точки зрения. Результатом такой рефлексивной ответственности будет выступать система взаимосвязанных и взаимозависимых обязанностей. Эта система может легко стать довольно сложной и столкнуться с проблемой недостаточной осведомленности и недостаточного знания предметов относительно объектов.

Несмотря на повышение роли знаний в информационном обществе функции высококвалифицированных работников в информационном обществе ограничены позицией наемного служащего [10]. Экспертное мнение чаще всего используется для подкрепления уже сформированных управленческих решений. Компетентное мнение эксперта соответствует его позиции в корпоративной иерархии. Соответственно, зона ответственности экспертов соотносится с критериями успешности, рациональности, продуктивности [9], которые тесно связаны с интересами компании.

Проблема коллективной ответственности усложняется, когда рассматривается ответственность за последствия взаимодействий нескольких организаций. Нередко встречаются парадоксы, когда действия коллективных субъектов находятся в рамках допустимых норм, однако результаты их взаимодействия приводят к разрушительным последствиям. Например, ответственность за изменение климата не может быть вменена какому-либо конкретному коллективному или индивидуальному субъекту.

III. Выводы

Подведем некоторые итоги. Стремительные преобразования в научно-технической сфере привели к кардинальным преобразованиям всех аспектов социальной жизни. Это дало философам и ученым основание утверждать, что современное общество переходит на новую постиндустриальную стадию развития. На этом историческом этапе ключевая роль в общественном развитии принадлежит разработке и внедрению информационных технологий. Постепенно они проникают во все сферы общества и меняют способы взаимодействия индивидов и общества. Согласно Дж. Гэлбрейту, определяющими факторами новых социальных взаимодействий являются «индустриальная система» и «техноструктура». Они определяют взаимодействие человека с социумом и являются факторами деперсонализации. Подобные явления вызывают опасения в том, что индивидуальная ответственность в качестве регулятора поведения утрачивает свое значение. Это дает основание для разработки концепта «коллективной ответственности». Несмотря на ряд теоретических трудностей в разработке данной категории, она приобретает все большее практическое значение. Коллективная ответственность, несмотря на критику, не отменяет индивидуальную ответственность. В условиях формирования информационного общества на смену массовому производству и культуре приходят технологии, способствующие индивидуализации. Механизмы коллективной ответственности в этих условиях способствуют актуализации индивидуальной ответственности на фоне становления коммуникативной рациональности.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: пер. с англ. / У. Бек. – М.: Прогресс Традиция, 2000. – 384 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 944 с.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь: пер. с англ. / Э. Гидденс. – М.: Весь мир. 2004. – 120 с.
4. Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество: пер. с англ. / Гэлбрейт Д.К. – М.: АСТ, 2004. – 602 с.
5. Ирецкий А.Н. О качествах профессионалов для «третьей волны технологической модернизации» по Э. Тоффлеру / А.Н. Ирецкий, Н.Д. Эмиров, А.Е. Эмирова // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – № 4 (72). – С. 69–73.
6. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
7. Ленк Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 183 с.

8. Луман Н. Решения в информационном обществе [Электронный ресурс]. – URL://www.i-u/biblio/archive /noname_hrestpoinf/3 .aspx (дата обращения 10.06.2020).
9. Миллс Ч.Р. Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе: пер. с англ. / Ч.Р. Миллс // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2014. – № 2 (94) (март-апрель). – С. 112–124.
10. Пороховская Т.И. Ответственность интеллектуалов / Т.И. Пороховская // Ценности и смыслы. – 2017. – № 1. – С. 76–92.
11. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
12. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3–35.
13. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс // Смысл и назначение истории: пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – С. 28–286.
14. French P. Responsibility and the Role of Corporate Entities // Business as a Humanity / Ed. by T.J..Donaldson, R.E. Freeman.: Oxford University Press, 1994. – P. 90–91.
15. Goodpaster K. E. Matthews J. B. Can a corporation have a conscience? // Harvard Business Review. – 1982. – January–February. – P. 132–141.
16. Stahl B.C. Accountability and Reflective Responsibility in Information Systems. In: Zielinski C., Duquenoy P., Kimppa K. (eds) The Information Society: Emerging Landscapes. IFIP International Federation for Information Processing, vol 195. Springer, Boston, MA. – 2006. – P. 51–65.

TRANSFORMATION OF THE «RESPONSIBILITY» CATEGORY IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY

I.V. Tsvetkova¹

Togliatti State University, Togliatti, Russia

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

Abstract. *The article considers the factors that influence the change in the content of the category «responsibility» in post-industrial society. The development of technology increases the ability of individuals to transform their living conditions. Trends in the development of society under the influence of scientific and technological progress are analyzed in the works of Russian and foreign scientists. The formation of a post-industrial society increases the role of collective actors who take an active part in innovative transformations. The development of the company's productive forces increases the risk zone. In these conditions, the importance of individual responsibility will increase, as well as there are prerequisites for the formation of collective responsibility. Collective responsibility implies the formation of new forms of interaction in corporations. The article analyzes the features of reflexive responsibility. They are manifested in the organization of actions to identify stakeholders, in active discussion of possible consequences. Reflexive responsibility is based on communicative rationality.*

Keywords: *post-industrial society, individual responsibility, collective responsibility, reflexive responsibility, social risks, forecasting, modeling.*

¹ TSVETKOVA Irina Viktorovna, doctor of philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е.Б. Шевченко¹

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,

г. Самара, Россия

e-mail: e.b.shevchenko@mail.ru

***Аннотация.** Вопрос территориальности давно перестал быть специализированным, если речь идёт о научных исследованиях последних 10–15 лет. Его осмысление требует междисциплинарного и особого подхода, который сможет предоставить не только экономическую и политическую интерпретацию, но и дифференцировать территориальность с социологической и философской точки зрения. В статье автор рассматривает вышеуказанный объект через призму ретроспективного подхода, отсылающего к истории возникновения территориальности как особой сферы взаимодействия политических акторов. Выдвигается гипотеза о том, что территориальность является фактором, тесно связанным с социокультурными изменениями в аспекте взаимодействия институциональных и институциональных форм геополитической интеграции.*

Ключевые слова: интеграция, геополитика, территория, миропорядок.

Истоки политической территориальности лежат в рамках политической географии ещё со времён Средневековья, где различные государственные образования использовали фактор территорий для выстраивания международных отношений. В данном случае мы имеем в виду (в первую очередь) политический и философский контекст. Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать, как различные научные исследования позволяют внести ясность в понимание такого феномена, как «территориальность», в рамках широко известной традиции рассмотрения политических отношений через призму интеграции.

Для того, чтобы рассматривать вышеуказанный феномен полноценно, необходимо сделать два допущения. Во-первых, в актуальном миропорядке (все еще) доминируют национальные государства. То есть сумму политически значимых явлений можно условно разделить на две группы: те, которые происходят между государствами, и те, что происходят внутри государств. Геополитика и территориальная политика – это соответствующие дисципли-

¹ ШЕВЧЕНКО Екатерина Борисовна, старший преподаватель кафедры «Лингвистика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет».

ны, приверженные академическому изучению взаимосвязи между понятиями «территория» и «власть». Из этого следует, что межправительственные отношения могут относиться как к межнациональным, так и к международным отношениям (или же к межгосударственным процессам) [1]. Во-вторых, существует качественное различие между площадью и территорией. Первая – это поверхность и протяженность, измеряемая с помощью пространственных инструментов, таких как карты. Территория – социально сконструирована и включает в себя границы, которые одновременно являются разрешающими и запрещающими по своей функции. Только человеческое действие (или, как сказали бы философы, воля) может превратить область в территорию. По мнению географа Роберта Сака, «человеческая территориальность – это преднамеренное стратегическое поведение, при котором контроль над территорией осуществляется посредством физического разграничения доступа, несоблюдение которого влечет за собой санкции» [2, с. 137]. Появление территориальных государств можно рассматривать как яркий пример логики территориальности. На это указывают и известные системы международных отношений, в частности Вестфальская, которая проложила путь к дальнейшей территориальной исключительности и увеличению инклюзивности внутриполитические образований. Примечательно, что там, где некогда исчезла Священная Римская империя, ЕС в конечном счете занял центральное место на территориально сходных, но, конечно же, используя уже другие – более развитые демократические принципы. Интересно и то, что принятие решений на уровне Европейского Союза по своей сути является ни «де-», ни «пост-», а «ретерриториализовано», поскольку наднациональный уровень мобилизации экономических и политических ресурсов как раз и является более возвышенной «ареной» общественно-политической деятельности для государств-членов союза. Другими словами, территориальные интересы были просто перемещены на уровень выше – уровень, имеющий институциональный характер. Естественно, логично предполагать, что именно это позволило реализовать потенциал для размещения субгосударственных, местных-региональных, национальных, европейских и других аспектов государственной политики.

В более общем плане возможны различные типы стратегических альянсов между наднациональными, национальными и местными/региональными субъектами в ЕС. Именно эти феномены помогают понять политическую территориальность, акцентируя внимание на многомерности политических систем и тех последствиях, которые важны для изучения территориальной политики. Политическая территориальность сводится к широкой попытке создать, сохранить или изменить политическую власть, контролируя область, тем самым превращая ее в территорию. Эти две квалификации применены здесь к дефинициям, предложенным философом-геополитиком Саком [2], которые можно интерпретировать следующим образом:

а) человеческая территориальность сужается до политической. Политика, как было заявлено выше, действует в рамках системы правил, действующих лиц и политики. Любой другой подход к территориальности – психологический, антропологический, этологический – это неуместно в рамках текущего миропорядка;

б) акцент политической территориальности делается на (политической) власти, то есть на способностях потенциально использовать её для авторитетного влияния на всё общество.

Такой взгляд отсылает нас к истокам данной проблематикой, где традиционно политическая территориальность является феноменом, следующим за распадом Священной Римской Империи, когда различные декларируемые функции (например, гарантированный религиозный мир) уже не могли быть осуществлены на обширной территории [3, 4]. Несмотря на такую тенденцию, следует признать, что существуют и исключения, на что указывает положительная динамика государственной интеграции в рамках политической системы ЕС. Конечно, этот фактор, скорее, является почвой для начала исследовательских изысканий, нежели константой. Данное направление (исследование территориальности) может позволить нам понять, почему построению европейской идентичности препятствуют национальные государства и почему динамика политических партий в рамках политического пространства по-прежнему предсказуема. С точки зрения позиций модерн федерализма, политическая территориальность включает в себя два аспекта, которые должны быть приняты во внимание при анализе политических систем любого масштаба. Итак, рассмотрим каждое из них отдельно.

1. Измерение модели управления (модели власти). Политическая территориальность может быть измерена путем создания «политического тела». Любое разделение государственной власти осуществляется одним из двух способов: она может быть разделена между учреждениями на одном уровне, или она может быть разделена между институтами на разных уровнях. Первую возможность мы называем горизонтальным разделением власти, потому что власть остается на одном уровне (европейском, национальном, региональный или местном) в зависимости от обстоятельств. Вторую возможность мы называем вертикальным разделением власти, потому что здесь власть распределяется между различными уровнями: власть делегируется «вниз» или «вверх». На практике оба метода применяются одновременно; концептуально они разделимы. Та же классификация проводится Маассом, когда он говорит о «столичном разделении власти», подразумевая разделение власти «в столице определенного политического сообщества», в противоположность «площадному разделению власти», обозначающему разделение «между областями или регионами, которые существуют или могут быть созданы в рамках политического сообщества» [5, с. 23]. Однако привычное многим «капитальное разделение

власти» («capital division of power») – это двусмысленный термин, а «территориальное разделение власти», хотя и технически более верное, но всё же имеет тенденцию скрывать тот факт, что, как только власть предоставляется определенным областям, они точно преобразуются в территории сами по себе. С другой стороны, сложно спорить с данным штампом, так как уже плотно используется в рамках академических сообществ.

2. Измерение политического устройства. Как только уровни определены и подтверждены относительно лежащей в их основе лояльности, необходимо рассмотреть вопрос о распределении и ограничении базовых компетенций. Территориальное разделение власти может быть достигнуто путем передачи некоторых функций центральному правительству, других – правительствам штатов или провинций, а третьих – муниципальным и местным органам власти. Общая сумма всех правительственных функций представляется в виде конечного перечня задач, и из этого перечня некоторые функции присваиваются национальному, некоторые – региональному, некоторые – местному, а некоторые – наднациональному уровням. Это сказывается на значимости соответствующего уровня.

Анализ из более отдаленных отраслей политической науки (электоральные исследования, партийная политика и политическое поведение) не включены в данную статью только потому, что они используют территорию в качестве промежуточной переменной. Мы же определяем политическую территориальность как форму стратегического поведения, способную оказывать влияние на два (вышеуказанных) измерения политических систем. С точки зрения социокультурных изменений следует обратить внимание на следующий ряд индикаторов: легитимность правовых документов, которые реализуются на территории государства; ареальная лояльность власти по отношению к обществу; вертикальная и горизонтальная интеграция политических сил; взаимодействие гражданского общества с представителями властных структур в контексте интеграционных процессов.

Безусловно, вышеназванные изменения требуют более детального рассмотрения и данная статья – это первый шаг в данном направлении. Важность изучения территориальных аспектов политики уже давно подчеркивается, что подтверждают всё новые исследования (как в России, так и за её пределами). Мы настаиваем на философском подходе к данной проблематике, так как он создает дисциплинарное единство вокруг ядра территориальной политики, которое допускает множество исследовательских точек зрения в избранном контексте.

Список литературы

1. Демидов А.Г. Территориально-политические системы / А.Г. Демидов // Вестник Воронежского Государственного Университета. – 2011. – № 1. – С. 95–98.

2. Sack R.D. Human Territoriality: Its Theory and History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 256 p.
3. Agnew J. Political Geography / J. Agnew. – London, 1997. – 320 p.
4. Tilly C. The Formation of National States in Western Europe / C. Tilly. – Princeton, 1975. – 711 p.
5. Mann M. The Autonomous Power of the State / M. Mann // European Journal of Sociology. –1984. – № 25. – P. 185–213.
6. Maass A. Division of Powers: An Areal Analysis / A. Maass // Area and Power. A Theory of Local Government. – Glencoe, Illinois.: The Free Press, 1959. – P. 9–26.

SOCIO-CULTURAL CHANGES IN THE CONTEXT POLITICAL TERRITORIALITY AND OF GEOPOLITICAL INTEGRATION

E.B. Shevchenko¹

Samara State Technical University, Samara, Russia

E-mail: e.b.shevchenko@mail.ru

Annotation. *When we are talking about scientific research over the past 10-15 years the issue of territoriality has long ceased to be a specialized one. Its understanding requires an interdisciplinary and special approach that can provide not only economic and political interpretation, but also differentiate territoriality from a sociological and philosophical point of view. In the article the author considers the above-mentioned object through the prism of a retrospective approach, referring to the history of the emergence of territoriality as a special sphere of interaction between political actors. The hypothesis is put forward that territoriality is a factor closely related to socio-cultural changes in the aspect of interaction between institutional and institutional forms of geopolitical integration.*

Keywords: *integration, geopolitics, territory, world order.*

¹ SHEVCHENKO Ekaterina Borisovna, senior lecturer of the Linguistics, Intercultural, Communication and Russian as a Foreign Language Department, Samara state technical University

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 130.3

PHILOSOPHY OF COMMUNICATION IN JAPANESE CULTURE

*M. Nakamura*¹

Osaka University, Japan

e-mail: masamuradin@gmail.com

Annotation. *At the moment, communication is a very important part of human life. However, it is believed that only linguistics and philology really research with such an object as «communication». This is a misconception. In this study, we show how communication changes depending on the context of the activity. In this case, we consider the phenomenon of so-called «scientific cafes».*

Keywords: *communication, philosophy, depending on the subject and the object.*

Most Popular Science Communication Activity in Japan Among those activities, the science café seems to have been the most influential. Science cafés offer an informal forum for public discussion on the latest scientific issues. The concept has been described in the following way by science café organizers in the UK: «*Café Scientifique*1 is a place where, for the price of a cup of coffee or a glass of wine, anyone can come to explore the latest ideas in science and technology». Meetings take place in cafes, bars, restaurants and even theatres, but always outside a traditional academic context. Originally launched in the UK and France around 1997, this concept has gradually spread throughout the world. In May 2007, the Second International Conference on Science Cafés was held in Leeds. Ninety science café organizers from more than 30 countries, including Germany, Italy, Denmark, the USA, Brazil, Latvia, and Japan gathered there. The science café is a product of the contemporary science communication movement. This can be seen in its “dialogue-based” approach. “Science communication” as a newly emerging field differs from traditional approaches in terms of its strong emphasis on the “interactive” and “two-way” communication. In other words, in contrast to traditional initiatives that value the dissemination of scientific knowledge, science communication initiatives emphasize “dialogue” and “two-way communication” between science and the public. Specifically, the focus is not solely on the public merely listening to the scientists; rather, the scientists also listen to the public. From the perspective of this new focus in science communication, the science café is quite symbolic because the “dialogue” between the scientists and the public is

¹ NAKAMURA Masaki, associate professor of science studies at University Center for Education in Liberal Arts and Sciences Osaka University.

highly visible in these situations. In regards to this point, Duncan Dallas, the founder of British science cafés, points out the importance of the “venue” for the science café in the following statement: *A unique characteristic of the Café Scientifique is that changing the venue changes the tone and nature of the discussion. In a lecture theater you expect to be lectured to, in a café-bar you expect to discuss scientific matters on equal terms, and that is what people like.*

As this statement indicates, the science café is certainly an activity that emphasizes a discussion between the scientist and the public with all parties on an equal footing.

In terms of the worldwide development of the science café movement, the Japanese situation is outstanding. After being featured in The White Paper on Science and Technology in 2004, this movement began to attract attention among those interested in bridging the gap between science and the public. In autumn 2004, the first Japanese science café was launched in Kyoto by a non-profit organization (NPO) that specializes in the lifelong learning of everyday citizens. The following year, various science cafés were also launched. The organizers included an NPO that specializes in Biotechnology Communication, a private foundation promoting advanced science and technology, a student NPO, MEXT, local government, national universities, the National Observatory, a bookshop, a motivated individual, and a volunteer group of young STS researchers of which the author is a founding member. In the spring 2006, the Science Council of Japan, the representative body for the Japanese scientific community, organized 21 nationwide science cafés during Science and Technology Week, thereby contributing to the promotion of the science café among the general public. Now, more than 100 organizers are running science cafés on a regular or occasional basis in Japan. Indeed, the number of science cafés has grown quite rapidly in only a couple of years. Japan is definitely one of the countries in which the science café has achieved its greatest success.

Science cafés can be conducted in various ways. In the UK, a scientist is typically invited to give a preliminary talk for about 20 min, followed by a break for drinks. Then, a discussion takes place for approximately 1 h; this has been described as “the interesting part of the evening”. In contrast, French science cafés typically invite three to five guests, each from different disciplines, i.e., sometimes from NGOs or private companies. At the beginning of the event, each guest gives a short self-introduction, usually within a minute, and a discussion among the guests and the public follows. A diversity of vision is emphasized by inviting guests from various fields; this diversity of vision is also supposed to be fostered by the wide range of audience members at British science cafés. In Denmark, they established a “Danish model” for conducting a science café, i.e., valuing the dialogue between science and art.

In contrast, the “Japanese style” of conducting a science café is harder to pinpoint. Most Japanese science cafés invite only one scientist, but some invites

several. Some use PowerPoint presentations, while others do not. The discussion typically involves the entire audience, but some science cafés set up multiple, small table discussions, especially at events with large audiences (i.e., sometimes more than 100 people). Japanese science cafés can perhaps even be defined by such diversity. Nevertheless, despite the diversity, two points seem to be common themes, i.e., a lecture-centered format and an institutional-based scheme.

As previously mentioned, only 20 min are allowed for preliminary talks by the guest in the UK, while only a few minutes are given to the guests at the outset in France. On the other hand, in Japan, the guests are often allowed to give a preliminary talk for more than 30 min, and sometimes, these talks go beyond 1 h. The event seems to be dominated by the talk of the scientist. This lecture-centered format is enhanced by the use of the PowerPoint slide presentation. Its use is basically discouraged in the UK and in France based on the fear that it may foster a speaker–listener relationship rather than foster true dialogue. In contrast, such anxiety is not apparent among most Japanese science café organizers. Indeed, PowerPoint presentations are widely used in Japanese science cafés. Additionally, most science cafés are organized by universities or research institutions as a form of outreach activity. Even though various actors are engaged in the science café movement in Japan, the majority seems to be based in public funded universities and research institutions. In fact, science cafés have grown rapidly in Japan over the last couple of years due to the support of national science and technology policy. As its grassroots basis is frequently emphasized, especially in the UK where motivated individuals and voluntary groups are the main players in the science café movement, the leading role played by Japanese universities and research institutions stands out in the international context. Such an institutionally based or top-down scheme might have some influence on the aim and the orientation of the science café movement; e.g., the lecture-centered format seems to be one of its consequences.

Referring to the lecture-centered format of Japanese science cafés, several explanations for this seem possible. The most plausible account is that scientists are so deeply affected by the traditional lecture-based public communication model that they are simply not accustomed to listening to the public, which is imperative for “mutual” dialogue. Most scientists do not have any experience in public communication and do not know how to participate in “dialogue-based” communication. I have attended many science cafés in which the scientist prepared too many PowerPoint slides in advance and spoke too long at the event. The abundance of information might be an expression of their care for the “ignorant” public, but it dooms the event as a “lecture” held in a café. Nevertheless, this problem might be ameliorated as time goes by and scientists become more accustomed to the café format. Indeed, various attempts have been made to encourage discussion at the event, including limiting the audience to a few dozen

members, introducing group discussion in the event, or taking advantage of ICTs. Many organizers seem to be conscious of this point.

Nevertheless, other problems seem to reside at a deeper level. Even if discussion is given much attention at an event, it does not mean that they overcome the traditional Public Understanding of Science (PUS) approach, which is the slogan of the newly emerged science communication. In other words, even if “interactive” or “two-way” communication is guaranteed at the event, the format of the event can still be a “sophisticated” PUS model. To discuss this point, the underlying models behind “interactive” or “two-way” communication must be examined.

Generally, when “interactive” or “two-way” communication is referred to by the science communication movement in Japan, they seem to have two models in mind. One is an “educational” model and the other is a “co-production” or “mutual learning” model. The latter has been discussed in STS over the last decades, especially in the context of public engagements with science and technology. Criticizing the traditional scientist–public relationship as a “deficit model,” the notions of “local knowledge,” “ingenious knowledge,” or “lay expertise” have been proposed for initiating and enhancing public engagement in science and technology. Public engagement is expected to enrich science communication not only because it guarantees procedural legitimacy in a democratic society but also because it contributes to increasing its epistemic relevance. Scientists have a lot to learn from the public. The advantages of “interactive” communication are thus introduced by its mutual learning process, and the dialogue among scientists and the public ensures the co-production of better outcomes.

However, even though “interactive” or “two-way” communication is appreciated in the science café movement in Japan, its implicit implications seem to be distinguished from the “mutual learning” of scientists and public. That is what we call the sophisticated “educational” model, where interactive communication is utilized, not for mutual learning but rather for improving the public understanding of science. Looking at the trends in school education, based on the aim of compensating for lecture-based teaching, the “interactive” method is utilized to improve the understanding of textbook knowledge. Student engagement, such as discussions or group work, is strongly valued. Yet, as a whole, this discussion does not endanger the position of the teacher because the flow of knowledge is still one-way, that is, always from the teacher to the students. The teachers still always have the “right answer,” and the interactive method is nothing more than a sophisticated educational tool that improves the students' understanding of a given subject. The apparent two-way communication does not necessarily guarantee mutual learning through the process and is compatible with the top-down approach. In most science cafés in Japan, “two-way” communication, even including active discussion, seems to remain in the sophisticated “educational” model, and the intention of fostering “mutual” understanding seems

rare though a few exceptions exist. Actually, the discussion time is seen as providing an opportunity to deepen the understanding of the audience for the given theme in many cases. The scientist's talk, not the discussion, dominates the event; the discussion serves only to complement the talk of the scientist. The abundance of PowerPoint slide presentations might be a representation of such an implicit presupposition. As already mentioned, the scientific community has led the science café movement in recent years in Japan. The current “interactive” or “two-way” communication in Japanese science cafés is thus compatible with the top-down initiative.

References

1. Balling G., & Schuler E. (2004). The science café: Science, art and culture. Denmark: Hovedland.
2. Dallas D. (2006). Café scientifique: Déjà vu. *Cell*, 126, 227–229.
3. Government of Japan. (2006). Science and technology basic plan (provisional translation). <http://www8.cao.go.jp/cstp/english/basic/3rd-Basic-Plan-rev.pdf>.
4. Irwin A., & Wynne B. (1996). *Misunderstanding science? The public reconstruction of science and technology*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Kobayashi T. 小林傳司(2007). *The Age of trans-science: Bridging science, technology and society*. トランス・サイエンスの時代—科学技術と社会をつなぐ. Tokyo: NTT Publishing. 東京: NTT出版.

ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

*М. Накамура*¹

Университет Осаки, Осака, Япония

e-mail: masamuradin@gmail.com

Аннотация. На данный момент общение является очень важной частью человеческой жизни. Однако считается, что только лингвистика и филология действительно исследуют такой объект, как «общение». Это заблуждение. В этом исследовании мы показываем, как меняется общение в зависимости от контекста деятельности. В данном случае мы рассматриваем феномен так называемых «научных кафе».

Ключевые слова: общение, философия в зависимости от субъекта и объекта.

¹ НАКАМУРА Масаки, профессор государственного университета Осаки.

АПОЛОГИЯ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ «ОБ ОРБИТАХ ПЛАНЕТ»

В.В. Костецкий¹

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: kostavictor@yandex.ru

Аннотация. Гегелевская диссертация «Об орбитах планет» обычно рассматривается либо как неудачная попытка умозрительного философа сказать свое слово в астрономии, либо как малозначительные подготовительные материалы к будущей «философии природы». Однако диссертация Гегеля совсем не об астрономии и не совсем о философии природы; она о возможной в будущем «большой физике», основанной на иных принципах, чем традиционная европейская наука. Под предлогом критики ньютоновской «силы всемирного тяготения» Гегель прокладывает путь к «философии духа», ближайшим итогом которого оказались «Феноменология духа» и «Наука логики». Гегелевский вариант трактовки планетарных орбит вне парадигмы европейской науки способствует повышению эвристичности новейших исследований, особенно по части энергоинформационного обмена в природе.

Ключевые слова: Гегель, физика, большая физика, философия природы, Ньютон, Эвдокс, творческий дух, субъект, онтология взгляда, онтология языка.

К 250-летию со дня рождения Г.В.Ф. Гегеля

*«...субъективное видение, выброшенное вовне, является солнцем...»
Г. Гегель («Философия природы»)*

При отрицательном отношении к Гегелю, к его «спекулятивному методу» – а этим хвастаются или грешат многие – гегелевская диссертация «Об орбитах планет» 1801-го г. представляется лакомым кусочком для уничтожения кумира. Анекдотичная ситуация, в которой умозрительный философ предсказывает невозможность существования планеты в определенном месте солнечной системы, что практически опровергается едва ли не в том же году, конечно, бросает тень на Гегеля. Только гегелевская диссертация была совсем не об этом.

При уважительном отношении к «философии природы» Гегеля, которое демонстрирует, например, А.П. Огурцов, смысл гегелевской диссертации

¹ КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института имени И.Е. Репина при Российской академии художеств.

растворяется в позитивных поисках разного рода методологических моментов. Моменты эти сами по себе существенны и достойны отдельного рассмотрения. Однако, трудно согласиться с тем, что «основная идея диссертации заключается в априорном выведении закономерности расстояний между орбитами планет и в критике эмпирического закона Тициуса», как пишет А.П. Огурцов [10, с. 597]. В гегелевской диссертации указанная тематика не является ни основной, ни даже сколько-нибудь существенной. Не случайно априорные «нумерологические закономерности» появляются в конце текста диссертации, причем в качестве «лирического отступления».

Сама по себе диссертация имела формальный характер (для занятия должности доцента), причем защита проходила в приватной дружеской атмосфере (под руководством Ф. Шеллинга). Странным является сам факт выбора темы диссертации: «Об орбитах планет». Принято считать, что тайна гегелевской философии восходит к «Феноменологии духа», но тайна «Феноменологии духа» имела свои предпосылки, а именно: критика современной и успешной физики с точки зрения... Собственно, точка зрения тогда еще не получила своего терминологического выражения, скрываясь за выражением «творческий дух». «Только в том случае, – писалось в «Первой программе немецкого идеализма», – если философия даст идеи, а опыт – данные, мы сможем, наконец, получить большую физику, которую я предвижу в будущем. Современное состояние физики, по-видимому, не может удовлетворить творческий дух...» [3, с. 211]. О какой же «большой физике» мечтал Гегель, да и наступило ли её время к нашему XXI в.?

Формальный повод для диссертации Гегель использовал со всей серьезностью, ему присущей. Поскольку защита диссертации предполагала диспут, то и тема её должна была иметь «турнирный характер», бросать перчатку авторитету. В качестве такого авторитета был избран И. Ньютон, его «математические начала натуральной философии» и, соответственно, «закон всемирного тяготения». Естественно, у И. Ньютона критиков хватало и без Г. Гегеля, например, со стороны Х. Гюйгенса, Г. Лейбница или Л. Эйлера, причем, если первый только сомневался в ньютоновских гипотезах (а творчество Ньютона гипотезами просто фонтанировало, несмотря на знаменитое «гипотез не измышляю»), то последние над ними явно подсмеивались¹.

¹ Л. Эйлер, во многом разделяя ход рассуждений И. Ньютона, тем не менее не видел оснований признавать реальность особых скрытых «сил взаимного притяжения». В частности, он писал: «Итак, по мнению первых /«английских ученых» – В.К./, причина тяготения содержится в самих телах, присуща их природе. Для других эта причина находится вне тел... слово «притяжение» окажется малоподходящим; скорее, уместно было бы сказать, что тела подталкиваются друг к другу. Однако, поскольку результат один и тот же... слово «притяжение» не должно нас смущать, если только это слово не претендует на то, чтобы раскрыть саму природу явления. Чтобы избежать путаницы, которую может вызвать неудачное применение слова, следовало бы говорить, что все тела в мире движутся одно к другому так, как если бы они взаимно притягивались друг к другу» [15, с. 142].

Конечно, И. Ньютон прекрасно осознавал, например, недоказуемость и непроверяемость собственного утверждения о том, что тело, предоставленное самому себе, будет покоиться или двигаться до бесконечности с одной скоростью по прямой линии. Без этой аксиомы, выдаваемой за «закон природы», нельзя сформулировать понятие механической «силы» (именно механической). Однако, не трудно представить себе негодование Г. Гегеля при чтении подобного рода утверждений. Для Гегеля с его интуицией «дурной бесконечности» и «перехода количественных изменений в качественные» тезисы И. Ньютона, выставяемые в качестве то ли аксиом, то ли законов, то ли вспомогательных средств вычислений, служили подходящим поводом для философско-логической критики.

И. Ньютон, как известно, долго не публиковал «закон всемирного тяготения», и дело было не только в излишней скромности – скорее, наоборот. Ньютон не мог определиться с тем, является ли он сам только «вычислителем», способным таблицы наблюдений превращать в формулы вычислений, или «физиком», способным понимать природу. Пикантность подобного рода сомнений усугублялась фантомами античной «физики», особенно по части вопроса об орбитах планет («блуждающих звезд»). Ньютону со студенческих лет был знаком трактат Аристотеля «О небе» (этот трактат входил в учебную программу), в котором для объяснения блуждающих траекторий планет на хронологической карте звездного неба использовалась математическая модель платоновского слушателя Эвдокса. Суть модели Эвдокса сводилась к тому, что Земля существует внутри особых «сфер» (идея идет от Пифагора), к которым прикреплены звезды и светила (включая Солнце и Луну), причем сферы вращаются вокруг Земли с разной скоростью и под разными углами наклона осей вращения. В таком случае при надлежащем подборе числа сфер, их скоростей вращения и углов наклона осей можно описать любое криволинейное движение «блуждающих звезд» на карте звездного неба. По вычислениям Эвдокса, для точных расчетов положения всех планет на небе в любой момент времени достаточно двадцати семи сфер. Как отмечает И.Д. Рожанский, «ученик Эвдокса Калипп усовершенствовал эту систему, добавив по две сферы для Солнца и Луны и по одной для каждой из планет; таким образом у Калиппа было уже 36 сфер» [11, с. 230]. Античность верила в «сферы» едва ли не тысячу лет, И. Ньютон – уже нет. Но двадцать семь сфер, предложенные Евдоксом для математического описания положения планет на ночном небе, для практики прогнозов давали прекрасный резуль-

Г. Лейбниц в памфлете «Против варварства в физике за реальную философию...» писал: «Те, кто показал, что, предположив взаимное тяготение планет, можно объяснить законы их обращения, совершили великое дело, хотя и не раскрыли сущность тяготения. Но если кто, злоупотребляя этим прекрасным открытием, станет утверждать, что дано уже достаточное объяснение... то впадет в физический варваризм...» [6, с. 351].

тат. С этого момента начинаются расхождения в европейской науке между математикой и физикой: математика вычисляет правильно даже при произвольных построениях относительно реальной физики. «Закон всемирного тяготения» не стал исключением, поскольку уже для его автора он был «другим вариантом Эвдокса»: вместо множества «сфер» появилась одна особая «сила» (воображаемая «сила тяготения»). В её реальности и сомневался И. Ньютон, не публикуя великий «закон природы» (или «закон вычисления»?).

Г. Гегель, приступая к своей диссертации, был полностью уверен в том, что «сила всемирного тяготения» является вспомогательным построением для вычислений в области астрономии, совершенно аналогичным, например, построениям Эвдокса с его двадцатью семью сферами. Вникая в проблемы физических расчетов, Г. Гегель без особого труда обнаруживает в рассуждениях И. Ньютона ложные аналогии, в результате которых И. Ньютон проводит параллель между силами при раскручивании человеком груза на веревке, с одной стороны, и вращением планет вокруг Солнца, с другой стороны. При вращении груза на веревке (обращение к бытовым примерам для Ньютона типично) возникает центробежная сила, которая требует компенсации за счет усилий человека. Если вращать груз долго, то, очевидно, человек начнет уставать. В случае с орбитами планет ситуация иная: совсем не факт, что Солнце тратит свою силу на движение планет по их орбитам и «устает» их удерживать. Это тот самый случай, который в истории физики повторился два столетия спустя, когда возникла необходимость признать возможность «стационарной орбиты» при построении модели атомов. На «стационарной орбите» движение электронов вокруг ядра является «естественным», как бесконечное движение по кругу у Аристотеля¹. В атомной физике никто не вычисляет «центробежные» и «центростремительные» силы – таких там просто нет, тем более на «стационарной орбите».

Вздорность ньютоновской аналогии между движением планет вокруг Солнца и раскручиванием груза на веревке отнюдь не требовала от Гегеля знания не существующей еще атомной физики, не требовала даже особых прозрений. Так, уже детские игрушки типа вращающегося волчка демонстрировали тот эмпирический факт, что раскрученный волчок не требует постоянного приложения силы для сохранения скорости вращения, поскольку он останавливается исключительно под действием силы трения, без которой

¹ Так называемый «первый закон Ньютона» сформулирован в прямой оппозиции Аристотелю, что вообще было характерным для Ньютона и ученых того времени. Аристотель писал: «А если имеет место единое /движение/, оно не может быть бесконечным во времени – за исключением одного, а именно перемещения по кругу» [1, с. 204]. Более того, именно равномерное движение по кругу позволяет измерять время (оборотами): «...равномерное круговое движение есть мера по преимуществу... От того и время кажется движением небесной сферы, что этим движением измеряются прочие движения и время измеряется им же» [1, с. 158].

вращение было бы сколь угодно долгим. При вращении «абсолютно твердого тела» в форме диска (таковы по форме детские игрушки типа «волчок» или «юла») центробежные силы, возникающие симметрично относительно центра вращения, взаимно уравниваются друг друга, от чего существование центростремительной силы, «исходящей из центра», уже не требуется. Эта простая аналогия с детской игрушкой позволяет ставить вопрос о физике орбит иначе: не является ли, например, орбита планеты не воображаемой траекторией, а «абсолютно твердым телом» (в форме кольца или диска) с точки зрения какого-либо реального «наблюдателя», а не звездочета с картой звездного неба. Никого же не удивляет, что движущаяся точка может образовывать линию, а движущаяся линия – плоскость.

Собственно, Гегелю не было необходимости развивать физические концепции, поскольку аналогии с орбитами планет могут носить даже эстетический характер: из того факта, что зрители кругами ходят вокруг статуи, совсем не следует, что между ними и статуей существует «сила всемирного тяготения». Не случайно еще в «Первой программе немецкого идеализма», подготовленной то ли Гегелем, то ли при его соавторстве, были такие строки: «...высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический... Люди, лишённые эстетического чувства, а таковы наши философы, – буквыеды» [3, с. 212]. При «научном сектанстве» (У. Джеймс) физика не сопрягается с эстетикой, между тем гуманитарии в натурфилософии тоже могут настаивать на своем: «Есть, однако, в природе признаки, – писал Д.С. Лихачев, – указывающие на существование внеприродного и внечеловеческого сознания...» [7, с. 13], поскольку «искусство существовало до человека, оно есть в природе» [7, с. 24].

Жанр диссертации не требовал от автора позитивного изложения собственных взглядов, достаточно было и критики. Тем не менее, Гегель делает позитивное заявление: «...Стало быть, не так обстоит дело, что планеты мчались сперва по прямой линии в бесконечном пространстве. А потом, случайно приблизившись к Солнцу, подпали под его власть и были насильственно переведены на круговые орбиты, и не гипотетическая центробежная сила удерживает их на определенном расстоянии от Солнца, но, образуя вместе с Солнцем единую изначальную систему, они и соединены с ним, и отделены от него истинной силой внутренней связи» [3, с. 255]. Характер этой «внутренней связи» Гегель не уточняет осознанно: она может быть и физической (как внутри жесткого вращающегося диска), и органической (как единая биосистема), и эстетической и вообще какой угодно, хоть брачной или религиозной. Поскольку Ньютон исключает все возможности, кроме аналогичной вращению груза на веревке, постольку Гегель имеет право возмущаться скудостью этой мысли: «...А толпу учение Ньютона о силе тяжести пленило не столько тем, что открыло причины круговращения небесных тел во всеоб-

щей мировой силе, единство которой утверждали Кеплер и другие мыслители, сколько тем, что оно отождествило эту причину с той обыденной силой, которая вызывает на земле падение камней. Уверившись в этом, особенно благодаря жалкому анекдоту о том, как Ньютон увидел падающее яблоко, толпа стала без страха взирать на небо...» [3, с. 252].

До Ньютона такие абстрактные понятия, как «сила» и «энергия» не имели исключительно физического значения; они сохраняли характер метафоричности. Собственно, и начало их терминологического использования связано с развитием религиозных идей, в частности христианства. Древнегреческое слово «энергия» (от «эн эргон» – в действии) изначально употреблялось в смысле «значительности» (допустим, важной персоны), влияющей этой самой значительностью (допустим, на менее важных персон). Невидимое влияние и рассматривалось как действие «силы». То есть «сила» реальна, но она «беспредметна», «нефизична», «ненатуральна». Если от ранней теософии природы перейти к соответствующим современным примерам, то типичным явлением «силы» будет феномен светофора. Так, красный сигнал светофора останавливает автомобиль любой мощности, любое количество автомобилей, любой «транспортный поток». Аналогичным образом, зеленый сигнал светофора приводит в движение любые «транспортные средства» и в любом их количестве. В этом смысле и дорога обладает силой, вынуждая двигаться именно по ней. Понятие силы изначально имело широкое значение: у Аристотеля цель обладает силой, а есть еще «сила обстоятельств», и «сила в правде», и «сила духа». По мнению Гегеля, реальная физика должна учитывать реальные «силы», а не только те, что рассчитываются по ускорению и амбивалентной «массе». В связи с этим и появляется у Гегеля идея «большой физики».

Диссертация Г. Гегеля «Об орбитах планет» имела, по сути, служебный характер и предназначалась для узкого круга лиц во главе с проф. Ф. Шеллингом, его другом. И подготовлена она была задолго до «Феноменологии духа» или, тем более, «Науки логики». Однако в этой диссертации уже «весь Гегель». В ней нет никакого платонизма, но задана явно проаристотелевская ориентация, которой сознательно чуждался Ньютон. На принципиальный аристотелизм гегелевской философии обращал внимание М. Хайдеггер: «Как Гегель расценивает аристотелевскую философию в целом, он показывает в следующей фразе: «Если братья за философию всерьёз, то не будет ничего более достойного, чем читать курс об Аристотеле» [12, с. 387]. Именно у Аристотеля был тезис о том, что «целое предшествует своим частям», высказанном в его трактате «О частях животных», которое фактически повторяется Гегелем по отношению к солнечной системе. Солнце с планетами есть единое целое, – утверждает Гегель, – поэтому планеты вращаются не благодаря «центростремительной силе» Солнца и «центробежным силам» планет, а благодаря совершенно иным «светофорам»

их взаимодействия в рамках одной целостности. По Гегелю, нет никаких оснований сводить солнечную систему к набору из Солнца и планет, игнорируя возможность спекулятивных отношений между ними ради, например, каких-то «целей природы».

Критика ньютоновского способа мышления имела для Гегеля символическое значение. Концентрированным выражением этого мышления было излюбленное физиками разложение сил «методом параллелограмма», благодаря которому у Ньютона и появилась «сила всемирного тяготения»¹. Уже в опытах Г. Галилея с катанием шаров по наклонной плоскости возникает прецедент замены физической силы (тяжести) вектором силы вдоль наклонной плоскости. С математической точки зрения катящийся по наклонной плоскости шар движется в двух направлениях: по радиусу Земли к её центру и по касательной к ней (то есть «горизонтально»). Но с той же математической точки зрения можно утверждать, что вектор силы вдоль наклонной плоскости, приложенный к скатывающему шару, можно разлагать на любые, сколь угодно произвольные, составляющие: и по радиусу Земли, и по хорде, и даже по движению вверх (ортогонально к наклонной плоскости). Можно даже придумать и ввести в оборот существование особой «силы наклонной плоскости», причем разной в зависимости от угла наклона². Для вычислений такая сила будет реальной, но для понимания физики реальной силой будет только тяжесть; действие наклонной плоскости по смещению падающего тела уже не будет физической силой, а только «рефлексом» всё той же силы тяжести. Для Ньютона движение планеты по орбите абсолютно аналогично скатыванию тела по наклонной плоскости; соответственно, планета, двигаясь по орбите, вроде как «падает» к её центру и несется по касательной к ней. Именно против такого способа рассуждений, основанного на векторном разложении сил (произвольным образом) с последующим смешением математического и физического, протестует Гегель.

¹ Введенное Ньютоном понятие «центростремительная сила» [9, с. 26] имеет два разных контекста: чувственно-физический (вращение груза на веревке, магнетизм) и механико-геометрический (правило параллелограмма при разложении вектора силы на составляющие; типичный случай связан с объяснением «вбивания клина»). Двойственное понимание «центростремительной силы» неоднозначно сказывается на её частном случае в виде «силы всемирного тяготения», благодаря чему Ньютон и верил в её реальность, и не верил (от чего и возникали насмешки со стороны его великих современников). Так, заканчивая свои «Начала», на одной и той же странице Ньютон пишет: «Причину же этих свойств силы тяготения я до сих пор не мог вывести из явлений, гипотез же я не измышляю», а далее: «Довольно того, что тяготение на самом деле существует...» [9, с. 662].

² По поводу введения произвольных «сил», якобы всё объясняющих, шутил еще Ф. Рабле, рассказывая о «побудительной силе вина» и «силе, притягивающей к сыру» [4, с. 63].

В рамках «философии природы» вопрос об орбитах планет имел определенный контекст, связанный с качественным изменением физических процессов при смене их масштаба. Современники восторгались Ньютоном не только благодаря его удивительным геометрико-вычислительным способностям, но и тем, что он объявил об универсальности законов физики. То есть опыты на Земле можно экстраполировать на весь универсум, причем эта экстраполяция якобы не будет гипотетичною. Тот факт, что при подобной методологии логика и опыт явно вытесняются бытовыми аналогиями, сторонники Ньютона предпочитали не замечать. В своей диссертации «Об орбитах планет» Гегель выступает прежде всего против абстрактного, фамильярного по сути, понимания тех или иных «законов природы», вне конкретных масштабов и ситуаций. В этом смысле ситуация с «орбитами планет» конкретно отличается от «вращения груза на веревке», так что нужны другие аналогии и оригинальные гипотезы. В этом контексте вполне допустимо говорить о том, что с физической точки зрения (а не с математической) планеты могут двигаться по своим орбитам, например, точно так же, как поезд мчится по своим рельсам – без всякого «свободного падения тел». Для Ньютона подобная аналогия невозможна по той причине, что пространство в его понимании есть пустота; соответственно, орбита планеты не может быть «твердым телом» («рельсами»). Для Гегеля «натурфилософия» Ньютона – на грани ювенального мышления; в конце концов, замечу, орбита планеты может быть пустотой в смысле туннеля в твердом теле (вообще-то так устроен любой каменный дом, в котором роль «рельсов» играют коридоры). Когда современные физики вдруг открывают для себя «темную материю», то это значит только то, что пространство – не только не пустота, но, напротив, «абсолютно твердое тело» коридорного типа с бесчисленными турникетами или светофорами. Этим, собственно, и обусловлена «дискретность» пространства при наличии «протяженности», равно как и конечность скорости света. Естественно, что «абсолютно твердое тело» пространства обусловлено не субстанцией эфира или «строением вещества», а системой запретов, от чего в «Первой программе немецкого идеализма» и появляется мысль об этике в природе. «Здесь я снизойду – пишет автор, – в область физики; вопрос состоит в следующем: какова структура мира как моральной сущности? Мне бы хотелось снова придать крылья нашей медленно шагающей и старательно экспериментирующей физике» [3, с. 211].

От гегелевской диссертации «Об орбитах планет» до «Феноменологии духа» прошло почти пять лет, до «Науки логики» – десять. Тайну гегелевской философии нельзя сводить только к «Феноменологии духа», поскольку в диссертации «Об орбитах планет» Гегель встал на исходные позиции своей философии уже тем, что не пошел по проторенному пути, заботливо предуготовленным ему Ф. Шеллингом. Для диссертации вполне достаточно было бы говорить о притяжении, отталкивании, магнетизме или вообще свернуть на тему соотношения науки и религии, к которой Гегель был подготовлен.

Но Гегель берет в качестве предмета обсуждения «параллелограмм сил» в физике – абсолютную догму физиков вплоть до сегодняшнего дня, усиливает для себя сопротивление этой догмы в лице авторитета Ньютона и выводит разговор на тему оригинальности мышления в противоположность фамильярному обращению с ним в форме предписываемых природе «законов». Тем самым поле деятельности для феноменологии духа и новой логики оказывается расчищенным.

Возможно, что диссертация Гегеля подспудно имела тот смысл, который ранее прозвучал в тезисе о возможности в будущем «большой физики». В таком случае уместным было бы присмотреться к тому, что Гегель понимал под «большой физикой» и почему современная ему физика при всем блеске экспериментов и открытий оставалась, соответственно, «малой физикой». Наивным было бы полагать, что за прошедшие после Гегеля два столетия физика стала «большой»: нет, она точно так же не удовлетворяет «творческий дух» и в этом смысле остается всего лишь «малой физикой».

«Большая физика будущего», о которой зашла речь, предполагала отказ от привычной без-субъектности природы, начиная от молекул-атомов и кончая планетами-звездами. Субъектность общения предполагает возможность символического общения, «информационного». В природных взаимодействиях есть свои «светофоры» и «красные линии», действие которых определяется их символическими значениями, «этосом», «информацией». Когда физика всё взаимодействие в природе сводит к «силам», она неизбежно остается «малой физикой» – малой по своему разумению. У «большой физики» должен появиться другой язык – не пропорций и функций, таблиц и диаграмм, а язык видения вещами друг друга, язык «онтологии взгляда» [5, с. 130–139], язык «онтологии языка». Собственно, гегелевское философское развитие и шло в этом направлении: как «философия духа» на пути к «большой физике», - и к «большой науке», и к «большому искусству», и к «большой религии».

Разница между текущим состоянием физики и будущей «большой физикой», соответственно, между текущим состоянием науки и «большой наукой» отнюдь не сводится к «смене парадигм» Т. Куна. Масштаб любой парадигмы носит локальный характер; так, например, переход от физики к химии или от Ветхого Завета к Новому Завету уже не есть смена парадигмы. При смене парадигмы сдвигается устоявшаяся система понятий, но Гегель имеет в виду изменение духа науки, а дух европейской науки не меняется со времен Галилея: это опыт плюс математика, соединяемые друг с другом исключительно посредством шкалы приборов. В этой триаде: опыт-прибор-математика, - нет места ни искусству, ни религии, ни личности, ни «вызову-ответу» истории. В течение пяти столетий этого было достаточно, это было успешным и «прогрессивным». Но Гегеля смущает застой духа в «прогессе» отдельно взятого элемента общества, живущего своей жизнью. Интуиция Гегеля бежит прочь от застоя духа, что спустя столетие тоже ярко переживается такими разными мыслителями как, например, М. Хайдеггер и О. Шпенглер.

Хайдеггер, размышляя о «пути к языку», отворачивается от современной «лингвистики». «Сказывание» как феномен, с которого начинается понимание языка, Хайдеггер сводит к «казу», показу – обращению к взгляду. Язык существует как организация взглядов, а не знаков, – к чему традиционно склоняется лингвистика. Причем взгляд не сводится к жестам, знакам, сигналам, – об этом смелее Хайдеггера писал М. Мерло-Понти: «Видение – это не один из модусов мышления или наличного бытия «для себя»: это данная мне способность быть вне самого себя...и моё «я» завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода во вне» [8, с. 51]. Именно по этой причине, а не по какой-либо другой, «...путь к языку как языку – утверждает Хайдеггер, – длиннейший из всех, какие можно помыслить» [12, с. 259]. Не случайно на вопрос корреспондента: «Как Вы понимаете взаимоотношение философии и науки?» Хайдеггер ответил очень резко. «Это очень трудный вопрос, – начал он, – наука распространяет сейчас свою власть на всю Землю. Но наука не мыслит, поскольку её путь и её средства таковы, что она не может мыслить...только тогда, когда признают, что науку и мысль разделяет пропасть – их взаимоотношение станет подлинным» [13, с. 150]. В качестве хорошей иллюстрации к тезису Хайдеггера можно привести слова Гегеля, вынесенные в эпиграф: «...субъективное видение, выброшенное вовне, является солнцем» [3, с. 42]. Для «научного сектантства» сама конструкция этой мысли остается недоступной. Между тем, уже аристотелевский подтекст этой фразы наводит на мысль о том, что свет существует не для того, чтобы светить, а для того, чтобы видеть (и речь идет не о человеке и вообще не о живых существах).

О. Шпенглер текущему состоянию науки в форме «систематики» противопоставляет будущее развитие как путь к «физиогномике». «Систематический способ рассмотрения мира в течение истекшего столетия, – пишет Шпенглер, – достиг на Западе своей вершины и перешагнул её. Физиогномическому еще предстоит пережить свое великое время. Через сто лет все науки, возможные на этой почве, станут фрагментами единственной колоссальной физиогномики всего человеческого» [14, с. 257].

Гегелевская диссертация об орбитах планет была, можно сказать, совсем не об астрономии; она была тем крохотным семенем, из которого произрастала большая философия, начиная с самого Гегеля и кончая той устремленностью в будущее, в которой до сих пор отмечено совсем немного имен.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Аристотель. – М.: Мысль, 1981 (Aristotle. Essays in 4 volumes. Vol. 3 / Aristotle. – Moscow: Thought, 1981).
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 2 / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1975 (Hegel G. Encyclopedia of philosophical Sciences. Vol. 2 / G. Hegel. – Moscow: Thought, 1975).

3. Гегель Г. Работы разных лет в 2 томах. Т. 1 / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1972 (Hegel G. Works of different years in 2 volumes. Vol. 1 / G. Hegel. – Moscow: Thought, 1972).
4. Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон. Силуэт на фоне эпохи / И.С. Дмитриев. – СПб.: Алетейя, 1999 (Dmitriev I.S. Unknown Newton. Silhouette against the background of the era / I.S. Dmitriev. – Saint Petersburg: Aleteia, 1999).
5. Костецкий В.В. Онтология взгляда – путь к новой онтологии мира / В.В. Костецкий // Парадигма. – Вып. 7. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 130–139 (Kostetsky V.V. Ontology of view-the way to a new ontology of the world / V.V. Kostetsky // Paradigm. – Vol. 7. – St. Petersburg: St. Petersburg state University, 2007. – P. 130–139).
6. Лейбниц Г. Сочинения: в 4 томах. Т. 1 / Г. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982 (Leibniz G. Works in 4 volumes. Vol. 1. / G. Leibniz. – Moscow: Thought, 1982).
7. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – СПб., 1996. (Likhachev D.S. Essays on the philosophy of artistic creativity / D.S. Likhachev. – St. Petersburg, 1996).
8. Мерло-Понти М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – М., 1992. (Merlo-Ponti 1992-Merlo-Ponti M. Eye and spirit. Moscow, 1992).
9. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М.: Наука, 1989 (Newton I. Mathematical principles of natural philosophy / I. Newton. – Moscow: Nauka, 1989).
10. Огурцов А.П. «Философия природы» Гегеля и её место в истории философии науки / А.П. Огурцов // Г. Гегель Энциклопедия философских наук. – Т. 2. Философия природы. – М.: Мысль, 1975 (Ogurtsov A.P. Hegel's «Philosophy of nature» and its place in the history of philosophy of science / A.P. Ogurtsov // G. Hegel. Encyclopedia of philosophical Sciences. – Vol. 2. Philosophy of nature. – Moscow: Thought, 1975).
11. Рожанский И.Д. Древнегреческая наука / И.Д. Рожанский // Очерки естественно-научных знаний в древности. – М.: Наука, 1982 (Rozhansky I.D. Ancient Greek science / Rozhansky I.D. // Essays on natural science in ancient times. – Moscow: Nauka, 1982).
12. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М., 1993. (Heidegger M. Time and being. Articles and speeches / M. Heidegger. – Moscow, 1993).
13. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / Хайдеггер М. – М.: Высшая школа, 1991 (Heidegger M. Conversation on a country road / M. Heidegger. – Moscow: Higher school, 1991).
14. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1 / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993 (Spengler O. Sunset of Europe / O. Spengler. Vol. 1. – Moscow: Thought, 1993).
15. Эйлер Л. Письма к немецкой принцессе о разных физических и философских материях / Л. Эйлер. – СПб.: Наука, 2002 (Euler L. Letters to the German Princess about different physical and philosophical matters / L. Euler. – Saint Petersburg: Nauka, 2002).

APOLOGY OF THE HEGELIAN DISSERTATION «ON THE ORBITS OF THE PLANETS»

V. Kostetckii¹

*St. Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I. E. Repin at the Russian Academy of arts, St. Petersburg, Russia
E-mail: kostavictor@yandex.ru*

Annotation. *Hegel's dissertation «On the orbits of planets» is usually considered either as an unsuccessful attempt by a speculative philosopher to have a say in astronomy, or as insignificant preparatory materials for a future «philosophy of nature». However, Hegel's article is not at all about astronomy or the philosophy of nature; it is about a possible future «big physics» based on principles other than traditional European science. Under the pretext of criticizing Newton's «force of universal gravitation», Hegel paves the way for a «philosophy of spirit», the closest result of which was «Phenomenology of spirit» and «Science of logic». The Hegelian version of the interpretation of planetary orbits outside the paradigm of European science helps to increase the heuristics of the modern research, especially in terms of energy-information exchange in nature.*

Keywords: *Hegel, physics, big physics, philosophy of nature, Newton, Eudoxus, creative spirit, subject, ontology of view, ontology of language.*

¹ KOSTETCKII Victor, doctor of philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of arts.

НИЦШЕ И ХРИСТИАНСТВО: АПОФАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В СВЕТЕ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕТАФИЗИКИ*

В.Т. Фаритов¹

Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск, Россия
E-mail: vfar@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является отношение философии Ф. Ницше с христианством в контексте кризиса европейской метафизики. Проблема состоит в том, что предложенная Ницше критика христианства затрагивает преимущественно его западные формы. В статье предпринимается попытка анализа концептуальных разработок Ф. Ницше в перспективе православной версии христианства. Осуществляется сопоставительный анализ антиметафизических тенденций философии Ницше с апофатическим богословием Восточной Церкви. Опираясь на работы таких современных авторов, как Х. Яннарас, Дж. Агамбен и Р. Сафрански, автор делает вывод о тенденции поворота к христианству в исследовании и рецепции философского наследия Ницше. В статье используются методологические принципы и установки историко-философского исследования, в частности метод историко-философской реконструкции, методы философской компаративистики. Основным выводом проведенного исследования является тезис об апофатическом характере философии религии Ф. Ницше. Автор обосновывает положение, что Ницше, выступая критиком западных форм христианства и европейской метафизики, приходит не к атеизму, но к апофатическому пониманию Бога, близкому к святоотеческому наследию Восточной Церкви.

Ключевые слова: Ницше, христианство, апофатизм, метафизика, маргинальность, юродство, православие, русская религиозная философия, богословие, Бог

Философское наследие Ф. Ницше без преувеличения представляет собой переломный момент в истории развития философской мысли и культуры в целом. Ницше предвосхитил и осмыслил основные события в духовной и социальной жизни прошедшего и настоящего столетий: кризис культуры, падение высших ценностей, появление массовой культуры, борьбу за мировое господство. Прямое и косвенное влияние концептуальных разработок мыслителя прослеживается в основополагающих направлениях неклассической фи-

¹ ФАРИТОВ Вячеслав Тависович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

лософии: философии жизни, экзистенциализме, психоанализе, прагматизме, неопозитивизме, постструктурализме. Воздействие Ницше распространяется и за пределом философских теорий, налагая свою печать на художественную литературу, кинематограф, музыку, живопись. Творчество Ницше привлекает внимание не только философов, но и литературоведов, культурологов, социологов, политологов. Колоссальная многогранность философского наследия Ницше служит источником не иссякающего исследовательского интереса к его учению. Количество академических исследований различных аспектов философии Ницше стремительно растет. Отношение Ницше к христианству является одним из таких значимых аспектов, привлекающих внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [1, 2]. Вместе с тем, при наличии большого числа работ по данной тематике констатировать исчерпанность проблемы «Ницше и христианство» на сегодняшний день не представляется возможным. Существующие исследования по теме обнаруживают достаточно большое разнообразие трактовок и подходов, принципиальные расхождения в оценках и осмыслении тех или иных вопросов, касающихся данной проблемы. Перед учеными, занимающимися историей философии, стоят задачи систематизации существующих разработок по данной теме и поиска интегрирующих принципов и подходов.

Обобщая более чем столетний опыт исследования и интерпретации наследия Ницше, можно отметить, что тенденция представления философа в качестве воинствующего атеиста, богохульника, или неистовствующего язычника, «дионисийского философа» представляется все менее обоснованной и менее заслуживающей внимания. По крайней мере, после выхода хрестоматийной работы К. Ясперса [3], отношение Ницше к христианству уже не может не восприниматься как сложное и неоднозначное. Вместе с тем, все еще встречается достаточно упрощенный подход, утверждающий, что Ницше принимал Христа, но критиковал «историческое христианство» [4]. Подобный подход не учитывает, с одной стороны, специфику ницшевского философствования, а с другой стороны, историко-философский контекст становления идей немецкого философа. Наконец, в рамках проблемы «Ницше и христианство» выделяется еще одна, характеризующееся значительно меньшей степенью исследованности проблема – «Ницше и православие», на которой мы также сосредоточим внимание в настоящей работе.

1. Ницше и православие в свете кризиса европейской метафизики

Вопрос об отношении философии Ницше к православию не является таким новым, как может показаться на первый взгляд. Уже в 1913 г. тема эта была затронута С.М. Соловьевым в статье «Эллинизм и Церковь». Автор выдвигает следующий тезис: «Полемика Ницше съ христианствомъ была направлена не столько противъ самаго христианства, сколько противъ тѣхъ

его формъ, съ которыми онъ былъ знакомъ непосредственно: противъ католичества и протестанства» [5]. Логика рассуждений С.М. Соловьева такова: Ницше критикует выродившиеся, изжившие себя формы христианства, те формы, которые являются продуктом отклонения от первоначальных импульсов вероучения. В этом плане Ницше-критик христианства оказывается в большей степени подлинным христианином, нежели те, кто объявляет себя сторонником христианства в современной философу Европе. С точки зрения Ницше современные западные христиане – это убийцы Бога, которые еще не знают, что Бог мертв, что они сами его убили [6, с. 439–440]. В поисках живого Бога Ницше обращается к античности. В греческом мифе он находил больше живой религиозности, чем в современных ему формах христианства. Однако, согласно С.М. Соловьеву, ошибка Ницше заключалась в том, что он противопоставил эту греческую религиозность христианству как таковому. Будучи знаком только с западной линией христианского вероучения, Ницше находил здесь уклонение от подлинного религиозного опыта, его выхолащивание и превращение в мертвую рассудочную абстракцию. Истоки этого упадка философ (вполне справедливо и обоснованно) обнаруживал уже в учениях Сократа и Платона. Но Ницше был в корне не прав, сводя все христианство к платонизму. Если бы ему была достаточно хорошо известна православная традиция, он бы увидел здесь нечто совершенно иное. А именно: «Павель, проповѣдывавшій Христа распятаго, былъ въ извѣстномъ смыслѣ болѣе эллинъ, чѣмъ тѣ скептики и академики, которые смѣялись надъ его словами. Религія страдающаго Бога и участіе въ мистеріяхъ, раскрывающихъ тайны гроба и дающихъ участникамъ обѣтованіе безсмертія, что религія Элевсина и аттической трагедіи была самымъ пышнымъ цвѣткомъ эллинской культуры. Платонъ, въ своей враждѣ съ родной религіей во имя односторонняго идеализма своей философіи, отошелъ отъ духа своего народа, какъ вѣрно это замѣтилъ Ницше. Его осужденіе Гомера, недостаточное пониманіе религиознаго значенія его поэмъ, вся эта полемика противъ боговъ, начатая Ксенофаномъ, подрывая корни эллинской религіи, подрываетъ корни у всякой религіи вообще, и напрасно нѣкоторые апологеты и отцы церкви пользовались сатирой греческихъ философовъ для надруганія надъ античной религіей и мифомъ» [5]. По мнению С.М. Соловьева, подлинный дух эллинской культуры получил свое воплощение в религиозном учении греческого Востока, в православии. Не имевший этого опыта Ницше был устремлен в это направление в большей степени интуитивно, нежели сознательно. Этим объясняется его интерес и тяготение к русской культуре, воспринявшей, в отличие от Запада, наследие греческого Востока: «Но не даромъ взоры Ницше обращались къ Россіи, не даромъ прислушивался онъ къ рѣчамъ Достоевскаго. Въ Достоевскомъ могъ онъ найти пониманіе своей философіи сверхчеловѣчества, глубокое переживаніе этой философіи и свободное, а не извнѣ навязываемое моралью отрицаніе ея» [5].

Такова позиция С.М. Соловьева. Близкие взгляды на вопрос об отношении Ницше к христианству мы находим у современного греческого православного богослова и философа Х. Яннараса. Автор формулирует парадоксальное, на первый взгляд, утверждение: «проповедь Ницше выражает более божественное понимание Бога по сравнению с умственными идолами теистской метафизики» [7, с. 23]. Философ, опубликовавший «Проклятие христианству», оказывается – ни много ни мало – выразителем «более божественного понимания Бога». Подобное утверждение становится возможным при условии, что понимание Бога европейской теологией и метафизикой будет представлено в качестве «менее божественного». Согласно Х. Яннарасу, «смерть Бога» является не личным постулатом воинствующего атеиста Ницше, но закономерным и неизбежным продуктом развития европейской метафизики. Избранное западным богословием направление уже изначально содержало в себе в качестве потенции событие смерти Бога: «Уже со времени каролингского «возрождения» IX в., но главным образом в связи с радикальным отчуждением аристотелевской теории познания в схоластике европейская метафизика строится на предпосылке существования Бога. В то же время она постепенно изолирует божественное присутствие от мира. Бог отождествляется с интеллектуальным понятием безличной и абстрактной «первопричины» мира (*causa prima*) или абсолютного «авторитета» в этике (*principium auctoritatis*). В обоих случаях существование Бога есть интеллектуальная необходимость, подкреплённая доказательной аргументацией, но лишённая связи с историческим опытом и экзистенциальными перипетиями человеческой жизни» [7, с. 5]. Католицизм изначально движется по пути рационализации, односторонней интеллектуализации Бога. Путь этот превращает Бога в мертвую абстракцию первопричины мироздания. В философском лексиконе Хайдеггера эта ситуация будет описываться под рубрикой отождествления бытия с сущим. Начиная со схоластики, Бог мыслится как некое сущее, пусть и высшее, сверхчувственное, трансцендентное, но как сущее. Тем самым формируются предпосылки для прогрессирующего «забвения бытия», составляющего сущность европейского нигилизма, по Хайдеггеру. Отождествление Бога с разумом, которое в европейской философии Нового времени достигнет своего пика у Гегеля, было заложено и предуготовлено уже в схоластической теологии. Ещё раньше у Блаженного Августина можно обнаружить эту тенденцию к рационализации церковного опыта. В трактате «О Троице» Августин формулирует тезис, согласно которому «нельзя любить то, чего не знают» [8, с. 251]. В качестве образа, дающего возможность постичь божественную Троицу, он полагает разумность человеческой души [8, с. 393, 455]. Уже в схоластическую эпоху Фома Аквинский будет утверждать в качестве видообразующей потенциальности человека – блага – разумность [9, с. 131].

Католицизм и протестантизм создают различные предпосылки для становления европейского нигилизма, завершающей фазой которого станет событие смерти Бога. Схоластическая философия приводит к «утверждению интеллектуализма как единственного пути метафизического познания» [7, С. 8]. Реакцией на схоластическую в своей основе метафизику Декарта, Лейбница, Спинозы станет рациональная критика схоластических и метафизических постулатов. Ответом на этот кризис выступит абсолютизация субъективной веры и моральной автономности субъекта в протестантизме. Следующей фазой европейского нигилизма будет эмпиризм: «И если силлогическое обоснование божественной истины расчищает путь оспариванию бытия Божия с позиций рационализма, то абсолютизация субъективной веры в Бога ведет напрямик к Его отвержению посредством «объективного» опыта» [7, с. 11]. Ницше представил краткую характеристику этого пути в своем знаменитом фрагменте из «Сумерек идолов» под заголовком «Как истинный мир стал басней» [10, с. 33]. И не случайно у самого Ницше старый папа говорит Заратустре: «Что слышу я! – сказал тут старый папа, наострив уши. – О Заратустра! ты благочестивее, чем ты веришь, при таком безверии! Какой-нибудь бог в тебе обратил тебя к твоему безбожию. Разве не само твое благочестие не позволяет тебе более верить в Бога?» [11, с. 263]. («Was höre ich! sprach hier der alte Papst mit gespitzten Ohren; oh Zarathustra, du bist frömmere als du glaubst, mit einem solchen Unglauben! Irgend ein Gott in dir bekehrte dich zu deiner Gottlosigkeit. Ist es nicht deine Frömmigkeit selber, die dich nicht mehr an einen Gott glauben lässt?») [12, с. 561]).

Сам Ницше вполне отдавал себе отчет в том, что его критика христианства в основе своей направляется христианскими же мотивами благочестия: «И в благочестии есть хороший вкус; он сказал, наконец: «Прочь такого бога! Лучше без бога, лучше на собственный страх устраивать судьбу, лучше быть безумцем, лучше самому быть богом!» [11, с. 263]. («Es gibt auch in der Frömmigkeit guten Geschmack: der sprach endlich «Fort mit einem solchen Gotte! Lieber keinen Gott, lieber auf eigne Faust Schicksal machen, lieber Narr sein, lieber selber Gott sein!» [12, S. 561]). Не нужно давать обмануть себя риторике ницшевского письма. Позиция Заратустры в процитированном фрагменте далека от воззрений атеиста, она ближе позиции юродствующего. «Der Narr» – безумец, дурак, шут – фигура, близкая к юродивому. У Ницше есть стихотворение, в котором он непосредственно ассоциирует себя с юродивым: «Я надел добровольно вериги, // Стал укором проклятой семье...» [13, с. 531]. И данное обстоятельство позволяет Яннарасу утверждать, что ницшевский нигилизм не отрицает христианского Бога и опыта Церкви: «нигилизм в форме ницшеанской проповеди «смерти Бога», то есть в форме исторической констатации пустого пространства божественного отсутствия, не может рассматриваться как результат непременно антихристианского выбора или подхода. Он не отри-

цает «благой вести» новозаветного опыта и свидетельства, потому что в качестве конкретной исторической действительности она ему неизвестна. Напротив, мы должны рассматривать ницшеанскую проповедь как констатацию отчуждения христианства на Западе, отступления и отклонения западных Церквей от христианства Нового Завета и первых веков» [7, с. 22].

В своей трактовке ницшевского нигилизма Яннарас опирается на пользующуюся значительным влиянием хайдеггеровскую интерпретацию наследия Ницше [14]. Автор охотно и часто ссылается на работы Хайдеггера, в которых разрабатываются темы европейского нигилизма и преодоления метафизики: «Смерть Бога» является событием для людей, которые отказываются подменять личное присутствие абстрактным понятием, непосредственность отношения – рассудочной достоверностью. Отказываются отождествлять реальность Бога с необходимостью Первопричины (как это предлагает интеллектуалистская метафизика) или с Высшей Ценностью (как это предлагает прагматистская этика). Они отваживаются на этот отказ потому, что «обладают более божественным пониманием Бога», чем то, которое предлагают рассудочные схемы западной метафизики и этики» [7, с. 23]. Однако основным источником для Яннараса выступает не Хайдеггер, но корифей апофатического богословия Дионисий Ареопагит. Именно здесь находит Яннарас необходимые для преодоления одностороннего метафизического интеллектуализма Запада основания и перспективы. На фоне ареопагитского Корпуса Ницше и Хайдеггер выступают уже как фигуры второго масштаба, спустя многие столетия интуитивно пришедшие к идеям, высказанным задолго до них.

В чем состоит уклон европейской метафизики, с неизбежностью внутренней логики завершившийся событием «смерти Бога»? Он состоит в абстрактном, рассудочном понимании Бога как трансцендентной сущности, представляющей собой вечное, единое первоначало, источник эманации «тварного» мира. В такой перспективе мир рассматривается лишь в качестве несовершенного отражения трансцендентной божественной субстанции. Этот уклон формируется уже в учениях Платона и Аристотеля и впоследствии становится фундаментом западной теологии и метафизики. Апофатизм греческого Востока направлен как раз против этого платонического уклона, приводящего в конечном итоге к объективации Бога или, как будет говорить Хайдеггер, к полаганию бытия в качестве сущего. В апофатическом богословии Бог не есть высшее сущее, не есть субстанция, не есть даже бытие. Бог сверхбытийственен. Бог не сущность, но сверхсущественная неопределенность [15, с. 124], не бытие, но сверхбытие [15, с. 239]. Вопреки интеллектуалистской метафизики, апофатика раскрывает, что Бог ничем из умственного не является, превосходя его [15, с. 409]. Здесь уже предвосхищен основной принцип фундаментальной онтологии Хайдеггера – принцип онтологической дифференции. За столетия до Хайдеггера в комментариях к Корпусу Максим Исповедник запишет: «Бог не есть что-то

сущее, но выше сущего» [15, с. 410]. Здесь преодолевается всякий платонизм. Европейской метафизике нужно было вступить в состояние глубочайшего кризиса, чтобы стали возможными такие фигуры, как Ницше и Хайдеггер. В ситуации кризиса европейской метафизики Ницше и Хайдеггер разрабатывают апофатическую философию.

2. Апофатическая философия Ницше как ответ на кризис европейской метафизики

Яннарас выдвигает следующий тезис: «Апофатизм греческого Востока не ограничивается голыми отрицаниями, но предполагает как естественное катафатическое знание, так и его одновременное отрицание» [7, с. 37]. Это значимая характеристика, поскольку апофатизм нередко несправедливо отождествляется с агностицизмом. Но апофатизм греческого Востока в отличие от западного схоластического варианта не является агностицизмом. Апофатизм предполагает отказ от полагания Бога в качестве сущего, отказ от подчинения Бога и бытия рассудочным схемам [7, с. 37]. Абсолютное, Бог, бытие не должны мыслиться лишь в качестве негатива по отношению к чувственно воспринимаемому сущему. Такое мышление характерно не для апофатизма, а как раз для интеллектуалистской метафизики, противопоставляющей мир трансцендентных субстанций миру чувственно воспринимаемых вещей. В результате трансцендентное в метафизике оказывается лишь тенью, абстракцией от чувственно воспринимаемого, как это было показано Ницше в его ранней работе о греческой философии [16, с. 301–367]. Апофатизм, напротив, преодолевает разделяющую оппозицию сверхчувственного и чувственно воспринимаемого посредством отказа от одностороннего, абстрагирующего мышления Абсолюта: «Как замечает Ареопагит, умопостигаемое не может быть определено одной лишь логикой антитетического отношения к чувственному; простое и безобразное не может сущностно определяться логикой антитетического отношения к воплощенному и образному, а безвидное и бесформенное бестелесное – логикой антитетического отношения к обладающим видом и формой телам. Но одновременное употребление как тезиса, так и антитезиса позволяет «аналогически» отобразить действительность, превосходящую положительные и отрицательные определения» [7, с. 35]. Таким образом, апофатизм не заменяет положительные определения отрицательными, но движется в направлении того, что превосходит оба вида определений: «Синтез утверждений и отрицаний означает взаимную отмену высказанных определений, исключаящую их одностороннюю абсолютизацию; и в то же время он служит обозначением неизреченного знания – знания, которое не исчерпывается сказанным» [7, с. 36].

Если мы будем прочитывать Ницше в этом направлении, то обнаружим, что его философия представляет собой не возобновление античного скепти-

цизма или античной софистики, но апофатизм, направленный на раскрытие беспредельного. К. Ясперс в своей большой работе о Ницше, показал, что основная черта ницшевского философствования заключается как раз в той самой «взаимной отмене высказанных определений», в которой Яннарас видит сущностную черту апофатизма Дионисия Ареопагита. Ясперс эксплицирует в качестве фундаментальной черты мышления Ницше самоопровержение и самопротиворечие: нет ни одного высказывания, которое философ сам бы не опроверг [17]. На каждый тезис у Ницше есть антитезис, не разрешающийся ни в каком диалектическом синтезе. Однако Ясперс в конечном итоге подверг такой способ философствования критике, определив его как «несостоятельную замену трансценденции» [17, с. 568].

Начиная с «Человеческого, слишком человеческого» философ уже не проводит какую-то определенную идею или систему мыслей, но играет различными перспективами, сталкивает взаимоисключающие точки зрения, мыслительные позиции, подходы и типы философствования. В корне ошибочный способ чтения ницшевских текстов состоит в придании его высказываниям статуса пропозиционального высказывания. В рамках одного сочинения у Ницше можно найти аргументацию в пользу приоритета научного познания над искусством, вполне в духе позитивизма. И тут же можно встретить не меньшее число высказываний, обосновывающих приоритет эстетического над рациональным, научным. Читатель, пытающийся приписать Ницше ту или иную позицию, неизбежно впадет в односторонность, в абсолютизации той или иной крайней точки зрения (а Ницше сознательно доводит противоречащие позиции до крайне степени) и в итоге потеряет нить ницшевской мысли. Он будет сбит с толку, одурачен. На эту особенность ницшевского письма указывает Р. Сафрански: «Ницше разбил сады своей теории таким образом, что поведение всякого, кто разыскивает тут центральный тезис, практически с неизбежностью оказывается хамским. Ницше прячется в своем лабиринте, он хочет, чтобы его открывали на длинных путях, изобилующих поворотами. И отчего бы нам не заблудиться в поисках него. Быть может, это даже лучшее, что может с нами случиться. Словами Заратустры, обращенными к его ученикам, он скажет: вы обрели меня слишком рано – еще не обрета самих себя. Таким образом, книги Ницше устроены так, что в поисках его центральной мысли мы в лучшем случае наталкиваемся на собственную мысль. Открываем ли мы при этом его, Ницше, не так важно – гораздо важнее, открываем ли мы при этом мышление. Собственное мышление есть Ариадна, путь к которой мы должны отыскать» [18, с. 286–287].

И сам Ницше в частной переписке неоднократно давал указания, как следует читать его философские сочинения: «Но, быть может, он осознал бы при этом и то, что никто иной, как он сам требовал от своих читателей ироничной осторожности. «Совершенно не нужно и даже нежелательно занимать

мою сторону; напротив, некоторая доля любопытства, как к какому-нибудь диковинному растению, и ироничное сопротивление представляется несравненно более интеллигентной позицией в отношении меня» (из письма от 29 июля 1888 г.)» [18, с. 365]. В другом письме мы читаем следующее признание философа: «Для меня все сосредоточилось сейчас на желании, чтобы со всеми вещами обстояло иначе, чем я о них думаю, и чтобы кто-нибудь сделал мои «истины» недостоверными для меня» [19, с. 239].

К этим «методическим» указаниям Ницше по чтению его произведений следует отнестись со всем вниманием. В противном случае мы рискуем поддаться обольщению риторикой ницшевского письма и абсолютизировать ту или иную крайнюю позицию. Дело в том, что Ницше со второго периода своего творчества уже не высказывает пропозиций, его изречения часто не обладают денотативной соотнесенностью. Устами Заратустры Ницше сравнивает свои высказывания с рыболовными крючками: «Пока они, закусив острые скрытые крючки мои, не будут вынуждены подняться на мою высоту, самые пестрые пескари глубин – к злейшему ловцу рыб человеческих. Ибо таков я от начала и до глубины, притягивающий, привлекающий, поднимающий, возвышающий, увлекатель, воспитатель и садовник, не напрасно говоривший себе: «Стань таким, каков ты есть!» [11, с. 240]. («Bis sie, anbeißend an meine spitzen verborgenen Haken, hinauf müssen in meine Höhe, die buntesten Abgrund-Gründlinge zu dem boshafteigsten aller Menschen-Fischfänger. Der nämlich bin ich von Grund und Anbeginn, ziehend, heranziehend, hinaufziehend, aufziehend, ein Zieher, Züchter und Zuchtmeister, der sich nicht umsonst einstmals zusprach: «Werde, der du bist!» [12, S. 542]).

Игнорирование этого особого статуса высказываний Ницше, попытка придать им статус пропозиций приводит к одностороннему и потому неверному прочтению текстов философа. Следствием такого искажающего подхода становится, например, представление Ницше в качестве идеолога национал-социализма [20]. Для ницшевских текстов в большей степени релевантным оказывается метод, предложенный М.М. Бахтиным для исследования произведений Достоевского [21]. И в произведениях немецкого философа может быть раскрыта эта полифония борющихся и внутренне расколотых голосов [22].

Для целей нашего исследования будет интересно обратить внимание на то обстоятельство, что современный итальянский философ Дж. Агамбен вскрывает эту направленность высказываний по ту сторону денотативных отношений в качестве основной характеристики письма не кого-нибудь, а самого апостола Павла: «Подобно любому речевому акту, слово веры также и для Павла восходит по ту сторону денотативного отношения между языком и миром к иному, более изначальному статусу языка... Любое откровение – это всегда и прежде всего откровение самого языка, опыт чистого события слова, превосходящий любое означение, ...опыт события языка по ту сторону дено-

тативного отношения может быть достижим двумя способами: первый, следуя парадигме клятвы, стремится учредить в этом опыте исключительно узы и обязательства, для второго, напротив, опыт чистой речи открывает пространство безвозмездного использования» [23, с. 173]. Более того, Агамбен настаивает на определенном рода преемственности Ницше по отношению к Павлу. Так, ницшевскую идею вечного возвращения, как и ряд других знаковых философских учений, он возводит к стиху 1:10 из Послания к Ефесянам: «Этот стих настолько перегружен значением, что готов взорваться; настолько, что можно утверждать, что многие фундаментальные тексты западной культуры – учение об апокатастасисе у Оригена и Лейбница, о повторении-возобновлении у Кьеркегора, о вечном возвращении у Ницше и повторении у Хайдеггера – являются лишь осколками, разлетающимися от этого взрыва» [23, с. 102]. А в ницшевском «Антихристе» Агамбен эксплицирует реминисценцию на учение Павла о мессианическом времени: «Поэтому жест, которым он объявляет войну христианству, подписываясь именем фигуры, полностью принадлежащей этой традиции и выполняющей в ней совершенно определенную функцию, не может не содержать в себе некую пародическую интенцию. То есть антихрист является мессианической пародией, в которой Ницше, облачившись в наряд антимессии, просто разыгрывает по буквам сценарий, от начала и до конца написанный Павлом» [23, с. 146].

Позиция Агамбена представляет собой выражение определенной тенденции в рецепции наследия Ницше. Данная тенденция может быть определена как поворот к христианству. Философия Ницше перестает восприниматься как сугубо атеистическая, антихристианская или языческая. Ницше предстает с совершенно другой, во многом неожиданной (в силу сложившихся стереотипов) стороны: как пророк, выступающий с критикой современного повсеместного отступничества от подлинной религиозности и открывающий пути к живому Богу. Проявление этой тенденции можно найти у такого современного итальянского философа, как Дж. Ваттимо: «Именно потому, что Бог – последнее основание, то есть абсолютная метафизическая структура реальности, – отныне утрачен, вера в Бога становится вновь возможной. Конечно, не в Бога метафизики или средневековой схоластики, но, однако, и не в Бога Библии, то есть Бога той самой книги, которую рационалистическая и абсолютистская метафизика современности постепенно уничтожила и растворила» [24, с. 6]. Справедливости ради следует отметить, что качество аргументации у данного представителя постмодернистской философии нередко оставляет желать лучшего. И говорить о принадлежности Ваттимо к христианству можно разве что в рамках современного протестантизма. Ближе к христианской традиции прочтение Яннараса. Но еще раньше, чем у Ваттимо, Агамбена и Яннараса эта тенденция обнаружилась в русской религиозной философии. Так, Бердяев отмечает: «В России Ницше всегда иначе понимали,

чем на Западе, у нас он был прежде всего религиозным явлением, для западных людей он был прежде всего философом культуры» [25, с. 386]. Е.Н. Трубецкой видит религиозный смысл исканий Ницше в следующем: «Вся эта философия есть отрицание смысла жизни и вместе с тем – непрерывная тревога и мука искания, борьба между отчаянием в человеке и потребностью надежды, между отрицанием разума и верою в разум. ...Мысль его прикована к тому самому, что он отрицает. Отвергнутый Бог тем не менее остается центром его философии, и в этом заключается религиозность его искания» [26, с. 792]. Список авторов можно было бы продолжить – в русской философии тенденция прочтения учения Ницше в религиозном ключе представлена более широко, нежели на Западе [27]. Выступая с критикой западной версии христианства, разоблачая постулаты интеллектуалистской метафизики, Ницше интуитивно пришел к апофатизму греческого Востока, получившему свое воплощение на почве русской культуры, в богословии Русской православной церкви, в русской религиозной философии.

Список литературы

1. Боневская Н.К. Русский Ницше и пути постнищевского христианства / Н.К. Боневская // Боневская Н.К. Дух Серебряного века (Феноменология эпохи). – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 9–42.
2. Kleffmann T. Nietzsches Begriff des Lebens und die evangelische Theologie. Eine Interpretation Nietzsches und Untersuchungen zu seiner Rezeption bei Schweitzer, Tillich und Barth. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2003. – XV, 633 Seiten.
3. Ясперс К. Ницше и христианство / К. Ясперс. – М.: Медиум, 1994. – 123 с.
4. Жильцова Е.А. Проблема религии и восприятия христианства в философии Фридриха Ницше / Е.А. Жильцова, О.А. Сомсикова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 7–13.
5. Соловьев С.М. Эллинизм и Церковь / С.М. Соловьев // Богословский вестник. – 1913. – Т. 3. № 9. – С. 50–76 [Электронный ресурс]. – <http://foliant.press/book/0035260>.
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. – В 13 т. Т. 3: Утренняя заря. Мессинские идиллии. Веселая наука / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2014. – 640 с.
7. Яннарас Х. Хайдеггер и Ареопагит, или об отсутствии и непознаваемости Бога / Х. Яннарас. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 121 с.
8. Августин Аврелий Блаженный. О Троице / Августин Аврелий Блаженный. – М.: РИПОЛ-Классик, 2018. – 429 с.
9. Стамп Э. Аквинат / Э. Стамп. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 352 с.
10. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. – В 13 т. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2009. – 408 с.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. – В 13 т. Т. 4. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2007. – 432 с.
12. Nietzsche F. Gesammelte Werke / F. Nietzsche. – Köln: Anaconda Verlag GmbH, 2012. – 972 S.

13. Ницше Ф. Философская проза. Стихотворения: Сборник / Ф. Ницше. – М.: Попурри, 2000. – 544 с.
14. Хайдеггер М. Ницше. – Т. 1., Т. 2 / М. Хайдеггер. – СПб.: Владимир Даль, 2006, 2007. – 604 с.; 440 с.
15. Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника / Дионисий Ареопагит. – СПб.: Изд-во Олега Абышко. – 2017. – 464 с.
16. Ницше Ф. Полное собрание сочинений. – В 13 т. Т. 1/1: Рождение трагедии. Из наследия 1869–1873 гг. / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – 416 с.
17. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования / К. Ясперс. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 630 с.
18. Сафрански Р. Ницше: биография его мысли / Р. Сафрански. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 456 с.
19. Ницше Ф. Письма / Сост. И.А. Эбаноидзе. – М.: Культурная революция, 2007. – 400 с.
20. Бугера В.Е. Социальная сущность и роль философии Ницше / В.Е. Бугера. – М.: URSS, 2010. – 168 с.
21. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
22. Фаритов В.Т. Философские аспекты творчества М.М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – С. 140–150.
23. Агамбен Д. Оставшееся время: Комментарий к посланию к Римлянам / Д. Агамбен. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 224 с.
24. Ваттимо Дж. После христианства / Дж. Ваттимо. – М.: Три квадрата, 2007. – 160 с.
25. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики: Сборник научных трудов 1937–1948: Дух и реальность; Опыт эсхатологической метафизики; Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого; Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. – 656 с.
26. Трубецкой Е.Н. Философия Ницше. Критический очерк / Ю.В. Синеокая // Ницше: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 672–794.
27. Фридрих Ницше и русская религиозная философия: Переводы, исследования, эссе философов Серебряного века: в 2 т. Т.1. – Минск – М.: Алкиона–Присцельс, 1996. – 352 с.

NIETZSCHE AND CHRISTIANITY: APOPHATIC PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF THE CRISIS OF EUROPEAN METAPHYSICS

V.T. Faritov¹

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk

E-mail: vfar@mail.ru

Annotation. *The subject of the research is the relation of F. Nietzsche's philosophy with Christianity in the context of the crisis of European metaphysics. The problem is that Nietzsche's proposed criticism of Christianity mainly affects its Western forms.*

¹ FARITOV Vyacheslav Tavisovic, doctor of philosophy, Professor of the Department of philosophy of the Ulyanovsk State Technical University

The article attempts to analyze the conceptual developments of F. Nietzsche in the perspective of the Orthodox version of Christianity. The author compares a comparative analysis of the anti-metaphysical tendencies of Nietzsche's philosophy with the apophatic theology of the Eastern Church. Based on the work of modern authors such as H. Yannaras, J. Agamben and R. Safransky, the author concludes that there is a tendency towards Christianity in the study and reception of Nietzsche's philosophical heritage. The article uses the methodological principles and principles of historical and philosophical research, in particular, the method of historical and philosophical reconstruction, methods of philosophical comparative studies. The main conclusion of the study is the thesis of the apophatic nature of the philosophy of religion F. Nietzsche. The author substantiates the position that Nietzsche, criticizing the Western forms of Christianity and European metaphysics, does not come to atheism, but to an apophatic understanding of God, close to the patristic heritage of the Eastern Church.

Keywords: Nietzsche, Christianity, apophaticism, metaphysics, marginality, foolishness, orthodoxy, Russian religious philosophy, theology, God

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

УДК 116

НАУКА БЕЗ МЕТАФИЗИКИ ЛИШАЕТ ЧЕЛОВЕКА СМЫСЛА СУЩЕСТВОВАНИЯ*

Р.А. Нуруллин¹

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань.

E-mail: nurulla958@mail.ru

***Аннотация.** В статье показывается, что наука без метафизики теряет свое мировоззренческое значение и становится технотехнологией, которая не нацелена на крупные новации и открытия, а направлена прежде всего на мелкие инновации и изобретения. Наука без метафизики еще дальше отчуждает человека от общества, так как не способна в полной мере дать ему представление о смысле своего существования в мире и нацеливает молодое поколение лишь на достижение профессиональных целей и гедонизм.*

***Ключевые слова:** наука, метафизика, позитивизм, математика, смысл жизни, абстрагирование, формальная логика, диалектика, система.*

Становление науки в самостоятельную форму общественного сознания сопровождается попытками изгнания метафизики из философского дискурса. Рефлексия сложных отношений науки с классической философией связана с возникновением позитивизма. Родоначальник первого позитивизма О. Конт сформулировал «Закон трех стадий», согласно которому наши основные понятия проходят три теоретически различных этапа: теологический, метафизический и научный (позитивистский) [1, с. 257–259]. Но современные философы науки все больше высказывается за возврат метафизики в лоно науки, т.к. наука неспособна охватить весь спектр отношений человека с миром [2, с. 51–100]. Дело в том, человек как часть целостного мира по необходимости вынужден отражать этот мир как бы изнутри. Из теории систем известно, что целостные свойства систем складываются из субцелостных, целостных и метацелостных свойств. Исходя из этого можно утверждать, что человек как часть большого мира оказывается способным отражать его целостность лишь на субцелостном уровне. Гуманитарий в этом смысле обречен на механистское отражение социальных явлений. Человеку науки оказываются

*Статья представляет собой расширенный вариант выступления на конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития (Борисовские чтения)» (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», 27–28 сентября 2019 г.).

¹ НУРУЛЛИН Рафаиль Асгатович, доктор философских наук, профессор кафедры Общей философии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

неподвластными в полной мере эмерджентные, а тем более, метацелостные качества. Сегодня рефлексия науки приходит к осознанию своих познавательных возможностей [3, с. 144–179], что актуализирует разные вненаучные и даже паранаучные воззрения.

Общественное сознание, как проекция культуры на историческое время, не исчерпывается лишь наукой, и включает в себя такие формы познания: как миф, религию, искусство, мораль, право и конечно такие близкие к науке формы, как математику и философию. Для выяснения отношений науки с метафизикой из всего спектра познавательных отношений остановимся на анализе особенностей математики и философии. Эти формы познания трудно отнести к науке, т.к. в полной мере ни отвечают основному критерию научности – иметь объект своего исследования в реальности. Ни математика, ни философия не имеют своего специфического объекта познания в реальном ощущаемом мире явлений. Так, математика исследует систему идеализированных умозрительных конструкций, не существующих на уровне реального мира. Например, в реальности не существует чисел, дифференциалов, бесконечности, тензоров, линий, не имеющих ни ширины, ни толщины, и многого другого. Таким образом, математика не является наукой в строгом смысле этого слова. Наука, в отличие от математики, всегда имеет объект своего исследования в реальном мире вещей, явлений, процессов. Математика в отличие от других форм отражения всегда имеет дело с чистыми формами, отвлеченными от любого физического содержания. Связано это с особенностями процесса абстрагирования, который в математике доведен до идеализации. Для математики в качестве существенных выступают чистые формы и количественные (универсальные) отношения, которые являются полностью отвлеченными от любого физического содержания и качественных отношений. Но именно этим определяется проникающая способность математики в другие области познания, поэтому математика в пределе имеет возможность моделировать любые физические содержания (подобно тому, как независимость количества информации от количества энергии позволяет с помощью малых значений энергий, несущих информацию, управлять большими потоками энергии). Далее физика способна наполнять чистые формы математики любым интересующим ее содержанием и на базе этих интерпретаций уже строить свои теории. Возможность широкого использования приемов математики другими науками обусловлена тем обстоятельством, что физика фундирована законами симметрии (сохранения) и нечувствительна к индивидуальности изучаемых объектов. Только начиная с химии и далее, если идти по линии усложнения изучаемых объектов природы, в таких науках, как биология, социология и т.д., где значимость индивидуальности становится существенной, применение математики все более ограничивается. Но и там, где есть повторяемость, усреднение по ансамблю и/или по времени работают законы мате-

матики, которые позволяют гуманитарным наукам, сосредоточенным на отражении индивидуальных явлений, использовать генерализующие законы, полученные математикой. Все это позволяет гуманитарным и общественным наукам реализовать диалектику отношений исторического и логического, где на генерализующие законы, найденные математикой, гуманитарии смогут в дальнейшем нанизывать знания об индивидуальных особенностях исторических событий. Поэтому проникающая способность математики обусловлена, прежде всего, пустотой своих форм от реального (физического и социального) содержания. Это в дальнейшем дает возможность частным наукам наделять чистые формы, полученные математикой, своими интерпретациями и логически выходить к объяснению познаваемых явлений. Еще более абстрактной формой мышления является формальная логика. Для логики несущественны как формы, так и содержания реальных объектов. Ее интересует только специфика самих количественных (универсальных) отношений (равенства, больше, меньше подобия). Отсюда при помощи законов логики появляется возможность конструировать любые формы и содержания бытия. Сегодня так и происходит с развитием информационных технологий, которые привели к возникновению новой реальности – виртуальной. Физика (как любая другая частная наука) тоже использует абстрактные объекты, но здесь абстрагирование осуществляется не по форме, а по существенному интересующему исследователя реальному содержанию. Такие абстрактные объекты уже не будут относиться к сфере чистой математики, а более подпадают под объекты математической физики. Поэтому натягивать менее абстрактную физику для обоснования более абстрактной математики было бы некорректным. По тем же причинам нельзя полностью свести и математику под еще более абстрактную логику.

В философии так же, как в математике, трудно выделить свой специфический объект исследования. Объектами философского исследования выступают все объекты частных наук. Философия нацелена на целостное отражение мира, составленного из совокупности достижений всех форм познания. Другими словами, философия нацелена на создание онтологии и мировоззрения путем синтеза достижений отражений всех форм общественного сознания. Но философия не просто пытается на основе достижений всех форм познания строить при помощи аксиоматики (задания начал бытия, введения субстанций), логики и диалектики целостную картину мира, а идет дальше и пытается выяснить первопричины возникновения мира вообще и тем самым выходить к метафизике. Без выдвижения начал бытия, в принципе, невозможно построение целостной концепции самого бытия. При этом метафизика как умозрительная конструкция, по вышеуказанным требованиям, не принадлежит науке. Метафизика представляет собой умозрительную конструкцию, существование которой позволяет в качестве основания логически и/или диалектически восходить к интерпретациям целостных феноменов реальной дей-

ствительности. Сами метафизические конструкции есть ничто иное, как умо-зрительные представления, отражение которых невозможно на уровне реальных событий, что роднит философские конструкции с математическими идеализациями. Таким образом, научное познание ограничено двумя формами вненаучного познания, с одной стороны, математикой, а с другой – философией. Если естествознание тяготеет к математическому языку, то гуманитарное научное знание – к философскому языку. Но математика и философия не просто дают язык, а еще обеспечивают науку мировоззрением.

Язык математики использует формальную логику, которая более подходит к описанию относительно замкнутых систем. В формальной логике превалирует логическое «или», где третьего не дано. Логика показывает, как уничтожаются или усредняются по ансамблю противоположности. Диалектическая логика хорошо работает для описания развивающихся систем. В диалектике акцент делается на логическом «и» и имеет дело с описанием отношений противоречия, которые не уничтожают, а взаимодополняют друг друга. Диалектика раскрывает причины возникновения нового. Например, встреча мужского и женского не приводит к их уничтожению, а является источником чего-то нового, того, чего никогда не было (ребенка, семьи).

Возвращаясь к философии, необходимо также отметить тот факт, что если в философии возникает ситуация возможного рационального исследования действительности, то эти установки покидают лоно философии и переходят в науку. А философия оказывается в кругу своих вечных проблем, связанных пересмотром начал бытия под влиянием результатов как практических, так и теоретических аспектов социального развития.

Позитивизм XX в. отметился борьбой с метафизикой, а вместе с ней и всей классической философией. Для деятелей Венского кружка авторитет науки был вне сомнения, и проблема науки сводилась к отделению науки от метафизики. Встал вопрос о предмете философии. Лидеры Венского кружка М. Шлик и Р. Карнап выступали за избавление науки от традиционной философии и метафизики. По их мнению, если философия не дает научного знания о мире, то что она такое? Философия имеет дело не с миром, а с его отражением в языке. Поэтому философия должна была заниматься языком – словами, предложениями, высказываниями. С позиций неопозитивизма язык – это и есть подлинный предмет философии. Неопозитивизм трактует философию как анализ языка. С одной стороны – это язык естествознания, а с другой – обыденный язык гуманитарных наук. Язык исследуется в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах. В центре внимания неопозитивизма значение и смысл языка.

Истоки логического позитивизма находим у Дж. Мура и Б. Рассела. Главная заслуга Мура в том, что он привлек внимание к анализу значения слов и высказываний. По Муру, дело философии – прояснение, а не открытие, она занимается значением, а не истиной, что ее предмет – мысли и язык, а не факты [4, с. 47–55].

Языком математики является формальная логика. Попытка полного сведения математики к логике была предпринята в «Началах математики» (1910–1913) А.Н. Уайтхендом и Б. Расселом. Г. Фреге еще ранее заявил, что математика – это ветвь логики [5, с. 37–60]. Но логицизм подвергся критике: ведь математика использует и предпосылки, несводимые к логике. Точку в этих спорах поставил в 1931 г. К. Гёдель, который в своих теоремах «О неполноте» и «Непротиворечивости формальных систем» строго показал, что нельзя доказать истинность самой математики (как любой формальной системы) средствами самой математики, и что полная формализация невозможна [6, с. 72].

Те же вопросы ставили Б. Рассел и Л. Витгенштейн, но применительно к языку гуманитарных наук. В попытке решения парадоксов логики Рассел создал теорию типов [7]. Основная идея Рассела состоит в том, что в правильном языке предложение не может ничего говорить о самом себе о своей истинности. Но обычный язык такую возможность допускает. Поэтому необходимы ограничения в правилах пользования языком, которые он вводит в теории типов и дискрипции. Теория типов устраняет парадоксы, но от этого язык становится беднее, негибким и неспособным отразить сложный процесс познания. Поэтому теорию типов подвергают критике. Теория дискрипции (описания) была призвана решить другую трудность. Логики считали, что если два словесных выражения обозначали один объект, то предложения взаимозаменяемы. Но между именем и его описанием (дискрипцией) нет тождества – это не тавтология. Только в сочетании с другими символами дискрипция может иметь значение. Идеи Рассела получили свое развитие в «Логико-философском трактате» его ученика Л. Витгенштейна [8].

Сведение философии к языку было раскритиковано в 70-е гг., но в условиях становления информационного общества проблема языка вновь стала актуальна. Дело в том, что значение одних и тех же слов в разных культурах не составляют тождества, что затрудняет трудности понимания и перевода с одного языка на другой. В этих условиях на первое место для философии выходит не поиск истины, а достижение intersубъективности суждений.

Философию иногда называют наукой о Началах бытия [9, с. 231–238]. Возникновение философии обусловлено социальными факторами и исходно возникает в результате кризиса мифического сознания, который связан со становлением первых полисов и возникновения государства. Полис возникает как объединение различных племен. У каждого племени своя система ценностей, связанная каким-либо тотемным началом. Для того, чтобы полис стал управляемым возникает необходимость приведения всего разнообразия ценностей к общему знаменателю. Поиск общего начала и занялись первые мыслители Античности Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Пифагор и мн.др. Таким образом, философия возникает как попытка создания универсального мифа.

Современное человечество, в каком-то смысле, соотносится с полисной системой Античного мира, фрактально отличающимся лишь своими масштабами. Создание всеобщей информационной сети сделало мир открытым. Сегодня частным культурам, которые некогда обеспечивали целостность конкретного общества, в открытом мире вдруг оказываются в положении провинциальных систем ценностей, и уже не в состоянии осуществлять как раньше интегративную (идеологическую) функцию [10, С. 59–66.]. Культурой информационного общества выступает культура постмодерна. Философия, лишенная метафизических оснований, превращается сплошной дискурс, а проще говоря, в демагогию и болтовню мнений.

Интернет, представляя собой интернациональную структуру человечества, в которой может найти свое место любая система ценностей любой культуры, размывает абсолютный (идеологический) характер влияния ценностей одной культуры. Мир постепенно превращается в истинный идеал постмодернистов – Хаос, именуемый Ж. Делёзом хаосмосом [11, С. 111]. В условиях ограниченного влияния традиционной культуры в обществе начинают доминировать интересы цивилизации с культом превращения науки в технологии и безмерного потребления. Культ материальных ценностей цивилизации сегодня привел к масштабному негативному давлению со стороны бизнеса на естественную среду обитания человека, и обострению экологических, энергетических, демографических и других глобальных проблем человечества. На сегодняшний день сложилась такая ситуация, когда, с одной стороны, традиционные культуры видят в становлении глобальной цивилизации угрозу для своего существования, с другой – новая культура, способная обеспечить общий порядок на планете, еще не получила своего окончательного оформления. Возникает вопрос: «Как соединить необходимость идеологии для реализации воспитания в образовании в условиях ослабления влияния национальных культур в открытом обществе?» [12, Р. 38-42].

Сведение философии лишь к обслуживанию науки не только превращает последнюю в технонауку, а еще лишает человека смысла жизни. Наука способна дать человеку цель жизни, но не ее смысл. Человек – единственное существо, которое знает о конечности своего реального существования. Только в памяти время стремится к вечности. Смысл жизни состоит в преодолении этой отчужденности, чего можно достичь тремя путями, не отрицающими друг друга. Первый путь определяет достижение биологического смысла жизни – остаться в генетической памяти своих детей. Второй путь связан с усилиями, направленными на фиксацию своего имени в социальной памяти культуры посредством создания чего-то ценного для человечества. Третий путь – это достижение метафизического уровня космического бытия, варианты которого предлагаются человеку как некоторыми философскими, так и различными религиозными учениями. Наука, конечно, тоже не отрицает воз-

возможности вечного существования человека в будущем, но видит этот путь через создание совершенного тела или суперкомпьютера огромной мощности, в котором человек настоящего вряд ли будет жить. Поэтому многие теоретики образования критикуют систему «современного рационализма» за то, что она не способна дать человеку понятие о смысле жизни на всех уровнях его бытия. А человек без смысла жизни живет всегда «здесь и сейчас» и не заботится о будущем. Сегодня, в условиях обострения глобальных проблем человечества, все яснее видно, что причина всех внешних угроз – в головах самих людей. Поэтому именно система образования, направленная на формирование мировоззрения, а не только на овладение какой-либо профессии, должна быть приоритетна в деле формирования личности человека завтрашнего дня. Это невозможно без метафизических конструкций классической философии, которые задают базис для любого знания. Любое построение, включая и наши знания, без фундамента обречены на разрушение.

Список литературы

1. Голубинцев В.О. Философия науки / В.О. Голубинцев, А.А. Данцев, В.С. Любченко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 541 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – 414 с.
3. Курашов В.И. Начала философии науки / В.И. Курашов. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 516 с.
4. Грязнов А.Ф. Джордж Мур и становление аналитической философии / А.Ф. Грязнов // Аналитическая философия. – М.: Высшая школа, 2006. – 375 с.
5. Рассел Б. Мистицизм и логика / Б. Рассел // Почему я не христианин. – М.: Политиздат, 1987. – 340 с.
6. Современная западная философия: словарь / Сост. В.С. Малахов, В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.
7. Беляев Е.А. Философские и методологические проблемы математики / Е.А. Беляев, В.Я. Перминов. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 217 с.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: пер. с нем. Л. Добросельского / Л. Витгенштейн; под ред. Г. Веснина. – М.: АСТ, 2018. – 160 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.labyrinth.ru/books/635073/>
9. Богомолов А.С. Античная философия: учебник / А.С. Богомолов. – М.: Высш. шк, 2006. – 390 с.
10. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира / О.Г. Леонова // Век глобализации. – 2013. – № 1(11). – С. 59–66.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.

12. Nurullin R. Personality Formation and Education in Multicultural Field of Social Life. Middle-East Journal of Scientific Research 21(1): 2014. – P 38-42.

SCIENCE WITHOUT METAPHYSICS DEPRIVES A PERSON OF THE MEANING OF EXISTENCE

R.A. Nurullin¹

Kazan Federal University, Kazan, Administrative-Territorial Structure of the Republic of Tatarstan

E-mail: nurulla958@mail.ru

Abstract. *The article shows that science without metaphysics loses its ideological significance and becomes techno-science, which is not aimed at major innovations and discoveries, but is aimed primarily at minor innovations and inventions. Science without metaphysics further alienates a man from society, since it is not able to give him an idea of the meaning of his existence in the world fully and aims the younger generation only at achieving professional goals and hedonism.*

Keywords: *science, metaphysics, positivism, mathematics, meaning of life, abstraction, formal logic, dialectics, system.*

¹ NURULLIN Rafail Asgatovich, doctor of philosophy, Professor of the Institute of Philosophy, Social Sciences and Mass Communication of the Kazan Federal University

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОНТОГНОСЕОЛОГИИ**С. В. Юровицкий¹**

ГБНОУ СО «Академия для одаренных детей (Наяновой)», г. Самара, Россия

E-mail: ystas79@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются условия возникновения онтогносеологии как метода. Дается общая характеристика ее сущности, делается общий обзор философских предпосылок, необходимых для ее появления. Устанавливается как дифференциация, так и смежность онтологии и гносеологии и указывается, при каких условиях эта смежность становится возможной. Делается вывод о последовательной смене двух периодов в истории философии: онтогносеологическом и социально-этическом. Вводится понятие «онтогносеологический стиль мышления» и описывается его отношение к соответствующему методу.

Ключевые слова: онтология, гносеология, онтогносеология, методология, представление, мировоззрение.

Философия, как и любая другая область научной деятельности, обладает сложной внутренней структурой, предполагающей систему внутренних дисциплин, совокупность которых образует ее предмет. Традиционно считается, что между отдельными философскими дисциплинами не существует иерархических отношений, поскольку не представляется возможным определить, какие из них являются главными, а какие – второстепенными. Каждая из философских дисциплин отвечает главной задаче самой философии – рациональному присвоению предметности. Однако по степени всеобщности проблем, решаемых в границах той или иной философской дисциплины, главную роль следует отвести онтологии, являющейся разделом, чья область предметной деятельности может быть соотнесена с задачами философии вообще.

Невзирая на то, что ранняя античная философия обладала ярко выраженным социально-антропологическим пафосом, в ее классический период главными областями философского знания стали онтология и гносеология. Это напрямую следует из наследия Платона и Аристотеля, преодолевших как довлеющий над мыслью социально-критический пафос, так и раннюю натурфилософию. Наследие Аристотеля стало базисом философии последующих эпох.

Нагляднее всего это отразилось в сопутствующем всей средневековой мысли пафосе. Онтологизация этических категорий, наблюдаемая нами в схоластике, сочеталась в ней с гносеологическим оптимизмом и с принципиальной уверенностью в способности разума познать природу божества. Не-

¹ ЮРОВИЦКИЙ Станислав Витальевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора.

взирая на то, что под данной способностью понимались не столько познавательные функции разума, сколько такие его формы, как созерцание и откровение, приходится признать, что они воспринимались средневековой мыслью в качестве некоторых принципов познания, содержащихся в разуме и использующихся им для узко специфических задач. Эта позиция образует обратимую причинно-следственную связь с убеждением, согласно которому откровение возможно только в силу потенциальной способности человеческого разума к его восприятию. Доминирующий принцип существования Бога в средневековой мысли ставил в зависимость от себя и те божественные качества, которым теология приписывает атрибутивную роль: доброта, милосердие и всеблагость Бога являются не его этическими качествами, а атрибутами, определяющими как его сущность, так и существование. Как следствие, подобные качества мыслятся необходимыми. Таким образом, онтологизация этических категорий и их познаваемость утвердили примат онтологии и гносеологии над этикой. Схожим образом онтология и гносеология подчинили своей проблематике логику, филологию и эстетику. Довлеющий принцип существования Бога и его принципиальная познаваемость и создали пафос, определивший все содержание схоластической мысли Высокого Средневековья. При всей ее самостоятельности, необходимо отметить ее генезис из эллинизма, самым наглядным доказательством чего является авторитет перипатетизма, против которого выступали ранние мыслители Возрождения. Что характерно, авторитет Аристотеля существовал не только для западной, но и для арабской средневековой мысли. Отметим тот факт, что в борьбе со схоластическим перипатетизмом философы Возрождения опираются на Платона. Это означает, что косвенным образом не только средневековая, но и возрожденческая философия не может выйти за методологические границы Античности, создавая ее новый вариант на несколько иных основаниях. Таким образом, в Возрождение происходит методологическая рецессия Античности. Она призвана решить противоречия со средневековой мыслью не на уровне своей эпохи, а при помощи реституции понятий, образовавшихся в еще более архаический период. Методологическая инерция Античности была столь велика, что ее традицию продолжали представители таких эпох, которые отстояли от самой Античности на полтора тысячелетия.

Однако эта инерция воспринималась в традиционной истории мысли не столько методологически, сколько мировоззренчески, и поэтому свойственное Средневековью известное понятийное тождество между онтологией и гносеологией, даже в пределах этой эпохи, имело свои границы. Несовпадение предмета и мысли о предмете, как и противоположное этой позиции утверждение, в самой постановке этой контрадикции исходит из априорности умозрительного допущения, что мир и представление о мире не тождественны друг другу, хотя между ними должна существовать определенная степень

взаимообусловленности. Б. Спиноза замечает по этому поводу следующее: «...мы многое постигаем и образуем всеобщие понятия, во-первых, из отдельных вещей, искаженно, смутно и беспорядочно воспроизводимых перед нашим умом нашими чувствами... Во-вторых, из знаков, например из того, что, слыша или читая известные слова, мы вспоминаем о вещах и образуем о них известные идеи, схожие с теми, посредством которых мы воображаем вещи... В-третьих, наконец, из того, что мы имеем общие понятия и адекватные идеи о свойствах вещей... Этот род познания ведет от адекватной идеи о формальной сущности каких-либо атрибутов Бога к адекватному познанию сущности вещей» [4, с. 438]. Для определения пропорции этой взаимообусловленности необходима категория меры, позволяющая установить соотношение мира и представления о нем, не выходящее за пределы умопостигаемого универсума. Представление же в данном случае понимается в том значении, которое ему придавал А. Шопенгауэр: «...необходимо пристально рассмотреть ту сторону мира, из которой мы исходим, сторону познаваемости; соответственно этому мы должны без противодействия рассмотреть все существующие объекты, даже собственное тело..., только как представление, называя их всего лишь представлением. То, от чего мы здесь абстрагируемся... есть всегда только воля, которая одна составляет другую грань мира, ибо последний, с одной стороны, всецело есть представление, а с другой стороны, всецело есть воля. Реальность же, которая была бы ни тем и ни другим, а объектом в себе... – это вымышленная несуразность, и допущение ее представляет собою блуждающий огонек философии» [5, с. 19]. Что же касается самой меры, то ее нужно представить в двух отношениях, как это сделал Аристотель. С одной стороны, это чисто количественное определение: «Мера есть то, чем познается количество; а количество как таковое познается или через единое, или через число... Отсюда и во всех остальных областях мерой называется то первое, чем каждая вещь познается, и для каждого мерой служит единое» [1, с. 253]. Далее он поясняет свою мысль следующим образом: «...мерой и началом служит нечто единое и неделимое» [1, с. 254], «мера всегда однородна с измеряемым» [1, с. 255]. С другой стороны, понятие меры отождествляется у Аристотеля с серединой: «Я называю серединой вещи то, что равно удалено от обоих краев, причем эта [середина] одна, и для всех одинаковая. Серединою же по отношению к нам я называю то, что не избыточно и не недостаточно, и такая середина не одна и не одинакова для всех» [2, с. 85].

В самом деле, представление нуждается в некоторой объективной внешней по отношению к нему данности, которая является *conditio sine qua non* существования самого представления. Даже если этот внешний мир не обладает атрибутами физической реальности, он существует как *archetypus*, который представление использует как исходную посылку. Так или иначе, само

существование представления говорит о нем как о частном случае существования вообще. То есть для существования мышления требуется возможность мышления как такового в универсуме. Таким образом, мышление существует в границах онтологической модальности, где действительная модальность мышления есть осуществленная модальность возможности. Все это указывает на разделение бытия и мышления, понимаемых в качестве специальных философских дисциплин, а именно онтологии и гносеологии.

Но вместе с тем, мышление не может осуществляться по поводу тех предметов, которых не существует хотя бы в качестве представления. Однако тождества между предметом мышления и предметом, существующем на уровне представления, не наблюдается. Наиболее наглядно это следует из кантовских противоречий трансцендентальных идей, в которых он отразил все антиномичные типы суждений по поводу реально существующих онтологических противоречий.

Таким образом, при всей очевидной мировоззренческой методологической автономии онтологии и гносеологии между ними должна существовать область предметного совпадения, которая при возведении в самостоятельный понятийный статус может рассматриваться как новая методология, происходящая из онтологической и гносеологической методологий, но представляющая из себя нечто качественно большее, чем их простая сумма.

Возможность этой методологии проистекает из области понятийного единства, существующей между онтологией и гносеологией и возникшей как результат историко-философского процесса. В отличие от гражданской истории, история мысли обладает не только внутренней логикой, но и внутренней композицией. Если в гражданской истории существует оппозиция исторического и логического (по Гегелю), то в истории мысли этой оппозиции нет. Она отсутствует потому, что в отличие от гражданской истории, история мысли не есть последовательность фактов; она представляет собой процесс становления, который не снимает предыдущие формы мысли, а включает их в себя в качестве преодоленных. Таким образом, становится очевидным, что в истории мысли доминирующим принципом является не банальная хронология, а конфликт мировоззренческих систем, каждую из которых та или иная эпоха наполняет собственным аутентичным содержанием, отражающимся в пафосе эпохи. Конфликт в истории мысли существует не на уровне внутренних противоречий эпохи, а в виде противоречия между различными типами пафоса. Так, вся история философской мысли представляет собой конфликт двух антагонизирующих типов пафоса: онтогносеологического и социально-этического. Ранняя античная мысль, представленная «эпохой семи мудрецов», выражала свою проблематику через социально-этическую афористику, почти не отвлекаясь на мировоззренческие задачи, поскольку еще существовал не исчерпавший себя полностью мифологический тип мировоз-

зрения. Динамично развивающиеся социальные отношения и формирующиеся принципы античного полиса потребовали от философии решения таких вопросов, на которые невозможно было ответить, обращаясь к мифологическим сюжетам. Именно поэтому афористика семи мудрецов и вызвала столь бурную реакцию в античном мире. Следующая за нею эпоха натурфилософии снизила значимость социально-этических задач, обратив весь свой интеллектуальный потенциал на исследование природы. Завершающим этапом этого процесса является наследие Аристотеля, объединившего в своей универсалистской концепции обе этих тенденции. Наследовавшая греческую традицию римская школа философии воскрешает социально-этическую проблематику, поскольку абстрактно-отвлеченных мировоззренческих проблем в римский период почти не существует, в то время как социальная сторона жизни индивида представляется доминирующей. Средневековая христианская мысль при кажущемся противоречии с античным наследием была вынуждена вернуться к онтогносеологическим задачам: провозглашение существования единого всесильного божества требовало объяснения, как при наличии такого принципа мир должен функционировать на уровне физической природы, и в то же время, как этот принцип может быть постигаем разумом. Дальнейшая история мысли продолжает чередование эпох, при котором онтогносеологический пафос сменяется социально-этическим. Таким образом, мы можем констатировать целую последовательность эпох, в которых онтогносеологический пафос отражал доминацию концептуальных мировоззренческих проблем и путей их решения разумом. В силу этого внутри каждой такой эпохи, которая может быть названа аналитической, должно существовать если не единство проблемного поля, то, по крайней мере, принципиальное понимание концептуальных задач смежной дисциплины. Такое понимание возможно только при существовании универсального методологического подхода. Этот подход позволяет выявить общность теоретических задач онтологии и гносеологии, оставляя, вместе с тем, за каждой из них область автономного существования.

Однако при его фактическом наличии вплоть до XX в. никто не пытался осмыслить этот подход на концептуально-теоретическом и методологическом уровне. Впервые такую попытку предпринимает выдающийся отечественный философ М.А. Лифшиц. Он первым показал, что онтология несводима к сумме своих проблем, поскольку каждая из них требует решения, а решение как таковое относится не к онтологической, а к гносеологической сфере философии. Это означает, что примат онтологии как главной философской дисциплины оказывается под сомнением. С одной стороны, какую бы философскую проблему мы не взяли, сам факт ее наличия будет свидетельствовать о присутствии в ней онтологического момента. В этом отношении в каждой философской дисциплине присутствует нередуцируемый онтологический

остаток, что свидетельствует о том, что ни одна философская дисциплина не существует в чистом в-себе-и-для-себя виде. С другой стороны, онтология как философская дисциплина обладает таким статусом исключительно в силу познавательной способности ума, сообщающего ей гносеологический модус. Следовательно, вопрос о первичности бытия или познавательной способности разума имеет смысл только в границах философии как научной дисциплины. (То есть, по сути, так называемый основной вопрос философии есть не более, чем спор за примат в иерархии философских дисциплин между онтологией и гносеологией). А.Н. Огнев по этому поводу замечает: «Условное единство бытия и мышления, декларируемое теорией, не заключает в себе реальности в ее полноте, а только указывает на возможность опосредствования, действительность которого противостоит реальности в том ее виде, в котором последнее идеализируется в аспекте своей сводимости к каким-либо номотетически-трактуемым прецедентам детерминизма» [3, с. 72]. Это означает, что даже дисциплина, занимающаяся чистым и всеобщим бытием, сама этой предметной чистоты лишена, ибо как только она приступает к анализу тех или иных феноменов этого бытия, то неизбежно оказывается в гносеологической системе координат, поскольку познание понимается в данном случае не как объективно сущий феномен, а как инструмент. Все это свидетельствует о том, что чистая методология той или иной философской дисциплины может существовать только на уровне идеи, но никак не реальности, ибо, как уже было указано, методы каждой из дисциплин испытывают неизбежное влияние со стороны смежных.

Каждая философская дисциплина, помимо онтологического, обладает также обязательным гносеологическим аспектом. К любой задаче, независимо от ее содержания, – будь то эстетическая, аксиологическая и пр., разум приступает только задействуя свой гносеологический инструментарий, то есть отвечает своему собственному назначению. Следовательно, любой раздел философии, любая философская задача, помимо своего собственного содержания, обладает и онтогносеологическим содержанием, которое предполагает для своей деятельности следующую методологию: любая задача раскрывает свое содержание не только через свою индивидуальность, но также и через всеобщность. Частные черты рассматриваются в границах специфической дисциплины, а всеобщие – в пределах онтогносеологии. Она как метод предполагает установление всеобщей сущности феномена и форм его познания разумом. Соотношение этих двух форм приводит к появлению онтогносеологического стиля мышления, который при рассмотрении любого феномена не только видит его предметную специфику, но и устанавливает сущностно познаваемую природу. Следование этому стилю рождает соответствующую методологию. Она основана на тех же принципах, что и онтогно-

сеологический стиль мышления, но является его практической реализацией в научной деятельности.

Таким образом, онтогносеология возникает как результат общности и взаимообусловленности онтологии и гносеологии, наличия системы смежных проблем и взаимоперехода терминов. Понимаемая в качестве методологии, она может и должна быть использована в качестве общей во всех философских дисциплинах, подтверждая, тем самым, универсальность философского знания.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. – В 4 т. Т. 1. Метафизика / Аристотель – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Аристотель. Сочинения. – В 4 т. Т. 4. Никомахова этика / Аристотель – М.: Мысль, 1984. – 830 с.
3. Огнев А.Н. Теоретические предпосылки и перспективы онтогносеологии / А.Н. Огнев // Аспирантский вестник Поволжья. Философские науки. – 2016. – № 7–8. – С. 71–77.
4. Спиноза Б. Избранные произведения. – Т. 1. Этика / Б. Спиноза. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. – 629 с.
5. Шопенгауэр А. Собрание сочинений. – В 6 т. Т. 1. Мир как воля и представление / Шопенгауэр А. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 1999. – 496 с.

METHODOLOGICAL GROUNDS OF ONTOGNOSEOLOGY

*S.V. Yurovitskii*¹

Samara state academy for gifted children (Nayanova), Samara, Russia

E-mail: ystas79@yandex.ru

Abstract. *The article focuses on the conditions, under which the method of ontognoseology emerges in philosophical cognition. Its general characteristics and the overview of philosophical prerequisites, necessary for its nascence are presented in the article. Differentiation and contiguity of ontology and gnoseology are defined and the conditions which make this contiguity possible are determined. In the conclusion the sequential shift of these two periods in the history of philosophy is determined. The notion of ontognoseological style of thinking is introduced in its relevance to the adjacent method.*

Key words: *ontology, gnoseology, ontognoseology, methodology, concept, world view.*

¹YUROVITSKY Stanislav Vitalievich, Candidate of Philosophy, senior researcher of the research sector of the Samara state academy for gifted children

ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ В БИОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БИОЛОГИЯ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ

С.Х. Аль-Зубайди¹

ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара, Россия
E-mail: sura.alzubaidi@yandex.com

Аннотация: В биологических и биомедицинских исследованиях подавляющее большинство ресурсов сосредоточено на проведении экспериментов. И только небольшое количество научных ресурсов направлено на разработку гипотез и предварительное моделирование. Последствием такого противоречия является то, что большая часть проведенных экспериментов не имеет научного значения и ценности. С учетом ограниченных ресурсов, доступных для исследований, перенаправление значительного их количества от экспериментальной к теоретической и модельной деятельности окажет большее влияние на разрешение научных задач. Эмпиризм отличается от других концепций познания тем, что почти полностью полагается на опыт в качестве основного источника познания. Он основан исключительно на эксперименте и наблюдении. Сила эмпиризма заключается в его конкретной привязанности к физической реальности изучаемой системы. Однако его слабые стороны становятся все более очевидными по мере увеличения сложности системы. Например, в биологических системах, где мы часто сталкиваемся с множеством интерактивных, динамических, нелинейных процессов, встроенных в составные координационные структуры, становится практически невозможным интуитивно понять основные принципы и теоретические рамки, с помощью которых система работает.

Ключевые слова: классическая генетика; причинно-следственная связь; экспериментальные вмешательства; определение отношений; экспериментальные системы; модельные организмы

Введение

Философия биологии напрямую связана с научными теориями. Эволюционная теория – теория, которая на сегодняшний день вызывает наибольший интерес. В философии биологии был период, когда эта область была почти идентична философии эволюционной теории, особенно если в эту область включить дискуссии о природе видов. С 1960-х гг. и почти до 1990-х гг. единственной обсуждаемой неэволюционной темой была проблема редукции классической генетики к молекулярной генетике. В 1990-х гг. специали-

¹ АЛЬ-ЗУБАЙДИ Сура Хасан, магистр ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

сты в этой области начали переходить к другим областям биологии, таким как клеточная биология, молекулярная биология, иммунология, нейробиология, а также к решению философских вопросов [1, 2; 12; 31]. Поскольку это глубоко экспериментальные дисциплины, повышенное внимание к эксперименту в биологии было неизбежно. Таким образом, то, что обычно называют «новым экспериментом» в общей философии науки, становилось более или менее независимым в философии биологии. Возможно, повышенное внимание к экспериментам было вызвано в большей степени влиянием историков биологии и их практического поворота, чем благодаря «новым экспериментаторам» в общей философии науки [4; 3]. Во всяком случае, сегодня существует множество исторических и философских исследований, которые тщательно изучают то, что происходит в биологических лабораториях. Часть этой литературы относится к классическим проблемам философии, но имеются исследования и новых философских оснований.

В философии биологического экспериментирования имеются проблемы, которые возникают и в других экспериментальных науках, например, проблемы, связанные с причинно-следственной связью, экспериментальным тестированием, достоверностью данных, проблемой экспериментальных артефактов и рациональностью научной практики. Экспериментальные биологические знания в достаточной степени отличаются от других видов научных знаний, что, конечно, заслуживает отдельного философского рассмотрения. Кроме того, есть проблемы, которые возникают исключительно в биологии. Так, например, подробно обсуждаемая проблема наличия мезосомы. В течение более 20 лет (примерно 1960–1983 гг.) считалось, что это мембранная структура внутри бактериальных клеток, мало чем отличающаяся от ядра или митохондрий клеток высших организмов. Однако это можно обнаружить только в электронной микроскопии, клетки должны быть химически стабильными, а образцы должны быть защищены от воздействия замерзшей воды. Материал следует разрезать на очень тонкие полоски, так как электронный луч не обладает большой проникающей силой. Электронные микроскопы использовали два разных метода: первый включает слияние клеток перед тем, как разрезать их очень острыми ножами (так называемые мелкие частицы). Другой метод использовал быстрое замораживание с последующим разрушением клеток вдоль их мембран. Начали накапливаться подозрения, что лизосомы были действительно микроскопическим артефактом. В конечном итоге, к середине 1980-х гг. после более чем двух десятилетий исследований этих структур микробиологи и специалисты по электронной микроскопии пришли к единому мнению.

В литературе существуют различные интерпретации этого эпизода. Так, Расмуссен [5], по сути, дал социальное объяснение возникновению и исчезновению мезосомы. Его теория подверглась широкой критике. Другие пыта-

лись доказать, что такая теория задает некоторые методологические критерии работе Калпа [6]. Этот случай иллюстрирует актуальность критерия прочности в реальной научной практике. Согласно Калпу, метки были приняты как реальная сущность, если надежный набор данных (то есть разнообразие, основанное на теории) обеспечивал признаки его существования. Когда данные изменились и доказательства против мезосомы стали более сильными, чем доказательства в ее пользу, они были отвергнуты биологами.

Как следует из этих рассуждений, расчет Калпа требует, чтобы сила выражалась в градусах, и поэтому должен быть какой-то способ сравнения степеней силы. Случай мезосом показывает, что в реальных случаях доказательства некоторых теоретических сущностей противоречивы [7]; то есть некоторые результаты подтверждают наличие мезосом, а другие – нет. Но это означает, что сила как стандарт не может дать однозначных результатов, если не существует какого-либо иного способа сказать, какой набор данных является более мощным. Таким образом, когда данные противоречивы, стандарт долговечности не может решить проблему надежности данных.

1. Эксперимент и причинно-следственная связь

1.1. Методы Милля в экспериментальной биологии

Причинно-следственные связи пытаются реконструировать, а иногда и оправдывать правила, которые позволяют ученым выводить причинно-следственные связи из данных. Одна из самых первых таких попыток принадлежит Джону Стюарту Миллю [8], который представил систематический отчет о причинно-следственной связи, состоявший из пяти различных «методов»: метод согласия, метод различия, совместный метод согласия и разницы, метод остатков и метод сопутствующего изменения. Хотя некоторые из этих «методов» в большей степени относятся к наблюдению, в частности, «метод различий» широко квалифицируется как воплощение важного принципа научного мышления, основанного на эксперименте. Сам Милль охарактеризовал это следующим образом: «Если случай, в котором происходит исследуемое явление, и случай, в котором оно не возникает, имеют все общие обстоятельства, кроме одного; обстоятельство, в котором только эти два случая различаются, является следствием или причиной, или неотъемлемой частью причины явления» [8]. Таким образом, метод различий Милля рассматривает две ситуации: одна, в которой происходит исследуемое явление, и другая – в которой оно не происходит. Если можно определить фактор, который является единственным отличием между этими двумя ситуациями, то этот фактор должен быть причинно значимым.

Как отметил Милль, метод различий особенно уместен для экспериментального исследования, потому что такое различие, которое требуется для этого метода, часто может быть вызвано экспериментальным вмешатель-

ством. Действительно, согласно позиции, известной как интервенционизм в отношении причинности, существует тесная связь между концепцией причины и экспериментальными вмешательствами [9].

Метод различий Милля отражает важный тип рассуждений, который часто используется в биологических экспериментах. Предположим, что мы хотим выяснить, является ли недавно обнаруженное соединение антибиотиком, то есть ингибирует ли рост некоторых бактерий. Мы начнем с разделения бактериальной клеточной культуры на несколько аликвот (образцы одинакового размера, полученные из гомогенного раствора). Затем мы добавляем к одной группе аликвот подозреваемый антибиотик, который растворяется в фосфатном буфере («обработка»). К другой группе мы добавляем только фосфатный буфер («контроль»). Затем мы регистрируем рост бактерий во всех образцах (например, измеряя увеличение оптической плотности по мере того, как культуральная среда возрастает из-за роста бактерий). Эта экспериментальная установка гарантирует, что образцы для обработки и контроля отличаются только присутствием или отсутствием антибиотика, таким образом, исключая, что любая наблюдаемая разница в росте между аликвотами лечения и контроля вызвана не подозреваемым антибиотиком, а буферным раствором. Обозначим антибиотик как «А», а задержку роста как «W». Таким образом, биологи из этого эксперимента сделают вывод, что А является антибиотиком, если W наблюдается в образцах, содержащих А, но не в образцах, не содержащих А.

Милль истолковал этот «метод» в терминах принципа индуктивного вывода, который можно обосновать прагматически. Тем не менее, интересно отметить, что этот принцип также можно рассматривать как создание формы дедуктивного вывода.

1.2. Механистическая конституция и межуровневые эксперименты

Экспериментальная методология традиционно была связана с выводом причинных зависимостей. Тем не менее, последние исследования показывают, что следует расширить сферу его применения. Значительная часть научных документов подтверждает, что многие биологические исследования лучше всего описываются с точки зрения поиска механизмов, которые могут быть поняты как совокупности сущностей и видов деятельности, создающих феномен, который хотят понять биологи [10; 11; 12; 13]. Механизмы – это то, к чему стремится биологическая наука, и средство для этой цели, поскольку эскизы или схемы механизмов могут помочь ученым в обнаружении недостающих частей [14; 15].

Согласно Craver, мы должны различать два вида отношений, составляющих механизмы: причинные и определяющие отношения. Первый вид может иметь место между различными частями механизма. Например, в основном

механизме синаптической передачи в терминальной части нейрона приток кальция вызывает высвобождение нейротрансмиттера в пространстве между синаптическим терминалом и постсинаптической клеточной мембраной. Эту причинно-следственную связь можно понять так, как обсуждалось выше. Другой тип отношений, механистическая конститутивная значимость (или просто механистическая конституция), сохраняется между частями механизма и явлением. Например, приток кальция в аксонный терминал вместе с другими событиями представляет собой феномен синаптической передачи. Craver утверждает, что это не причинно-следственная связь, потому что не может рассматриваться как отдельная и непересекающаяся.

Но что определяет конститутивную актуальность? Вдохновленный интервенционизмом в отношении причинности, Крейвер утверждал, что он лучше всего определяется теми видами вмешательств, которые используются биологами, чтобы выяснить, являются ли некоторые объекты и связанные с ними действия частью механизма: определенными видами экспериментов. В частности, существует два вида так называемых межуровневых экспериментов, комбинация которых устанавливает определяющую значимость. В первом виде вмешательство выполняется в некоторой части, и в изучаемом явлении наблюдаются последующие изменения. Чтобы вернуться к нашему синаптическому примеру, можно использовать антагонист кальция, чтобы показать, что предотвращение связывания ионов кальция с их рецепторами предотвращает высвобождение нейротрансмиттера. Это эксперимент снизу вверх. Второй вид межуровневого эксперимента вмешивается в явление в целом, чтобы увидеть некоторые изменения в деталях. Например, стимуляция синаптической передачи путем увеличения скорости, с которой потенциалы действия достигают терминала, приведет к измеримому увеличению притока кальция на этом терминале. Это можно сделать, например, попросив субъекта выполнить когнитивную задачу (например, попытаться запомнить что-то) и наблюдая за изменениями концентрации кальция с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Таким образом, механистическая конституция определяется взаимной управляемостью частей механизмов и механизма в целом.

Недавние дебаты поставили под сомнение проблему взаимной манипулируемости [17, 19]. Одна из проблем заключается в том, что межуровневые эксперименты обязательно являются «жирными» [20], поскольку они изменяют значения, по меньшей мере, двух разных переменных, находящихся на разных уровнях (например, связывание кальция и синаптическая передача, где первая является частью последнего). Но это грозит подорвать выводы о механистической конституции. Возможное решение может состоять в том, чтобы выводить составляющие абдуктивно, устанавливая определяющие от-

ношения как лучшее объяснение наличия общих причин, которым неразрывно коррелируют явления и их составляющие [21].

Таким образом, для открытия механизмов в биологии может потребоваться набор экспериментальных принципов мышления, которые должны дополнять методы Милля, даже если между этими принципами и более известными принципами причинно-следственного вывода есть значительное сходство [22].

2. Основные экспериментальные доказательства

2.1. Предсказание Дюема и спор об окислительном фосфорилировании

Учебники по биологии изобилуют известными экспериментами, которые представлены как обеспечивающие важные экспериментальные доказательства для некоторых гипотез. Назовем лишь несколько примеров: считается, что Освальд Эйвери, Колин МакЛауд и Маккарти установили ДНК в качестве носителя наследственной информации в результате ряда экспериментов по трансформации с использованием бактерии, вызывающей легочную инфекцию, пневмококк. Matthew Meselson и Frank Stahl [24] провели эксперимент, в котором, как широко полагают, были получены доказательства того, что репликация ДНК является полуконсервативной, а не консервативной или диссипативной (это означает, что вновь образованная двойная спираль ДНК содержит одну неповрежденную цепь от родительской молекулы и одну вновь синтезированную цепь). Считается, что Ephraim Racker и Walter Stoeckenius [25] представили экспериментальные доказательства того, что удалось урегулировать давнюю полемику (известную как «окислительное фосфорилирование, или спор ox-phos») относительно того, является ли дыхание и образование богатого энергией соединения АТФ в митохондриях связанными через химический промежуточный или протонный градиент.

Многие философы-биологи скептически относились к возможности таких «решающих экспериментов». Наиболее известными являются аргументы, представленные Duhem [26], который утверждал, что критические эксперименты невозможны (в физике), потому что, даже если им удастся устранить ложную гипотезу, это не доказывает, что оставшаяся гипотеза верна. Ученые, в отличие от математиков, никогда не располагают полным набором гипотез, одна из которых должна быть верной. Всегда возможно, что истинная гипотеза еще не была задумана, поэтому устранение всех гипотез, кроме одной, путем критических экспериментов не обязательно приведет к истине.

Исходя из таких соображений, можно утверждать, что функция предполагаемых критических экспериментов является скорее педагогической, чем доказательной. Чтобы оценить это утверждение, я рассмотрю два примера более детально, а именно спор об ox-phos и случай Мезельсона-Шталь.

Спор об ox-phos был связан с механизмом, посредством которого дыхание (то есть окисление богатых энергией соединений) связано с фосфорилированием АДФ (аденозиндифосфата) до АТФ (аденозинтрифосфата). Обратная реакция, гидролиз АТФ до АДФ и неорганического фосфата, используется клетками для питания многочисленных биохимических реакций, таких как синтез белков, а также малых молекул, репликация ДНК, энергия для сокращения также обеспечивается гидролизом АТФ. Таким образом, АТФ функционирует как универсальная биохимическая батарея, которая используется для питания всех видов клеточных процессов. Так как же элемент может использовать химическую энергию, содержащуюся в пище, для зарядки этих батарей? В первую очередь был описан гликолиз, деградация сахара. Этот путь не требует кислорода. Расщепление сахара используется клеткой для получения активированного фосфатного соединения – так называемого высокоэнергетического промежуточного соединения, которое впоследствии переносит свою фосфатную группу в АДФ для образования АТФ.

Уже в 1940-х гг. стало ясно, что это не единственный процесс, который создает АТФ, поскольку он является анаэробным (не требует кислорода) и не очень эффективен. Полное расщепление молекул пищи требует кислорода. Ханс Кребс показал, что оно происходит в циклической реакции, известной сегодня как цикл Кребса. Цикл Кребса генерирует соединение, называемое восстановленным NADH (никотинамид-адениндинуклеотид). Начиная с 1940-х гг., в биохимии стоял вопрос, как это соединение окислялось и как это окисление сочеталось с фосфорилированием АДФ. Естественно, биохимики искали высокоэнергетический промежуточный продукт, поскольку он использовался в гликолизе. Однако это промежуточное звено оказалось неуловимым.

В 1961 г. британский биохимик Митчелл [27] предложил механизм окислительного фосфорилирования (когда этот процесс стал известен), который не требовал высокоэнергетического промежуточного соединения. Согласно схеме Митчелла, NADH поэтапно окисляется на внутренних мембранах митохондрий (внутриклеточных органелл, связанных мембранами, которые канонически называют электростанциями клетки). Этот процесс происходит асимметрично по отношению к мембране, так что происходит чистый транспорт протонов через мембрану (позже было показано, что протоны действительно транспортируются через белковые поры в мембране).

3. Экспериментальные системы и модельные организмы

В первых двух разделах эксперименты рассматривались, главным образом, как способы проверки теоретических гипотез и причинно-следственных связей, в которых традиционная философия науки видела свою главную роль.

Тем не менее существует значительный объем научных исследований в области истории и философии биологии, который показывает, что этим не исчерпывается роль экспериментов. Эксперименты – повторяя знаменитый лозунг Яна Хаккинга – «имеют собственную жизнь» [4]. Многие из того, что происходит в биологической лаборатории, не имеет целью проверить предвзятую теорию. Например, многие эксперименты играют исследовательскую роль, то есть они помогают ученым в обнаружении новых явлений, которые, возможно, еще не имеют теоретического описания или даже не имеют четких идей. Исследовательские эксперименты были сделаны в истории и философии физики [28], а также в биологии [29; 30]. Эти исследования показывают, что развитие любой дисциплины в экспериментальной биологии невозможно понять, сосредоточившись лишь на теориях и попытках подтвердить или опровергнуть эти теории. Экспериментальная практика просто не организована вокруг теорий, особенно в области биологии. Если это так, мы должны спросить, в каких других терминах эта практика может быть объяснена или реконструирована. Недавние исследования были сосредоточены, в частности, на двух видах существ: модельные организмы и экспериментальные системы.

3.1. Модельные организмы

Какой будет современная биология без ее модельных организмов? Приведем лишь несколько примеров. Классическая генетика была разработана главным образом, путем экспериментов с плодовыми мушками вида *Drosophila melanogaster*. Этот же организм в последнее время также был в центре увлекательной работы в области биологии развития вместе с нематодой *Caenorhabditis elegans* и рыбой *Brachydanio rerio*. Первоначально молекулярные биологи в основном работали с бактерией *Escherichia coli* и бактериофагом (вирусами, которые заражают бактерии). Нейробиологи многим обязаны кальмару с его гигантскими аксонами. Для иммунологии мышь *Mus musculus* оказалась бесценной. Фаворитом молекулярной биологии растений является *Arabidopsis thaliana*. Клеточная биология обнаружила в пекарских дрожжах *Saccharomyces cerevisiae* организм, который так же легко размножается, как и кишечная палочка, но его клетки больше похожи на клетки животных и человека. Этот список можно продолжать.

По сравнению с полевой биологией число видов, которые изучаются в экспериментальных науках о жизни, настолько мало, что для большинства из этих модельных организмов сегодня доступны полные последовательности геномной ДНК. Может показаться несколько парадоксальным, что именно эти экспериментальные биологические дисциплины ограничивают свои исследования мельчайшей частью разнообразия жизни, стремясь к максимальной универсальности. Для целей изучения модели организм часто должен получать знания, которые действительно не только для одного вида, но и

для многих видов, иногда включая людей. Прежде чем обсуждать этот эпистемологический вопрос, уместно рассмотреть некоторые результаты исторического и философского анализа исследований модельных организмов.

3.2. Экспериментальные системы

Модельные организмы в значительной степени сформировали развитие экспериментальной биологии и продолжают это делать сейчас. Другим важным объектом являются так называемые экспериментальные системы. Их не следует путать с модельными организмами: последний является биологическим видом, который разводят в лаборатории для экспериментальной работы. Экспериментальная система может включать один или несколько модельных организмов, и большинство модельных организмов используются в нескольких экспериментальных системах. Экспериментальная система обычно состоит из определенных исследовательских материалов (которые могут быть получены из модельного организма), подготовительных процедур, измерительных инструментов и процедур анализа данных, которые взаимно адаптированы друг к другу.

Экспериментальные системы являются основой отчета Райнбергера [31] об исследованиях синтеза белка в середине XX в. Райнбергер характеризует экспериментальные системы как «системы манипулирования, предназначенные для того, чтобы давать неизвестные ответы на вопросы, которые сами экспериментаторы еще не могут четко задать», а также как «наименьшие интегральные рабочие единицы исследования». Он утверждает, что исследования в экспериментальной биологии всегда «начинаются с выбора системы, а не с выбора теоретической основы». Затем он следует определенной экспериментальной системе во времени и показывает, какое она оказала сильное влияние на развитие биологии. Рассматриваемая система представляет собой так называемую *in vitro* систему для синтеза белка, которая была разработана в лаборатории поля замечника в массачусетской больнице общего профиля в 1950-х гг. (*in vitro* означает, что выращено в пробирке, вне живого организма). Это основано на клеточном экстракте, полученном первоначально из бактерий, а позже и от других организмов, включая кроликов и дрожжи. Клеточный экстракт готовят таким образом, чтобы сохранить функциональность механизма синтеза белка. Вместо РНК, которые естественным образом встречаются в организме-источнике, система *in vitro* может быть «запрограммирована» с помощью экзогенной или даже искусственной РНК. Кроме того, экспериментальная система содержит процедуры измерения (иногда называемые «анализами» в экспериментальной биологии) для активности синтеза белка. Одним из таких методов является измерение включения радиоактивности, вносимой аминокислотами, содержащими радиоизотоп, такой как сера-35. Но были и иные методы. Вероятно, наиболее известным эксперимен-

том, выполненным с такой системой, является эксперимент Митчелла. Эти исследователи добавили искусственную РНК, а именно поли-U (U или урацил является одним из четырех оснований РНК) в систему *in vitro* и показали, что она продуцирует полипептид (= белок), содержащий только аминокислоту фенилаланин. Таким образом, они «взломали» первое «слово» генетического кода, а именно UUU для фенилаланина.

4. Экспериментирование, рациональность и социальная эпистемология

Имеется достаточно доказательств того, что биологические исследования не соответствуют образу науки, согласно которому теоретик ставит экспериментатору определенные вопросы, а последний своими экспериментами пытается найти решающий ответ на эти вопросы и другие. Все остальные вопросы он старается исключить [32]. По словам Райнбергера, многие экспериментальные исследования в области биологии не направлены на проверку предвзятых теорий. Однако иногда теории или теоретические основы фактически принимаются научным сообществом, в то время как другие заброшены. Даже если верно, что большинство исследований не нацелено на проверку теорий, исследования могут подорвать некоторые теоретические идеи и поддержать другие, вплоть до того, что одна структура будет выбрана, а другая отвергнута. Как делаются такие выборы? Какими принципами они руководствуются? И действительно ли выбор демонстрирует некую эпистемологическую рациональность, как думает большинство философов науки, или они просто отражают интересы или большие культурные изменения в обществе, как думают многие социологи и историки науки?

На такие вопросы, как известно, сложно ответить. Те, кто предпочитает рациональное представление о научных изменениях, должны продемонстрировать, что их предпочтительные эпистемологические нормы фактически определяют выбор, сделанный учеными. Это оказалось трудным. Если мы повторно рассмотрим случай из раздела 3, то обнаружим противоречие в окислительном фосфорилировании. В этой связи существует социологический отчет [33], а также различные философские отчеты, которые даже не сходятся в том, как объяснить научные изменения.

Те, кто считает, что научные изменения исторически обусловлены, теоретически должны быть в состоянии оправдать исторические контрафакты вида, «если бы социальный/культурный контекст в какой-то момент времени был другим, ученые приняли бы другие теории или другие экспериментальные системы, модельные организмы и т.д. Возможно, есть способ согласовать две перспективы. В последние годы появился новый тип эпистемологии, который не видит противоречий в понимании науки как глубоко социальной деятельности и в то же время рациональной. Это, конечно, социальная эпистемология [34; 35]. Социальные эпистемологи

пытаются показать, что социальные взаимодействия в научных группах или сообществах могут привести к рациональной практике, хотя, возможно, это не совсем так, как ее представляли эпистемологические индивидуалисты.

Может ли быть социальный отчет о научных изменениях в экспериментальной биологии? Конечно, такой отчет не должен возвращаться к теоретическому взгляду на науку, а должен рассматривать теории как встроенные в некоторую практику. Чтобы увидеть, как это возможно, лучше рассмотреть случай классической генетики.

5. Биология развития

Биология развития – это наука, объясняющая, как различные взаимодействующие процессы генерируют гетерогенные формы, размеры и структурные особенности организма, которые возникают на протяжении развития от эмбриона до взрослого. Результаты этих экспериментов были чрезвычайно важны для эмбриологии и Дриша [36] в частности. Во-первых, Дриш продемонстрировал, что ожидаемая активность изолированного реумеромера (типы клеток, которые могли образоваться) была больше, чем его вероятная судьба. Дриш пришел к выводу, что эмбрион морского ежа является «однородной сбалансированной системой», поскольку все его потенциальные независимые части могут работать вместе, чтобы сформировать единое существо. В-третьих, он пришел к выводу, что судьба ядра зависит только от его расположения в зародыше. Дриш постулировал серию событий, в которых эволюция осуществлялась посредством взаимодействия ядра и цитоплазмы. Эта поразительно современная концепция цитоплазматической ядерной реакции и ядерного паритета в конечном итоге побудила Дриша отказаться от науки. Поскольку эмбрион можно разделить на части, каждая из которых может реконфигурировать весь организм, они больше не могут визуализировать его как физическую машину. Другими словами, Дриш пришел к убеждению, что эволюция не может быть объяснена материальными силами. На обратном пути к Аристотелю он вызвал жизненную силу, энтелехию – «внутреннюю силу, ориентированную на цель», чтобы объяснить, как происходит развитие.

Как динамические отношения между, казалось бы, однородными компонентами на ранних стадиях зародыша производят единый целый организм, содержащий гетерогенные части в соответствующем расположении и с правильными взаимосвязями? Более кратко, как мы можем объяснить онтогенез? В своих работах о живом Аристотель провел первое систематическое исследование развития и выявил ключевые проблемы, касающиеся возникновения и взаимосвязи между иерархически организованными частями (например, костью и анатомическими особенностями, содержащими кость), а также сложность определения того, как морфологическая форма закрепляется у потомства (например, типичная форма и структура придатков у конкретного вида).

Этот вопрос оставался острым в течение долгого периода и был исследован многими ключевыми фигурами, пишущими в то время, включая Уильяма Харви, Рене Декарта, Роберта Бойля, Пьера Гассенди, Николаса Малевбранша, Готфрида Вильгельма Лейбница, Анны Конвей, Иммануила Канта и другие [37]. Наблюдения за переходами жизненного цикла, такими как метаморфозы, способствовали этим усилиям и привели к поразительным выводам, таким как отказ Лейбница от поколения в поколение.

Основной темой, которая кристаллизовалась в этой истории исследований, является различие между эпигенезом и преформацией. Сторонники эпигенеза утверждали, что гетерогенные, сложные признаки формы возникают из однородных, менее сложных эмбриональных структур через интерактивные процессы. Таким образом, объяснение онтогенеза этих особенностей формы требует учета того, как происходят взаимодействия. Сторонники преформации утверждали, что сложная форма уже существует в зародыше и «разворачивается» посредством обычных процессов роста. Адекватное объяснение включает в себя детализацию, как происходит рост. Хотя преформация имеет более легкое объяснение того, как форма возникает во время онтогенеза (при условии, что рост легче объяснить, чем взаимодействия процессов), она также должна учитывать, как формируется начальная точка следующего периода с необходимыми гетерогенными сложными признаками.

6. Эпистемологическая организация биологии развития

Одной из повторяющихся тем в долгой истории исследований развития является то, что объяснение онтогенеза формы состоит из множества взаимосвязанных вопросов о разнообразных явлениях. Иногда философы пытались сжать эти вопросы в одну общую проблему.

Настоящий вопрос, касающийся онтогенеза метазоа, заключается в том, как одна клетка дает необходимое количество дифференцированных клеточных линий со всеми правильными индуктивными взаимодействиями развития, необходимыми для воспроизведения формы зрелого организма.

Центральная проблема биологии развития заключается в понимании того, как относительно простая и однородная клеточная масса может дифференцироваться в относительно сложный и гетерогенный организм, очень похожий на своего предшественника (ей) в соответствующих отношениях. Это не новая проблема. Некоторое время назад в биотехнологическом сериале появилась реклама Энциклопедии мышинового генома. Слоган гласил: «Полная мышшь» (требуется сборка) [39, с. 136]. Это действительно тяжеловыполнимое требование, поскольку процесс сборки вполне может оказать существенное влияние на конечный результат для организмов, считающихся «готовыми к сборке» из великой ДНК и различных материалов.

7. Модельные организмы для изучения развития

Модельные организмы занимают центральное место в современной биологии и исследованиях эмбриогенеза. Биологи используют только небольшое количество видов для экспериментального выяснения различных свойств онтогенеза. Эти экспериментальные модели позволяют ученым глубоко исследовать процесс разработки и облегчают точный анализ причинно-следственных связей. Критики подвергли это сомнению: являются ли эти модели хорошими представителями для других видов из-за особенностей, таких как быстрое развитие и короткое время генерации, и проблемных предположений относительно сохранения функций генов и регуляторных сетей.

Caenorhabditis elegans не является репрезентативным для нематод с точки зрения формирования паттернов и спецификации клеток, а образование придатков рыбок данио является плохим показателем развития придатков у четвероногих.

8. Развитие и эволюция

Отношения, которые возникают между развитием и эволюцией, являются сложными и находятся в процессе постоянного изучения. В рыхлом конгломерате исследовательских программ преобладают две основные оси: эволюция развития, или исследование характера и процессов изменения онтогенеза и изменений во времени; и основания эволюции, или исследование причинного влияния онтогенетических процессов на эволюционные траектории – как с точки зрения ограничений, так и облегчения. Два примера, где рассматриваются концепции и практики столкновения между биологией развития и эволюцией: проблемный призыв к функциональной гомологии в генетике развития, который призван подтвердить эволюционные обобщения в отношении онтогенеза, и противоречие между использованием нормальных стадий для исследования развития и определением эволюционной значимости фенотипической пластичности. В этих случаях раскрываются некоторые философские проблемы, связанные с тем, как развитие и эволюция могут быть связаны друг с другом.

9. Функциональная гомология в генетике развития

Консервативная роль генов *Hox* в формировании осевого паттерна упоминается как функционально гомологичная у животных, помимо отношения структурной гомологии, которое достигается между последовательностями ДНК. И все же «функциональная гомология» является противоречием в терминах, потому что определение гомолога – это «один и тот же орган у разных животных при любом разнообразии форм и функций» – потомок, эволюционное различие между гомологией (структурой) и аналогией (функцией) основан на этом признании. Следовательно, идея функциональной гомологии

представляется теоретически запутанной, и в ее использовании молекулярными биологами развития существует концептуальная напряженность.

10. Заключение

В этой статье была рассмотрена лишь небольшая часть работ, имеющих отношение к важности и перспективности концептуального осмысления эпистемологии биологии развития. О каждой из перечисленных работ можно сказать гораздо больше. Кроме того, мало было сказано о том, как работает доказательство в биологических экспериментах или о различиях между подтверждающим и исследовательским экспериментами. Также я не рассматривала роль моделей, которые характеризуют ключевые практики в биологии развития. Последние были проанализированы благодаря повышенному вниманию к деталям конкретных исследовательских программ. Наконец, ничего не было сказано о метафизических значениях явлений развития (ключевой вклад в метафизику Аристотеля). Концепции потенциальности очень естественны в биологии развития (например, плюрипотентность стволовых клеток или способность зародышевого слоя давать различные виды тканевых линий). Это связано с тем, как мы понимаем диспозиции, потому что условия запуска часто бывают сложны и многократно реализованы (включая проявления без триггера), а также с тем фактом, что клетки демонстрируют диспозиции с несколькими возможными проявлениями (типами клеток) в определенных последовательных порядках. Таким образом, биология развития демонстрирует не только богатый набор материалов и концептуальных практик, которые можно проанализировать, чтобы лучше понять научное мышление, демонстрируемое в экспериментальной науке о жизни, но также указывает направление новых идей для метафизики, особенно когда это усилие в полной мере учитывает вклад эмпирически успешных наук.

Благодарности

Выражаю благодарность своему научному руководителю Шестакову Александру Алексеевичу за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Список литературы

1. Darden L. Theory Change in Science: Strategies from Mendelian Genetics / L. Darden. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
2. Burian R.M. How the Choice of Experimental Organism Matters: Biological Practices and Discipline Boundaries / R.M. Burian. – Synthese, 1992.
3. Franklin A. The Neglect of Experiment / A. Franklin. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
4. Hacking I. Representing and Intervening. Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science / I. Hacking. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

5. Rasmussen N. Facts, Artifacts and Mesosomes: Practicing Epistemology with the Electron Microscope / N. Rasmussen // *Studies in History and Philosophy of Science*. – 1993.
6. Culp S. Defending Robustness: The Bacterial Mesosome as a Test Case, in D. Hull, M. Forbes and R. Burian (eds.), *PSA 1994*, East Lansing: Philosophy of Science Association, 1994.
7. Stegenga J. Robustness, Discordance and Relevance / J. Stegenga // *Philosophy of Science*. – 2009.
8. Mill J.S., *Collected Works of John Stuart Mill*. – VII. System of Logic: Ratiocinative and Inductive. – London: Routledge, 1996 [1843].
9. Woodward J. *Creation of Things Happens: A Theory of Explaining Causality* / J. Woodward. – New York: Oxford University, 2003.
10. Machamer P. *Thinking About Mechanisms* / P. Machamer, L. Darden and C. Craver // *Philosophy of Science*. – 2000.
11. Glennan S. *Modeling Mechanisms* / S. Glennan // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. – 2005.
12. Bechtel W. *Discovering Cell Mechanisms: The Creation of Modern Cell Biology* / Bechtel W. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
13. Craver C. *Explaining the Brain: Mechanisms and the Mosaic Unity of Neuroscience* / Craver C. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
14. Darden. *Strategies in the Interfield Discovery of the Mechanism of Protein Synthesis* // Darden and C. Craver // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. – 2002.
15. Scholl R. *Discovery of Causal Mechanisms: Oxidative Phosphorylation and the Calvin-Benson Cycle* / R. Scholl, K. Nickelsen // *History and Philosophy of the Life Sciences*. – 2015.
16. Solomon M. *Social Empiricism* / M. Solomon. – Cambridge: MIT Press, 2001.
17. Leuridan B. Three Problems for the Mutual Manipulability Account of Constitutive Relevance in Mechanisms / B. Leuridan // *British Journal for the Philosophy of Science*. – 2012.
18. Harinen T. Mutual Manipulability and Causal Inbetweenness / T. Harinen // *Synthese*. – 2018.
19. Romero F. Why There Isn't Inter-Level Causation in Mechanisms / F. Romero // *Synthese*. – 2015.
20. Baumgartner. Constitutive Relevance, Mutual Manipulability and Fat-Handedness / Baumgartner, A. Gebharter // *British Journal for the Philosophy of Science*. – 2016.
21. Baumgartner. An Abductive Theory of Constitution / Baumgartner, L. Casini // *Philosophy of Science*. – 2017.
22. Harbecke, J. The Regularity Theory of Mechanistic Constitution and a Methodology for Constitutive Inference / J. Harbecke // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. – 2015.
23. Avery O.T. *Studies on the Chemical Nature of the Substance Inducing Transformation of Pneumococcal Types. Induction of Transformation by a Deoxyribonucleic Acid Fraction Isolated from Pneumococcus Type III* / Avery O.T., McLeod C.M., M. McCarthy // *Journal of Experimental Medicine*. – 1944.
24. Meselson M. *The Replication of DNA in Escherichia coli* / M. Meselson, F.W. Stahl. – *Proceedings of the National Academy of Science of the United States of America*, 1958.

25. Racker E. Reconstitution of Purple Membrane Vesicles Catalyzing Light-driven Proton Uptake and Adenosine Triphosphate Formation / E. Racker, W. StoECKENIUS // Journal of Biological Chemistry. – 1974.
26. Duhem P. The Aim and Structure of Physical Theory, P. Wiener (trans.) / P. Duhem. – Princeton: Princeton University Press, 1954 [1905].
27. Mitchell P. Coupling of Phosphorylation to Electron and Hydrogen Transfer by a Chemiosmotic Type of Mechanism / Mitchell P. – 1961.
28. Steinle F. Entering New Fields: Exploratory Uses of Experimentation / F. Steinle // Philosophy of Science (Proceedings). – 1997.
29. O'Malley M. Exploratory Experimentation and Scientific Practice: Metagenomics and the Proteorhodopsin Case / M. O'Malley // History and Philosophy of the Life Sciences. – 2007.
30. Waters C.K. What Was Classical Genetics? / C.K. Waters // Studies in History and Philosophy of Science. – 2004.
31. Rheinberger H.-J. Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube / H.-J. Rheinberger. – Stanford: Stanford University Press, 1997.
32. Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery / K.R. Popper. – London: Hutchinson Education, 1959.
33. Gilbert G.N. Opening Pandora's Box: A Sociological Analysis of Scientists' Discourse / G.N. Gilbert, M.J. Mulkey. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
34. Goldman A. Knowledge in a Social World / A. Goldman. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
35. Longino H.E. The Fate of Knowledge / H.E. Longino. – Princeton: Princeton University Press, 2002.
36. Driesch H. The potency of the first two cleavage cells in echinoderm development: Experimental production of partial and double formations / H. Driesch / In B.H. Willier and J.M. Oppenheimer (eds.), Foundations of Experimental Embryology. – Hafner, New York, 1892.
37. Smith J.E.H. (ed.). The Problem of Animal Generation in Early Modern Philosophy / J.E.H. Smith. – New York: Cambridge University Press, 2006.
38. Gilbert D.J. Organization, expression, and chromosomal location of the mouse insulin-like growth factor binding protein 5 gene / D.J. Gilbert, N.G. Copeland, P. Rotwein. – Genomics, 1994.
39. Gilbert S.F. Looking at embryos: The visual and conceptual aesthetics of emerging form / S.F. Gilbert, M. Faber // Aesthetics and Science: The Elusive Synthesis (A.I. Tauber, Ed.). – Kluwer Academic, Dordrecht, in press, 1996.

THEORY AND EXPERIMENT IN BIOLOGY. THEORETICAL BIOLOGY AS A PROBLEM OF MODERN BIOLOGY

S. Kh. Al-Zubaidi¹

Samara National Research University, Samara, Russia

E-mail: sura.alzubaidi@yandex.com

Abstract: *In biological and biomedical research, the vast majority of resources are concentrated on conducting experiments. And only a small amount of scientific re-*

¹ AL-ZUBAIDI Sura Hasan, a student of the Samara National Research University

sources are spent on developing hypotheses and preliminary modeling. The consequence of this contradiction is that most of the experiments carried out have little real scientific value and value. Given the limited resources available for research, the redirection of a significant amount from experimental to theoretical and model activities will have a greater impact on solving scientific problems. Empiricism differs from other epistemologies (theories of knowledge) in that it relies almost entirely on experience as the main source of knowledge. It is based solely on experimentation and observation. The strength of empiricism lies in its concrete attachment to the physical reality of the system under study. Its weaknesses become more obvious and serious as the complexity of the system increases. For example, in biological systems, where we often encounter many interactive, dynamic, non-linear processes embedded in composite coordination structures, it becomes almost impossible to intuitively understand the basic principles and theoretical framework with which the system works.

Keywords: *classical genetics; causal relationship; experimental interventions; defining relationships; experimental systems; model organisms.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 141

ДВЕ ИСТОРИОГРАФИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

С.Н. Корсаков¹

ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Аннотация: в результате продолжающегося культивирования иовчуковско-щипановской версии историографии истории русской философии терпит ущерб репутация этого научного направления. Решающую роль в его формировании играли не партийные чиновники, а те, кто добывал новое знание. Среди них преобладают отвергнутые системой И.К. Луппол, Л.О. Пипер, И.В. Фролов, Я.Д. Бетяев, Л.С. Гордон, А.И. Казарин, Л.А. Петров. Полезно актуализировать результаты исследований по мысли XVIII в. У.Я. Когана, В.И. Чучмарева. Важнейший пробел – невнимание к творчеству Л.Б. Светлова (Лехтблау), которым введено в научный оборот множество текстов малоизвестных и забытых русских мыслителей. Насущной задачей является создание фактографически обоснованной, освобожденной от идеологических шор историографии истории русской философии.

Ключевые слова: история философии, русская философия, советская философия, сталинские репрессии, И.К. Луппол, Л.О. Пипер.

Мы пока не имеем адекватной реальности историографии истории русской философии советского периода. Представления о советских историках русской философии 1920-60-х гг. находятся на донаучном уровне. Доминируют идеологические соображения. В качестве ключевой фигуры продолжают выдвигать Иовчука или Щипанова [6, с. 8–20].

Вопрос о степени серьезности проработки истории русской философии в советский период невозможно решить, не внося ясности в принципиальное разграничение авторов. В изучении истории русской философии в советский период была, с одной стороны, целая шеренга партийных начальников, которые профанировали историю русской философии, уверенно чувствуя себя на ниве этой «легкой» по их представлениям тематике. И были настоящие учёные.

В реальном исследовательском процессе решающую роль играли те, кто добывал в архивах новое знание, кто выполнял научно-исследовательскую работу (комментарии, указатели) при издании первоисточников. Сейчас помнят только о тех из них, кто дожил до 2000-х гг.: З.В. Смирнову, З.А. Камен-

¹ КОРСАКОВ Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН

ского, В.Ф. Пустарнакова. Не слишком ли их мало, чтобы объяснить существующий уровень исследований в области истории русской философии?

Как известно, начало научного изучения истории русской философии было положено книгой Г.Г. Шпета «Очерк развития русской философии» (1922). В работах Т.Г. Щедриной, В.К. Кантора философское творчество Г.Г. Шпета тщательно изучено на основе документального материала. В них высказано мнение, что «Очерк развития русской философии» Г.Г. Шпета писался как чисто литературное произведение, не предполагавшее своего использования в учебном процессе. Но сопоставление дат: 1921–1922 гг., наводит на мысль о более важном предназначении и о практическом характере данной работы. Ведь это годы создания Г.Г. Шпетом Института научной философии. Исследование архивных документов Института научной философии в Архиве РАН подтверждает это предположение. В протоколах заседаний коллегии ИНФ несколько раз приводятся слова Г.Г. Шпета о том, что история русской философии должна быть одной из приоритетных тем для исследований сотрудников ИНФ. Шпет прямо говорил о том, что он будет читать студентам МГУ курс истории русской философии.

В 1923 г. Шпет был снят с поста директора ИНФ. Но среди нового поколения философов нашлись люди, которые взялись за профессиональную разработку истории русской философии. Сегодня подлинные историки русской философии продолжают оставаться идеологически неприемлемыми фигурами. Никого из них нет в существующих словарях и энциклопедиях. Поэтому кратко о них следует сказать.

Как показали исследования, пионерами изучения истории русской философии в советский период после работы Г.Г. Шпета были И.К. Луппол, В.Я. Кирпотин, И.В. Фролов и Л.О. Пипер.

Выдающаяся роль инициатора и организатора изучения истории русской философии в нашей стране принадлежит академику И.К. Лупполу. В 1924–1925 гг. появились первые статьи И.К. Луппола с глубокой текстологической и аналитической разработкой вопросов русской философии XVIII–XIX вв. В 1927 г. И.К. Луппол в докладе на заседании Философской секции Коммунистической академии к 10-летию Октябрьской революции сказал о необходимости изучения русской философии. В 1927 г. И.К. Луппол стал ответственным секретарем Центрального бюро Секции научных работников Союза работников просвещения СССР, а в 1929 г. стал заведующим сектором науки Наркомата просвещения РСФСР. В установочных статьях об организации философского образования в стране И.К. Луппол писал о необходимости включать русскую философию в учебные планы [5, с. 68]. В 1928–1931 гг. И.К. Луппол возглавил в Институте философии историко-философский раздел готовившейся «Философской энциклопедии». В опубликованном плане-проспекте этого несостоявшегося труда мы видим, что предполагалось дать

обзор всех основных течений русской философской мысли XVIII–XX вв. [8]. В 1933 г. в Институте философии И.К. Луппол разработал программу много-томной «Истории философии». Издание вышло в 1941–1943 гг. уже после ареста И.К. Луппола. В проекте И.К. Луппола предполагался значительный раздел о русской философии XVII–XX вв. В 1933 г. И.К. Луппол начал вести курс истории русской философии в Институте красной профессуры философии. Кафедра, которой заведовал И.К. Луппол, разработала подробную вузовскую программу по истории русской философии от Киевской Руси до Бердяева и прочих философов-эмигрантов. В 1934 г. в СССР были введены ученые степени докторов и кандидатов наук. В 1934 г. под руководством И.К. Луппола впервые была проведена защита диссертации по истории русской философии. Защищалась его аспирантка И.А. Горина по философским взглядам Писарева. Оппонентами выступили В.Я. Кирпотин и Б.П. Козьмин. В 1938 г. И.К. Луппол начал издание серии первоисточников «Классики русской философии». Он запустил серию как академический проект Института философии АН СССР. В 1940 г. И.К. Луппол вместе с учениками написал краткий вариант общего курса истории русской философии для «Краткого очерка истории философии» [4, с. 167–185].

Пионерские работы по философии русских революционных демократов XIX в. в 1920–1930-е гг. были написаны В.Я. Кирпотиным и И.В. Фроловым. В.Я. Кирпотин занимался сюжетами из истории русской философии на стыке философии и литературоведения, а И.В. Фролов – на стыке философии и исторической науки. В.Я. Кирпотин изучал взгляды русских революционных демократов: Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Зайцева. Под его редакцией выходили сборники избранных общественно-политических произведений Добролюбова, Писарева. И.В. Фролов специализировался на истории общественной мысли России 1840–1860-х гг. Он написал монографию о взглядах Чернышевского. Совместно с А.В. Луначарским выпустил сборник работ Н.Г. Чернышевского по эстетике. Вместе с И.К. Лупполом он редактировал избранные сочинения Белинского.

Профессиональным историком философии и ближайшим помощником И.К. Луппола по занятиям русской философией был Л.О. Пипер. Он владел немецким, французским и английским языками. Был консультантом по диалектике в Публичной библиотеке в Ленинграде. В Москве он читал в 1935–1937 гг. в Институте красной профессуры философии полноценный курс истории русской философии.

Луппол как ученик академика Деборина был обвинен в «меньшевизмствующем идеализме». Луппол, Фролов, Пипер погибли в годы сталинских репрессий. Кирпотин попал под кампанию «борьбы с космополитизмом» и перестал заниматься историей русской философии. Особенно не повезло в этом отношении истории русской философии XVIII в. Многие годы в лагерях про-

вели уникальные специалисты по этой тематике: Я.Д. Бетяев, Л.С. Гордон, А.И. Казарин, Л.А. Петров. Я.Д. Бетяев скончался в тюремной больнице. Совершенно забыт замечательный профессионал У.Я. Коган, чьей заслугой было исследование малоизученных вопросов развития вольнодумной мысли русского XVIII в. Практически не помнят В.И. Чучмарева, изучавшего влияние на русскую мысль Лейбница и Дидро. Весьма полезны для работы библиографические указатели А.П. Примаковского по истории логики в России [7]. Один из главнейших провалов в историографии истории русской философии – это отсутствие в ней фигуры крупнейшего философа-текстолога русской философии XVIII–начала XIX вв. Л.Б. Светлова (Лехтблау). Им опубликованы и прокомментированы философские сочинения А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, А.П. Сумарокова, Н.М. Карамзина. Им введено в научный оборот множество текстов малоизвестных и забытых русских мыслителей. Некоторые из них были просто заново открыты Л.Б. Светловым.

Об этих исторических фактах современные историки русской философии частично не знают, частично их замалчивают. Многие годы распространяется легенда о том, что начало систематического изучения и преподавания истории русской философии положил М.Т. Иовчук. Но правду можно восстановить. В действительности Иовчук присвоил себе весь проект изучения истории русской философии после ареста И.К. Луппола. Потом он и его соратники из Института философии АН СССР и с кафедры истории русской философии философского факультета МГУ в течение десятилетий изображали дело так, что изучать историю русской философии Иовчуку препятствовали Луппол и другие философы – жертвы сталинских репрессий. Подобная версия поддерживается до сих пор. Погибшие в сталинских лагерях Луппол и Пипер неудобны в силу их марксистской ориентации. Иовчук же, при всей своей научной несостоятельности и одиозности годится на роль основоположника как «патриот».

Как произошла такая подмена? Председатель редколлегии серии «Классики русской философии» И.К. Луппол разработал в 1938 г. подробный план-проспект серии. За каждым томом был закреплен ответственный редактор. При И.К. Лупполе – до его ареста – в серии вышли две книги. Один из запланированных томов вел Иовчук – бывший студент Луппола, который слушал у него курс истории русской философии. Иовчуку же было поручено вести серию как издательскому редактору от Соцэргиза. После ареста Луппола Иовчук из издательского редактора превратился в ответственного редактора. Чтобы прикрыть эту подмену, систематически стала распространяться версия о «первопроходце» Иовчуке и мешавшем ему Лупполе. Сам Иовчук писал, что «меньшевиствующие идеалисты насаждали антипатриотические космополитические взгляды на историю русской философии» [1, с. 7]. Многолетний помощник Иовчука в Научном совете АН СССР по истории обществен-

ной мысли, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ А.Т. Павлов многократно утверждал эту версию в различных авторитетных коллективных трудах. Он писал, что «первый учебный курс по истории русской философии» создал Иовчук, что до него в Институте философии, Институте красной профессуры философии и в МГУ «исследования в области истории русской философии и философии народов СССР практически находились в зачаточном состоянии» [3, с. 146]. Группа Деборина, к которой принадлежал Луппол, будто бы «не разрабатывала истории философии народов СССР» [3, с. 146–147]. Наконец, А.Т. Павлов прямо заявил, что Луппол «недооценивал степень развитости философских традиций русской мысли» [2, с. 215, 238]. Все эти утверждения прямо противоположны исторической правде.

Иовчук придал истории русской философии идеологический статус. После перестройки особый статус остался, просто оценки поменялись с «плюса» на «минус», и русская философия из предшественницы марксизма-ленинизма превратилась в 1990-е гг. в резервуар конструирования «русской национальной идеи». Одна из философских дисциплин прежде и теперь заполняла идеологический вакуум. Характерно поэтому, что «русскую идею» стали пропагандировать те же самые люди, которые раньше боролись с «буржуазными извращениями» русской философии.

Политизация истории русской философии привела к тому, что ключевые позиции в ней заняли партийные начальники, считавшие для себя полезным «расти» по «научной» линии. Во все времена такого рода начальникам необходимы «перья». Отношения между обеими, обозначенными нами, группами историков русской философии были таковы, что партийные начальники паразитировали на настоящих исследователях, пользуясь результатами проделанного ими труда. Так произошло с учебным курсом и серией первоисточников Луппола, которые были присвоены Иовчуком. Подобный же случай можно наблюдать с изучением истории русской философии XVIII в. Несколько изданий первоисточников по русской философии XVIII в. были подготовлены и прокомментированы Л.Б. Светловым-Лехтблау. Он своим подвижническим трудом добыл множество неизвестных ранее текстов. Но результаты его труда пожал «ответственный редактор» Щипанов.

В серии «Классики русской философии», когда она начиналась, философы сами выступали составителями и комментаторами. Когда она попала в руки партийных выдвиженцев с кафедры истории русской философии философского факультета МГУ, ни один из этих «ответственных редакторов» не был способен стать составителем и автором комментариев. Это наглядно видно в библиографических описаниях книг серии. Во всех книгах серии «Классики русской философии» после ареста И.К. Луппола ответственный редактор – «патриот» с партбилетом, имитирующий философа. Составитель и комментатор – профессионал: философ, литературовед, историк.

Автор	Ответственный редактор и автор предисловия	Составитель и комментатор	Год издания
Герцен	М.Т. Иовчук	С.Я. Штрайх	1940
Антонович	В.С. Кружков	В.Е. Евгеньев-Максимов	1945
Белинский	М.Т. Иовчук	В.С. Спиридонов	1948
Добролюбов	М.Т. Иовчук	С.Я. Штрайх	1948
Писарев	В.С. Кружков	Н.Ф. Бельчиков	1949
Ломоносов	Г.С. Васецкий	П.Н. Берков	1950
Чернышевский	М.М. Григорьян	Н.В. Богословский	1950
Декабристы	И.Я. Щипанов	С.Я. Штрайх	1951
Мыслители XVIII в.	И.Я. Щипанов	Л.Б. Светлов	1952
Радищев	И.Я. Щипанов	Л.Б. Светлов	1952
Огарев	Н.Г. Тараканов	Я.З. Черняк	1952
Петрашевцы	В.Е. Евграфов	М.Я. Поляков	1953
Украинские мыслители	М.Т. Иовчук	В.Е. Евдокименко	1955
Ахундов	Ш.Ф. Мамедов	Г.Р. Мамедзаде	1962
Лавров	А.Ф. Окулов	И.С. Книжник-Ветров	1965
Русские просветители	И.Я. Щипанов	Л.Б. Светлов	1966

Когда дело доходило до поиска и комментирования текстов, «историки русской философии» ничего не могли сделать без специалистов. Достаточно задать вопрос, способен ли был, скажем, Г.С. Васецкий ориентироваться в научной периодике XVIII в. или И.Я. Щипанов разыскать позабытые тексты русских просветителей, чтобы ответ стал очевиден. «Ответственные редакторы» из официальных философов пристраивались к работе, проделанной профессионалами.

Почему так происходило? Потому что партийные философы имели «контрольный пакет» в инстанциях, от которых зависело само издание этих книг. Составители-комментаторы же были литературоведами и историками, и не могли иметь решающего голоса в вопросах издания.

Другая категория – это уже философы-профессионалы, но такие, которые были гонимы властью. Среди этих подлинных историков русской философии были люди, отсидевшие в сталинских лагерях (Л.С. Гордон, А.И. Казарин, Л.А. Петров), в нацистских лагерях (У.Я. Коган), либо заведомо не имевшие никаких официальных позиций (Л.Б. Светлов-Лехтблау). Они зачастую просто не имели средств на жизнь, потому что эти средства они могли получить, только увидев результаты своих трудов напечатанными. Поэтому и шли в кабалу. Их фамилии помещались мелким петитом между прамбулой и текстом комментариев. Со временем имена подлинных творцов истории русской философии «выпали» из «гнезда» этой философской дисциплины, вытолкнутые оттуда бездарными и беззастенчивыми «кукушатами».

В результате сохранения по сей день иовчуковско-щипановской версии историографии истории русской философии терпит ущерб репутация самого

этого научного направления. Сказанное позволяет сделать вывод, что адекватной научной картины становления и развития изучения истории русской философии в 1920–60 гг. мы не имеем. Нужно работать, вводить в оборот новые факты, имена и названия.

Список литературы

1. Из истории русской философии. – М.: Госполитиздат, 1949.
2. История философии в СССР. – Т. 5. Кн. 2. – М.: Наука, 1988.
3. История философской мысли в Московском университете. – М.: МГУ, 1982.
4. Луппол И.К. История философии в России / И.К. Луппол // Краткий очерк истории философии. – М.: Политиздат, 1940.
5. Луппол И.К. Перспективы высшего философского образования в РСФСР / И.К. Луппол // Научный работник. – 1927. – № 5–6. – С. 59–69.
6. Маслин М.А. Школа истории русской философии / М.А. Маслин // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. – М.: МГУ, 2013.
7. Примаковский А.П. Библиография по логике: Хронологический указатель произведений по вопросам логики, изданных на русском языке в XVIII–XX вв. / А.П. Примаковский. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 96 с.
8. Философская энциклопедия: План-проспект // Вестник Коммунистической академии. – 1928. – № 30. – С. 268–279.

TWO HISTORIOGRAPHIES OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE SOVIET PERIOD

*S. N. Korsakov*¹

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Abstract. *As a result of the continuing cultivation of the Iovchukovo-Shchipanov version of the historiography of the history of Russian philosophy, the reputation of this scientific direction is being damaged. The crucial role in its formation was played not by party officials, but by those who extracted new knowledge. Among them, those rejected by the system prevail: I. K. Luppul, L. O. Piper, I. V. Frolov, Ya.D. Betyaev, L. S. Gordon, A. I. Kazarin, L. A. Petrov. It is useful to update the results of research on the thought of the XVIII century by U.Ya. Kogan, V.I. Chuchmarev. A critical gap is the lack of attention to the work of L. B. Svetlov (Lehtblau), who introduced many texts of little-known and forgotten Russian thinkers into scientific circulation. The urgent task is to create a fact-based historiography of the history of Russian philosophy that is free from ideological shrouds.*

Keywords: *history of philosophy, Russian philosophy, Soviet philosophy, Stalinist repressions, I.K. Luppul, L.O. Piper.*

¹ KORSAKOV Sergey Nikolaevich, Ph. D, Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 167.7:101.8

ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ ТИПОЛОГИИ

Е.А. Тюгашев¹

*ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет», г. Новосибирск, Россия
E-mail: filosof10@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье обсуждаются актуальные вопросы социально-философского учения об общественном сознании. Предложено дифференцировать виды, формы и уровни общественного сознания. Форма общественного сознания характеризуется как внешняя рефлексия социума, проецирующая на мир определенный вид общественных отношений.*

***Ключевые слова:** В.Н. Борисов, В.П. Фофанов, социальная философия, общественное сознание, рефлексия.*

В российской социальной философии сохраняет определенное методологическое значение концепт формы общественного сознания. В настоящее время он активно применяется для характеристики правосознания, политического сознания, морали, искусства, культуры, науки, религии, науки, мифа и др. Очевидно, что в качестве форм общественного сознания идентифицируются разнородные феномены духовной жизни. Это признак недостаточной определенности концепта. Задача данной статьи состоит в уточнении оснований систематизации форм общественного сознания, осуществляемой при неопределенности понятия общественного сознания.

Форма общественного сознания – квазипонятие?

Подобная неопределенность присуща так называемым «допредметным» понятиям, вырабатываемым на этапе первичных теоретических концептуализаций эмпирического объекта [12, с. 79–80]. Дальнейшее конструирование целостной теоретической системы интегрирует и упорядочивает допредметные понятия, позволяет уточнить их логические связи и содержание. Некоторые допредметные понятия (например, «эфир», «флогистон») могут признаваться фиктивными, фиксирующими видимость явлений.

Не исключено, что таким квазипонятием выступает понятие формы общественного сознания. Косвенным признаком данного эпистемологического

¹ ТЮГАШЕВ Евгений Александрович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

статуса является очень редкое обращение к представлению о формах общественного бытия. Это крайне странно при наличии канонической категориальной связи общественного бытия и общественного сознания. По-видимому, не случаен и тот факт, что составители философских словарей и энциклопедий не включают в свои словники термин «форма общественного сознания», хотя там находится место формам жизни, формам движения материи, формам знания. Впрочем, авторы энциклопедических и словарных статей термином «форма общественного сознания» в своих текстах оперируют активно.

Следовательно, это «работающее» понятие. Но пытаться дать ему точное определение – задача бесперспективная. Как квазипонятие оно все равно будет снято при систематизации эмпирического и теоретического материала и замещено более удобными терминами. Но прежде оно должно выработать свой концептуальный ресурс и сформировать предпосылки для введения понятий, системных для социально-философской теории.

Теоретическое конструирование данной теории не следует рассматривать как произвольную спекулятивную деятельность, ограничивающуюся формальными, условными определениями. Любые теоретические различия должны быть эмпирически значимыми. И наоборот, разнотипные эмпирические объекты должны быть представлены в репрезентациях разного уровня. Поэтому теоретическое конструирование и эмпирическая систематизация взаимообусловлены, а познавательное движение между эмпирическим и теоретическим уровнями итеративно. Следовательно, эмпирическая систематизация имеет самостоятельную ценность даже при неясности ее теоретических предпосылок.

Слабые звенья учения об общественном сознании

Справедливо отмечено, что разработанная в советской философии модель структуры общественного сознания «до сих пор не имеет альтернатив и используется в качестве базисной в современных исследованиях» [3, с. 38]. В этой модели при «сортировке» феноменов общественного сознания различали формы и виды общественного сознания, а также его уровни и сферы. Но, как отмечал наиболее авторитетный советский исследователь общественного сознания А.К. Уледов, единой трактовки в понимании его структуры не сложилось. Выделение отдельных компонентов общественного сознания и выявление взаимосвязей между ними он считал слабыми – причем в равной степени слабыми – звеньями в его исследовании [8, с. 414].

Причину данных проблем А.К. Уледов видел в отсутствии единых критериев структурирования, обусловленном многоаспектностью описания общественного сознания. Он указывал на гносеологический, социологический и конкретно-исторический аспекты [8, с. 413]. И в каждом из них используются специфические критерии (например, по предмету и способу отражения – в гносеологическом аспекте). Следовательно, можно выделить еще два сла-

бых звена – множественность критериев структурирования общественного сознания и многоаспектность его анализа.

На наш взгляд, это чисто технические (методические) затруднения, возникающие в феноменологии любого объекта. Многоаспектность в любом случае неизбежна, а критерии можно соотнести и упорядочить при систематизации описания, применив принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

С социально-философской точки зрения важнее другое: в каких понятиях необходимо отображать феномен общественного сознания в предмете именно этой дисциплины? Это актуально в перспективе перехода от допредметного этапа теоретического моделирования к предметному этапу, исходящему из базисных понятий философской дисциплины.

В связи с этим обращает на себя внимание дисциплинарная идентичность сложившихся аспектов анализа общественного сознания. Это гносеология, социология, история. Когда выделяют общественную психологию как уровень общественного сознания, то это еще и психология. Различение предмета и способа отражения ведет к выделению онтологического и методологического аспектов. Интерпретация культуры как формы общественного сознания вводит аксиологический аспект, поскольку культуру принято определять в качестве совокупности норм-ценностей. И этот список дисциплин не исчерпан.

Внимательное рассмотрение указанных аспектов анализа общественного сознания не позволяет отнести их к социальной философии (в традиционном понимании ее границ). Отмечаемая многоаспектность проявляется как научно-философская мультидисциплинарность. А собственно социально-философский аспект, как оказывается, в ней отсутствует? И можно ли считать необходимым для социальной философии анализ общественного сознания «через призму единства гносеологического и социологического аспектов» [8, с. 416]?

Но все не так драматично, как может показаться при сугубо формальном критическом подходе к оценке сложившейся исследовательской традиции.

Во-первых, исторический материализм понимался и как социальная философия, и как общетеоретическая социология. А деятельность и общественные отношения как критерии структурирования едва ли мы обнаружим в современной теоретической социологии. Следовательно, эти критерии относятся к социально-философскому аспекту.

Во-вторых, выделение гносеологического аспекта в анализе общественного сознания можно интерпретировать как функцию социальной гносеологии, которую предложено позиционировать как раздел социальной философии. Достаточно учесть, что предмет и способ отражения являются структурными моментами процесса социальной деятельности. Спецификация социального субъекта отражения как момента этого же процесса деятельности позволит дифференцировать обыденное сознание и идеологию.

Следовательно, еще одним слабым звеном учения об общественном сознании является неадекватная рефлексия дисциплинарного статуса аспектов анализа его собственного содержания. Более точная рефлексия, с одной стороны, может легитимировать социально-философски переосмысленное различие гносеологического и социологического аспектов, а с другой – позволит более полно их использовать для дифференциации элементов общественного сознания.

Приоритетность «социологического» аспекта

Итак, если признать социально-философский статус «гносеологического» и «социологического» аспектов, то возникает вопрос об очередности их применения в описании общественного сознания. Сложившаяся традиция паритетного – двухаспектного, «гносеолого-социологического» – анализа общественного сознания приемлема на допредметном этапе социально-философского теоретизирования. С переходом к построению систематической социально-философской теории необходимо определить последовательность этапов структурирования на основании того или иного аспекта.

Со всей определенностью эта проблема ранее не ставилась. Но отдельные исследователи высказывали предпочтения в пользу приоритетности как «гносеологического», так и «социологического» аспектов. Да и гипотетически присущая допредметному этапу рядоположенность анализа де-факто не могла быть реализована, так как требовалась определенная логическая последовательность поаспектного изложения результатов исследований.

А.К. Уледов косвенным образом высказался в пользу «социологического» аспекта. На его взгляд, «общественные отношения и деятельность являются достаточно универсальными критериями структурирования общественного сознания» [8, с. 415]. Я также сформулирую несколько аргументов в пользу данного заключения.

Во-первых, общественное сознание есть собственно социальный феномен. Поэтому логично первоначально зафиксировать детерминирующий его социальный контекст.

Во-вторых, прежде чем выделять, например, политическое сознание по политическим отношениям как «предмету отображения», необходимо дифференцировать виды общественных отношений. А когда будут выделены последние, то автоматически структурируются и опосредствующие их виды общественного сознания.

В-третьих, как отмечалось выше, различие предмета и способа отражения проводится в парадигме деятельности. Следовательно, первоначально следует систематически описать систему деятельности, а затем опосредствующее ее отражение (внутреннюю рефлекссию). При этом важно определить, что понимать под предметом деятельности (и отражения), а также установить основания дифференциации способов отражения. Произвольное выделение

предметов и способов отражения, как и других моментов процесса деятельности, приведет к дурной бесконечности в силу возможной фиксации этих моментов на уровне единичного.

Таким образом, при структурировании элементов общественного сознания приоритетным является «социологический аспект», основывающийся на типологии общественных отношений и деятельности.

Виды общественного сознания

А.К. Уледов указывал, что «при структурировании общественного сознания важно опираться на диалектику деятельности и отношений» [8, с. 415]. В использовании этой диалектики также важно понять методологическую значимость различия между деятельностью и общественными отношениями как критериями структурирования.

В восхождении от абстрактного к конкретному формальным приоритетом обладает критерий деятельности, так как само общественное отношение реконструируется как сложная система социальной деятельности. Но на допредметном этапе построения социально-философской теории последовательность систематизации элементов общественного сознания является обратной. Сначала следует обратиться к типологии общественных отношений, что и делает А.К. Уледов, указывая на коррелятивность структуры общественного сознания и структуры общественных отношений: «Политическим отношениям, например, соответствует политическое сознание, нравственным – моральное сознание и т.д.» [8, с. 414].

Однако применение критерия общественных отношений затруднено, по мнению А.К. Уледова, недостаточной разработанностью теории общественных отношений. С этим мнением нельзя не согласиться. Но в то же время следует признать наличие определенного уровня разработанности данной теории, позволяющего предварительно классифицировать элементы общественного сознания.

Продолжая его, следует констатировать, что правовым отношениям соответствует правосознание, экономическим отношениям – экономическое сознание, гендерным отношениям – гендерное сознание и т.д. Иначе говоря, каждому виду общественных отношений соответствует определенный вид общественного сознания. Такое соответствие существует в силу того, что общественное отношение есть взаимодействие сознательных социальных субъектов. Следовательно, каждый вид общественных отношений содержит в своей структуре соответствующий вид общественного сознания как необходимый структурно-функциональный компонент.

Понятие вида общественного сознания для обозначения данных структурных элементов представляется удобным использовать потому, что концепт формы общественных отношений не получил распространения. Чаще говорят о видах общественных отношений. Следовательно, для включенного в их состав общественного сознания целесообразно использовать типологическую единицу «вид».

Для первоначальной типологии видов общественных отношений и соответствующих им видов общественного сознания удобно использовать базисно-надстроечную модель социума (см. рис. 1).

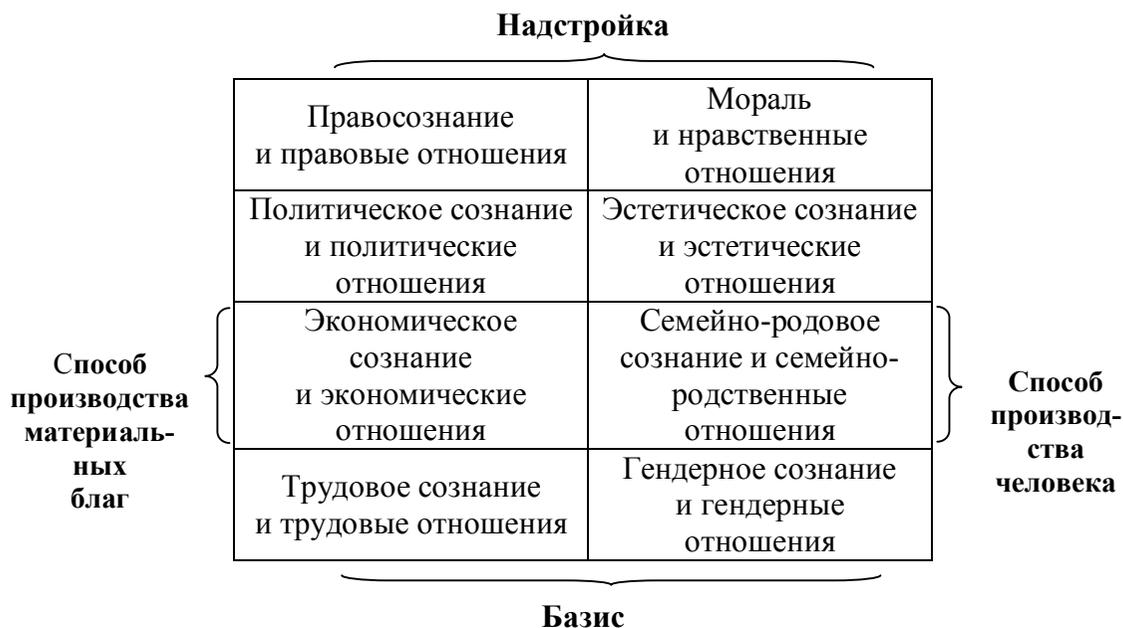

Рис. 1. Базисно-надстроечная модель социума

Использование базисно-надстроечной модели социума в приведенном варианте устраняет ряд проблем в описании общественного сознания.

Во-первых, виды общественного сознания однозначно «привязываются» к тем видам общественных отношений, в структуру которых они входят. Поэтому не существует видов общественного сознания, «витающих» где-то над базисом. Так, правосознание входит в состав системы правовых отношений – «юридической надстройки». Соответственно, мораль есть нравственное сознание, то есть компонент системы нравственных отношений.

Во-вторых, все виды общественных отношений опосредованы соответствующими видами общественного сознания. Не существует видов общественных отношений без включенных в их состав видов общественного сознания. Так, трудовые отношения – отношения разделения и кооперации трудовой деятельности – опосредованы трудовым (технологическим) сознанием.

В-третьих, «отфильтровываются» те структурные элементы общественного сознания, которые по критерию принадлежности к видам общественных отношений не могут быть классифицированы как виды общественного сознания. Таковы, например, наука, религия и философия. Последние «обслуживают» все виды общественных отношений. В частности, поэтому есть и политическая наука, и политическая теология, и философия политики.

Формы общественного сознания

Каждый вид общественного сознания может существовать в той или иной форме – научной, религиозной, художественной и т.п. Поэтому искусство, например, интерпретируется как форма общественного сознания в целом, независимо от того, какой вид общественного сознания оно оформляет.

Таким образом, из перечня «форм» общественного сознания, предложенного в последней систематической монографии на эту тему [10], собственно к формам относятся только искусство, наука, религия и философия, а мораль, политическое сознание и правосознание относятся к видам общественного сознания. Указанное различие между видами и формами общественного сознания эмпирически очевидно и интуитивно ясно. Но основания выделения именно форм общественного сознания фиксируются противоречиво.

Например, В.С. Барулин писал о том, что философия и религия являются мировоззрениями, хотя и различного типа [1]. В данном случае он ассоциировал эти формы по общему объекту отображения – миру в целом. А науку он специфицировал по способу отражения действительности – теоретико-понятийному [1]. Но наука также выступает мировоззрением. Да и признак теоретико-понятийного отражения не отличает науку от философии и теологии как теоретического уровня религиозного сознания.

Усиливая тезис В.С. Барулина, можно выдвинуть предположение о том, что формы общественного сознания объединяет общий объект отражения – мир. В этом состоит их отличие от видов общественного сознания (политического, экономического, правового и др.), отражающих лишь содержание соответствующих видов общественных отношений. Все формы общественного сознания имеют мировоззренческий статус и по-разному выделяют свой предмет в мире как объекте. Гносеологическое различение объекта и предмета крайне важно при характеристике мировоззрений.

Способ отражения (или метод) также имеет отношение к спецификации мировоззрений. Известное наблюдение о методе как способе движения предмета интересно тем, что выделение предмета можно считать обусловленным методом, применяемым субъектом отражения. Какими же способами отражается мир в формах общественного сознания?

Для ответа на этот вопрос можно опереться на принцип единства предмета и метода познания. Но предварительно обратим внимание еще на одну дистинкцию. Когда В.С. Барулин писал о понятийном способе отражении мира, то, строго говоря, он имел в виду средства отражения. Следовательно, формы общественного сознания он специфицировал не по способу, а по средствам отражения. А в системе деятельности средства берутся из «обработанных» предметов – видов общественных отношений, уже осознанных в соответствующих видах общественного сознания.

Поэтому имеется необходимая и существенная связь между типологиями видов и форм общественного сознания. Спецификация последних под углом зрения генетической преемственности с конкретными видами общественных отношений позволяет установить взаимно-однозначную связь (см. рис. 2).

УТОПИЯ	Правосознание и правовые отношения	РЕЛИГИЯ	Мораль и нравственные отношения
ФИЛОСОФИЯ	Политическое сознание и политические отношения	ИСКУССТВО	Эстетическое сознание и эстетические отношения
НАУКА	Экономическое сознание и экономические отношения	МИФОЛОГИЯ	Семейно-родовое сознание и семейно-родственные отношения
ЯЗЫК	Трудовое сознание и трудовые отношения	ЭЗОТЕРИКА	Гендерные отношения

Рис. 2. Позicionирование форм общественного сознания

Данная связь зафиксирована, например, в наблюдении А.Ф. Лосева о том, что мифология возникла как «фантастическое перенесение общинно-родовой формации на всю природу и на весь мир, когда все вещи оказываются живыми существами, объединенными к тому же родственными отношениями» [10, с. 459]. Соответственно, мировоззренческое ядро древних мифических представлений усматривается в «идее о космическом браке, из которого разворачивалась вся множественность мира» [11, с. 510]. Подобный механизм переноса действует в отношении всех форм общественного сознания.

Внутренняя и внешняя рефлексия: Г.В.Ф. Гегель – В.Н. Борисов

Выделенный механизм переноса (трансфера) в феноменологии общественного сознания фиксировался по-разному. Писали о проекции, конструктивизации, взгляде через призму, морфологической репрезентации, социоморфизме (антропоморфизме, техноморфизме и т.п.), использовании «основной метафоры», закреплении фигур практики в фигурах логики, снятии в онтологической схеме объекта организационной схемы деятельности.

К указанному можно также добавить, что виды и формы общественного сознания взаимосвязаны как внутреннее и внешнее. Вид общественного сознания опосредствует соответствующий ему вид общественных отношений, отображает его. Наряду с этим данный вид общественных отношений про-

ещируется на весь мир, и мир описывается посредством категорий этого вида общественного сознания. Подобным образом И. Кант объяснял происхождение религии из нравственности. По его мнению, мораль формулирует идею морального законодателя, определяющего конечную цель мироздания [5, с. 81–82]. Таким образом, форма общественного сознания выходит за пределы порождающего ее вида общественных отношений и выступает внешним отражением, тогда как вид общественного сознания функционирует как внутреннее отражение.

В силу экстраполяции на мир и универсализации форма общественного сознания выступает именно формой (или режимом функционирования) всего общественного сознания. Поэтому каждый вид общественного сознания может существовать во всех его формах. Например, политическое сознание может быть и научным, и художественным, и эзотерическим (в варианте, например, конспирологии).

Можно также говорить об экстериоризации отражения, перехода его из внутреннего пространства во внешнюю среду. Соотношение внутреннего и внешнего отражения зафиксировано, на мой взгляд, в концепции внутренней и внешней рефлексии.

Истоки этой концепции мы обнаруживаем у Г.В.Ф. Гегеля. Не останавливаясь на изложении его учения о рефлексии, обратим внимание только на характеристику внешней рефлексии. Ее суть он видел в предикатировании – приписывании субъектом готовых определений (предикатов) предмету [4, с. 136]. Полагая внешнюю рефлексия метафизика чисто субъективной, Г.В.Ф. Гегель указывал на наличие в предмете внутренней (объективной) рефлексии.

Как известно, для Г.В.Ф. Гегеля рефлексия была не самосознанием, а отражением вообще [11]. Это отражение бывает внешним и внутренним (самоотражение). «Существование есть непосредственное единство, – писал он, – рефлексии-в-самое-себя и рефлексии-в-другое» [4, с. 287]. Следовательно, внешняя рефлексия – это рефлексия-в-другое. Важно подчеркнуть, что она необходимо связана с внутренней рефлексией – рефлексией-в-самое-себя. Поэтому внешняя рефлексия субъекта не произвольна, а является экстериоризацией внутренней рефлексии.

Насколько мне известно, В.Н. Борисов первый в советской философии обратил внимание на феномен внешней рефлексии: «...Все формы рефлексии в научном познании можно разделить, прежде всего, на внутренние и внешние. Первые включены в тот или иной конкретный познавательный процесс и систему знания; вторые представляют собой осознание научного познания и его результатов как бы со стороны, хотя и в рамках науки в целом» [2, с. 10]. К сторонам, осуществляющим внешнюю рефлексия науки, В.Н. Борисов от-

нес логику, методологию, теорию познания, науковедение, психологию научного творчества, историко-научные исследования.

Очевидно, что внешняя рефлексия не просто произвольным субъективным образом предикатирует те или иные проявления науки, а применяет в качестве познавательных средств категории различных дисциплин для выявления дисциплинарно значимых аспектов феномена науки.

Так и социум как субъект социального отражения не только рефлексировать себя в видах общественного сознания, но и отражает во внешней рефлексии весь окружающий мир. В формах общественного сознания мир предикатирован в категориях практики, конституирующей конкретные виды общественных отношений.

Изоморфизм форм общественного сознания

Формы общественного сознания принято сравнивать попарно, указывая наличие или отсутствие того или иного компонента (уровня) духовной деятельности. Обобщая сложившуюся исследовательскую практику, В.С. Барулин писал, что «каждая форма характеризуется специфическим соотношением обыденного сознания, психологии, теоретического уровня освоения действительности» [1].

Но с точки зрения абстрактной модели системы духовной деятельности [13, с. 69–85], пожалуй, ничего специфического – за исключением конкретно-исторического состояния – в этом соотношении нет. Усиливая тезис В.С. Барулина, можно утверждать, что каждая форма общественного сознания включает в себя психологию, обыденное сознание, теоретический уровень отражения, а также другие компоненты: наблюдательно-экспериментальную практику, стадии фундаментального и прикладного познания, популяризацию, инженерию и проектирование, массовое сознание и т.п. Какой бы компонент в одной из форм общественного сознания мы не выделили (например, музыкальное исполнительство), мы обнаружим его структурно-функциональные аналоги в других формах общественного сознания (например, воскресное проповедничество). Поэтому можно говорить об изоморфизме – тождестве структур – форм общественного сознания.

Проиллюстрируем данный изоморфизм на примере выделения эмоционального начала в каждой форме общественного сознания.

Эмоциональным началом философии традиционно считается удивление. Удивление относится к классу базовых (первичных, элементарных) эмоций. Предложенные к настоящему времени различные версии теории дифференциальных эмоций выделяют около десяти фундаментальных (основных) эмоций, среди которых страх, удивление, радость, гнев (злость), любопытство (интерес), печаль (грусть, горе), отвращение, презрение, стыд, вина, гордость, удовольствие, счастье и др. [15]. Существенно то обстоятельство, что спектр базовых эмоций ограничен. Поэтому каждая из восьми форм общественного сознания может быть соотнесена с конкретной базовой эмоцией.

В социальной философии проблема психологических корней форм общественного сознания в абстрактно-общем виде не ставится. Но в философии религии, например, еще в античности была предложена «теория страха». Она коррелятивна наблюдению об удивлении как начале философии, хотя собственно «теория удивления» еще не сформирована. Наличие «теории страха» косвенно подтверждает обоснованность разработки «теории удивления». Существование таких теорий позволяет выдвинуть предположение о том, что психогенез каждой из форм общественного сознания начинается с конкретной базовой эмоции.

В философии языка с античности известна теория эмоционального происхождения языка, или «теория междометий». Правда, она не конкретизирует базовую эмоцию, побуждающую к коммуникации. С учетом исследований коммуникативной деятельности у животных можно предполагать, что лежащая в ее основе базовая эмоция имеет положительный оттенок, информирует об успехе особи, прежде всего, в добывании корма. Из известных эмоций (или чувств) наиболее близка к этому эмоциональному состоянию гордость.

По различным свидетельствам, в отношении психогенеза науки будет справедлива «теория любопытства». Ученому присущи такие признаки любопытства (интереса) как избирательность восприятия, внимательность к подробностям.

В отношении психологических корней возникновения искусства может быть предложена «теория радости». «Искусство – это, прежде всего, радость...» – говорил М.К. Мамардашвили [7, с. 9].

Представляется возможным «вычислить» базовую эмоцию для мифологического сознания. Наиболее фундаментальные мифологемы – это хаос и порядок. Они соотносятся с архетипами чистого и нечистого (скверны) и разделяющей их границы (рубежа). Соприкосновение с нечистотой сопровождается эмоцией отвращения (брезгливости, омерзения, гадливости). Отвращение может вызывать любое непривычное явление, нарушающее привычные границы и порядок. Поэтому можно предполагать, что отвращение – начало мифологии.

Истоком утопического сознания является базовая эмоция гнева. Она переживается как неприятие действительности, критическое отношение к ней, побуждающее к преобразованию. Заслуживает внимания наблюдение о том, что «большинство исследователей утопического мышления сходятся на понимании утопии как специфического способа мышления, имеющего тенденцию полного или частичного разрушения существующих устоев» [14, с. 126].

Эзотерика рождается из базовой эмоции печали (горя), переживания утраты чего-либо и желания каким-то образом восполнить непоправимую потерю.

В итоге эмоциональные корни форм общественного сознания можно представить в следующей сравнительной таблице (см. рис. 3).

УТОПИЯ	Гнев	РЕЛИГИЯ	Страх
ФИЛОСОФИЯ	Удивление	ИСКУССТВО	Радость
НАУКА	Любопытство	МИФОЛОГИЯ	Отвращение
ЯЗЫК	Гордость	ЭЗОТЕРИКА	Печаль

Рис. 3. Эмоциональные начала форм общественного сознания

Мы не будем приводить различные оговорки, проблематизирующие представленный результат. Это всего лишь возможная иллюстрация изоморфизма форм общественного сознания на уровне его эмоциональных истоков. Предложенная версия открывает перспективу унификации системно-генетического описания специфики и содержания форм общественного сознания с учетом концепций (например, «точек удивления» В.С. Библера), разработанных применительно к отдельным этим формам.

Таким образом, при типологизации феноменов общественного сознания в социальной философии необходимо дифференцировать несколько категориальных рядов (или категориальных гнезд):

- виды общественного сознания, выступающие внутренней рефлексией видов общественных отношений;
- формы общественного сознания, выступающие внешней рефлексией видов общественных отношений, то есть проекцией этих отношений на мир;
- уровни общественного сознания как внутренние структурные моменты духовной деятельности, инвариантные по отношению к видам и формам общественного сознания.

Список литературы

1. Барулин В.С. Социальная философия: учебник / Барулин В.С. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/barulin_socialnaya_filosofiya.pdf.
2. Борисов В.Н. Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции / В.Н. Борисов // Проблемы рефлексии в научном познании. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1983. – С. 7–13.
3. Гаврилов А.А. Современные тенденции в методологии исследования общественного сознания / А.А. Гаврилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. – Тамбов: Грамота, 2013. – С. 37–40.

4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т. 1. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – 452 с.
5. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
6. Лосев А.Ф. Мифология / А.Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – С. 457–467.
7. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении / М.К. Мамардашвили. – М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. – 812 с.
8. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное. – М.: Наука, 1981. – 432 с.
9. Мильков В.В. Язычество // Новая философская энциклопедия. – В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. – С. 510–511.
10. Общественное сознание и его формы / под бщ. ред. В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1986. – 367 с.
11. Тюгашев Е.А. Рефлексия как отражение: случай основной метафоры / Е.А. Тюгашев // Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов IX Международного симпозиума 17-18 октября 2013 г. / Отв. ред. В.Е. Лепский. – М.: Когито-Центр, 2013. – С. 39–42.
12. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система / В.П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 305 с.
13. Фофанов В.П. Социальная деятельность и теоретическое отражение / В.П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 189 с.
14. Шестаков А.А. Архитектурно-градостроительная утопия как проективный идеал / А.А. Шестаков, А.В. Адонина // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». – 2018. – № 1. – С. 123–131.
15. Ortony A. What's Basic About Basic Emotions? / A. Ortony, T.J. Turner // Psychological Review. – 1990. – № 3. – P. 315–331.

FORMS OF SOCIAL CONSCIOUSNESS: EXPERIENCE IN SYSTEM TYPOLOGY

E.A. Tyugashev¹

*Federal state autonomous educational institution of higher education
“Novosibirsk national research state university”, Novosibirsk, Russia
E-mail: filosof10@yandex.ru*

Annotation. *The article discusses key issues of socio-philosophical teaching on social consciousness. It is proposed to differentiate types, forms and levels of social consciousness. The form of social consciousness is characterized as an external reflexion of society, projecting a certain type of social relations on the world.*

Keywords: *V.N. Borisov, V.P. Fofanov, social philosophy, social consciousness, reflexion.*

¹ TYUGASHEV Evgeny Alexandrovich, doctor of philosophy, associate Professor of the Novosibirsk State University

НАШИ АВТОРЫ

ТАЙСИНА Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета (Казань).

E-mail: Emily_Tajsin@inbox.ru

ЮРОВИЦКИЙ Станислав Витальевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Академии для одаренных детей (Наяновой) (Самара).

E-mail: ystas79@yandex.ru

НАКАМУРА Масаки, профессор государственного университета Осаки (Осака).

e-mail: masamuradin@gmail.com

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна, доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Минск).

e-mail: ulia_bank@tut.by

ДАВЕДЕНКО Светлана Викторовна, аспирант ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» 47.06.01 Философия, этика и религиоведение, профиль «Онтология и теория познания» (Самара).

E-mail: davsv@inbox.ru

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара).

E-mail: shestakovalex@yandex.ru

КОРСАКОВ Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН (Москва).

E-mail: snkorsakov@yandex.ru

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института имени И.Е. Репина при Российской академии Художеств (Санкт-Петербург).

E-mail: kostavictor@yandex.ru

НУРУЛЛИН Рафаиль Асгатович, доктор философских наук, профессор кафедры Общей философии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань).

E-mail: nurulla958@mail.ru

ТЮГАШЕВ Евгений Александрович, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (Новосибирск).

E-mail: filosof10@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет» (Ульяновск).

E-mail: vfar@mail.ru

ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры «История и философия» (Тольятти).

E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru

ШЕВЧЕНКО Екатерина Борисовна, старший преподаватель кафедры «Лингвистика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара).

E-mail: e.b.shevchenko@mail.ru

АЛЬ-ЗУБАЙДИ Сура Хасан, магистр ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самара).

E-mail: sura.alzubaidi@yandex.com

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК САМГТУ. СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник СамГТУ. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):
 - скан рекомендации кафедры;
 - скан заполненного лицензионного договора.

- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендацию кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учебы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать иные дополнительные сведения о себе. Необходимо указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи:

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать ее содержанию.
4. Во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу.

5. Выбранные методы должны быть адекватными поставленным задачам.

6. Результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким.

7. За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несет автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьей дается по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf));
- язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных ученых или юбилейных датах, некрологи) в объеме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи:

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).

2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) дается на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).

3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

4. Название основного места работы (учебы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).

5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов), библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.